

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

10
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: bityunan@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала. Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала. Осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: bityunan@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor-in-chief*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors

Y.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

M.P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогова*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, РГГУ

М.П. Одесский, доктор филологических наук, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

Оксана И. Киянская, Давид М. Фельдман
Детство и юность журналистки Натальи Логуновой:
по мемуарам «Три эпохи» 12

Михаил П. Одесский
Литературная критика и антропософия Андрея Белого:
Ф.М. Достоевский в трактате «История становления
самосознающей души» 28

Андрей Л. Юрганов
Публицистический аспект борьбы с правым уклоном
в сатирическом журнале «Крокодил» (1929 г.) 37

Евгения В. Бродская
Рецепция фильма Э.Г. Кеосаяна «Неуловимые мстители»
в 1960–1970-е гг. в советской прессе 49

Проблемы теории журналистики

Наталья Я. Макарова
Актуальные подходы к созданию культурно-просветительских
программ на телеканале «Россия-К» 62

Вероника И. Ярных
Корпоративное телевидение как инструмент
корпоративной бренд-журналистики 73

Кирилл А. Зорин
Локальные медиа в структуре медиасистем
на границе межличностной и массовой коммуникации 82

История публицистики. Риторика

Юрий Г. Бит-Юнан
Очерк В.С. Гроссмана «Добро вам!»:
эволюция публицистической составляющей 97

Анастасия Г. Готовцева, Дмитрий Э. Кузовкин
В обстановке взрыва: конец XX века в публицистике
Ю.М. Лотмана 134

Язык СМИ

Елена П. Буторина
Медиатизация как фактор закрепления аналитических тенденций
в грамматике: по материалам газетного подкорпуса НКРЯ 153

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

- Oksana I. Kiyanskaya, David M. Feldman*
Childhood and youth of journalist Natalia Logunova.
From memoirs “Three eras” 12

- Mikhail P. Odesskii*
Andrey Bely’s literary criticism and anthroposophy.
Fyodor Dostoevsky in the treatise “History of the Formation
of a Self-Conscious Soul” 28

- Andrei L. Iurganov*
The publicistic aspect of the struggle against right-wing bias
in party politics in the satirical magazine “Crocodile” (1929) 37

- Evgeniya V. Brodskaya*
The reception of E. Keosayan’s “Elusive Avengers”
in Soviet printed media 1960s–1970s 49

Issues of the Theory and History of Journalism

- Natalia Ya. Makarova*
Current approaches to the creation of cultural
and educational programs on the TV channel “Russia-Culture” 62

- Veronika I. Yarnykh*
Corporate TV as a tool of corporate brand journalism 73

- Kirill A. Zorin*
Local media in the structure of media systems.
At the border between interpersonal and mass communication 82

History of Publicism. Rhetoric

- Yury G. Bit-Yunan*
V.S. Grossman’s essay “Good wishes to you!”.
Evolution of the publicistic component 97

Anastasiya G. Gotovtseva, Dmitry E. Kuzovkin
In the setting of an explosion. The end of the 20th century
in journalism of Yu.M. Lotman 134

Language of Mass Media

Elena P. Butorina
Mediatization as a factor in the consolidation
of analytical trends in grammar. Based on the materials
of the newspaper subcorpus of the RNC 153

История журналистики и литературной критики

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-12-27

Детство и юность журналистки Натальи Логуновой:
по мемуарам «Три эпохи»

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Москва, Россия, kianoiks@inbox.ru*

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь пойдет о мемуарном наследии Натальи Аполлинарьевны Ивановой, в замужестве Логуновой (1903–1972) – российской журналистки и писательницы, эмигрировавшей в 1940-е гг. в США. Анализируется первая часть ее хранящихся в архиве Колумбийского университета мемуаров, посвященная детству и юности в дореволюционной Одессе. Речь идет о семье мемуаристки, о ее гимназических годах, первых литературных опытах, попытках опубликовать первые произведения. Кроме того, анализируются исторические события начала XX в., о которых размышляет Логунова, и их влияние на жизнь мемуаристки и ее близких.

Ключевые слова: Одесса, мемуары, литературное творчество, журналы, война, революция

Для цитирования: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Детство и юность журналистки Натальи Логуновой: по мемуарам «Три эпохи» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 12–27. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-12-27

© Киянская О.И., Фельдман Д.М., 2022

Childhood and youth of journalist Natalia Logunova. From memoirs “Three eras”

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia;
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the memoirs of Natalia Apollinariievna Ivanova, married Logunova (1903–1972), a Russian journalist and writer who emigrated to the United States in the 1940s. The author analyzes the first part of her memoirs from the Columbia University Archives, covering her childhood and adolescence in pre-revolutionary Odessa. It is about the family of the memoirist, her gymnasium years, the first literary experiences, attempts to publish her first works. In addition, the historical events of the early twentieth century, which Logunova reflects on, and their impact on the life of the memoirist and her loved ones, are analyzed.

Keywords: Odessa, memoirs, literary work, magazines, war, revolution

For citation: Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2022), “Childhood and youth of journalist Natalia Logunova. From memoirs ‘Three Eras’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-12-27

Наталья Аполлинарьевна Иванова, в замужестве Логунова (1903–1972) – российская журналистка, писательница и мемуаристка, эмигрировавшая в 1940-е гг. в США. Это уже не первая наша статья, посвященная Логуновой, ее биографии и творческому наследию [Киянская, Фельдман 2019а; Киянская, Фельдман 2019б; Киянская, Фельдман 2021].

---

¹ В документах Логунова указывала, что родилась 26 февраля 1903 г. Однако в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. она была уже взрослой. Кроме того, в войне принимали участие ее младшие сестра и брат. Таким образом, год рождения, скорее всего, указан ею неверно.

Основным источником для данной работы послужили мемуары журналистки под названием «Три эпохи», хранящиеся в архиве Колумбийского университета (США)². В данном случае речь пойдет о ее детстве, юности, первых годах взрослой жизни – собственно, этому дореволюционному периоду посвящена первая часть, первая «эпоха» ее мемуаров. По словам Логуновой, в этой «эпохе» она хотела «правдиво изложить не только события тогдашней жизни, но и чувства, восприятия и впечатления молодого поколения первых годов двадцатого века»³.

Наталья Логунова родилась в Одессе, «в полуподвальном этаже дома» на Торговой улице, «начинающейся у обрыва над морем и отлого спадающей к Старопортофранковской»⁴. Семья имела средний достаток. Согласно мемуарам, накануне ее рождения родители переехали в Одессу из Киева. Отец мемуаристки, Аполлинарий Михайлович Иванов, по рождению принадлежал «к польской шляхте»:

В нашем фамильном альбоме в белом, блестящем переплете с позолоченной застежкой я видела фотографии надменных и чопорных поляков. У дедушки большие, светлые усы при выбритом подбородке, бабушка в старомодном шелковом платье с подпиравшим шею высоким воротником⁵.

Однако документы, доказывающие аристократическое происхождение, были утеряны, и Аполлинарий Иванов, как и его дети, были записаны в крестьянское сословие. В Киеве он пел «в киевской опере», в Одессе же не стал делать карьеру певца: служил сначала в Обществе Пароходства и Торговли, а затем – в Бессарабско-Таврическом Земельном банке. Кроме того, в Одессе Иванов был регентом церковного хора⁶.

Мать мемуаристки, Елена (Ида) Эдуардовна, урожденная Вильсон, происходила из семьи обрусевших немцев. Про своего дедушку с материнской стороны Логунова сообщает, что он «был участником франко-прусской войны 1870–1871 гг. на стороне

---

² *Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 8. Fol. 11–14. P. I–II, 1–452; Box 9. Fol. 1–8. P. 453–1435.* Ссылка на мемуары Н.А. Логуновой оформляется следующим образом: Автор (Logunova). Номер коробки (box). Номер папки (fol.). Страница (p.).

³ *Ibid.* Box 8. Fol. 12. P. 109–110.

⁴ *Ibid.* P. 1.

⁵ *Ibid.* P. 2.

⁶ *Ibid.* P. 2, 3, 8.

немцев»⁷. В семье Ивановых было трое детей: кроме Натальи были еще младшие дети: дочь Ольга и сын Борис. Соответственно, мать была домашней хозяйкой – и все свое время отдавала воспитанию детей.

Детство Логуновой – это детство обычной одесской девочки предреволюционной эпохи, когда казалось, что мирная жизнь будет вечной и никакие социальные катаклизмы семью не затронут. Журналистка впоследствии считала, что именно первые годы детства в родительском доме воспитали в ней жизненную устойчивость. И именно эта устойчивость впоследствии помогла ей выжить, когда надежды на мир рухнули: и при советской власти, и в румынской оккупации, и в эмиграции. Она вспоминала, как ее отец «в свободное от работы время» возился с ней и, подбрасывая и ловя на лету, подпевал:

Эй, Наталко, не журясь,
Туды-сюды повернись.

Эта первая услышанная мной песня глубоко запала в мою душу. Я ни при каких жизненных катастрофах не «журьлась», даже когда жизнь мотала меня «туды-сюды». С песней в душе я прошла всю свою жизнь, хоть певицей не стала. Не стала ни летчиком, ни космонавтом, несмотря на крещение меня отцом в воздухе. Мои ноги твердо стояли на родной почве, в то время как голова была полна фантазий. Ноги не дали мне погибнуть, когда на мою страну налетел шквал и кружил по ней полвека, пока не унес за границу. Голова же, полна фантазий, вынесла и поставила на то место, которое от рождения было мне уготовано. Эти два противоположных качества моей натуры – реальность от матери и фантазия от отца – создали мой характер, ломавшийся и менявшийся в связи с обстоятельствами и оставшийся навсегда моим неизменным «Я»⁸.

Больше ста страниц в мемуарах Логунова отводит описанию своего детства и юности. Детские проказы, ожидание подарков на именины и Рождество, поездки на лето к родственникам в Киев – все эти мелкие подробности раннего периода своей жизни она вспоминает с большой теплотой. Судя по мемуарам, Логунова была живой и непосредственной девочкой, верховодившей в детских играх. Так, однажды дети встретили Новый Год – назло родителям, не взявшим их в гости – следующим образом:

---

⁷Ibid. P. 2

⁸Ibid. P. 1–2.

Мы вышли в гостиную, где стояла большая от пола до потолка елка, увешанная множеством блестящих шаров и игрушек, перевитая разноцветными цепями, со свисавшими с потолка серебряными нитями и лежащей на них блестящей ватой. На нижних ветках висели пряничные грибы, совсем как настоящие: коричневые с шоколадными шапочками и крупинками кофе внизу ножек <...>.

Войдя в гостиную, я предупредила Олю и Борю не шуметь, чтобы не услышала бабушка. Зажгла несколько восковых свечей на нижних ветках елки и, подставив к ней стул, взобралась на него и стала передавать сестре и брату шоколадные бутылочки с ликером.

– Осторожно ломайте горлышка бутылок и выливайте ликер в рюмки.

– У нас нет рюмок.

Соскочив со стула, на цыпочках пошла в столовую. Чтобы достать из буфета рюмки и тарелочки, мне пришлось подставить к нему стул. Посуда звякнула, и тотчас из кухни я услышала голос бабушки:

– Кто там?

Я замерла на стуле, прислушалась. Нет, шагов не слышно. Бабушка заснула вновь. Осторожно сползла со стула, понесла посуду в гостиную. Расставив ее на преддиванный столик, скомандовала:

– Выливайте ликер в рюмки!

Мы ломали горлышка шоколадных бутылочек, выливая из них ликер. Каждому на тарелочку я положила по пряничному грибу. Когда в столовой часы отзвенели двенадцать ударов, я, а за мной мои «собутельники», подняли рюмки и поздравили друг друга с Новым Годом <...>.

Рюмки и тарелочки я тихонько отнесла в столовую и поставила в буфет. В спальней свеча на ночном столике, которую я зажгла, будя брата и сестру, догорела больше, чем до середины. Сон сморил не только Олю и Борю, но и меня. Не снимая одежды, мы вповалку бухнулись на постель родителей и мгновенно уснули. Разбудил нас мамин возглас. Прикрыв глаза, я вновь их сомкнула и уже ничего не слыхала и не видела. Утром каждый из нас проснулся в своей постельке в ночном белье. Как только мы поднялись, мать поставила меня в угол носом. Я стояла и прислушивалась к тому, что мать говорила бабушке:

– Как же вы, мама, не досмотрели!.. Они чуть пожар не устроили! Когда мы вошли в спальню, свеча догорела и загорелась под ней салфеточка... Неужели вы не слыхали, что дети не спят, а хозяйничают в гостиной и столовой?.. На буфете липкие рюмки и объедки грибов⁹.

Гимназические годы Логуновой тоже были вполне традиционными для начала XX в. Влюбленность в учителя литературы,

⁹ Ibid. P. 17–19.

насмешки над учителем Закона Божьего, втыкание булавок «остриями вверх» в стул нелюбимой учительнице французского языка, которая, как казалось гимназисткам, относилась к ученицам «пристрастно». По учебе Логунова не была одной из первых: неудовлетворительные оценки соседствовали с отличными. Она вспоминала, как, получив единицу по одному из предметов, зашла вместе с подругой в церковь. «Перед иконой Божьей матери» гимназистки горячо молились. Они были уверены, что

Она передаст наше горячее желание своему Сыну, и Он своей божественной рукой исправит плохой балл в дневнике.

Мемуаристка очень разочарована, когда оценка исправлена не была:

Это был первый удар по Богу – Всемогущему, Всеблагому. Богу, о котором говорил нам батюшка, сидящему высоко в облаках в ореоле своей длинной, седой бороды, который знал каждого человека, все его нужды, заботы и треволения, готовый прийти к нему на помощь¹⁰.

* * *

Именно с гимназическими годами Логунова связывала возникшее в ней желание стать журналисткой и писательницей. Она вспоминала, как «предложила издавать ученический журнал» и увлекла этой идеей двух подруг:

Мы поделились идеей с другими одноклассниками, интересующимися литературой, и нашли среди них «сотрудников» для журнала. Меня избрали редактором, издателями же были все, кто переписывал в тетрадь «произведения сотрудников», кто делал в ней виньетки и оформлял обложку. Переписывали не только на переменах, но и на уроках, незаметно для преподавательницы. Журнал выходил в нескольких экземплярах <...>. Все наши произведения были больше, чем несовершенны. Мы пополняли наши знания, учась на классиках <...>. Обо всем этом не стоило бы упоминать, если бы этот журнал не был толчком к моей писательской деятельности позже. У меня был отдельный ящик в письменном столе, где я ревниво хранила все мной написанное от посторонних взоров, даже родительских, опасаясь насмешек. В этом, может быть, сказалась моя скрытная натура. Насмешки больно бы ударили по моему болезненному самолюбию, а я уже тогда начала мечтать стать писательницей, хотя в то время пред-

---

¹⁰ Ibid. P. 32–33.

посылок к этому еще не было. Все рассказы и стихи, помещаемые в нашем журнале, звали к высокому подвигу, к недостижаемому небу, к идеалам Христа¹¹.

Потом, уже окончив гимназию, Логунова попыталась стать сотрудницей периодических изданий. Попыток было две. Сначала она отправилась в местную либеральную газету «Одесский листок». Газета эта была весьма солидной: на ее страницах в разные годы печатались Аркадий Аверченко, Максим Горький, Влас Дорошевич и другие звезды литературы и журналистики. Про ее главного редактора, Василия Навроцкого, было известно, что он «своей энергией и любовью к печатному слову выбился из мальчишка на побегушках при газете в ее редакторы».

Логунова «попыталась написать фельетон в стиле Аверченко и понесла его на Ланжероновскую улицу», в редакцию.

На лестнице, ведущей в редакцию, была суета. Люди сновали по ней взад и вперед. Поднявшись на второй этаж, попала в канцелярию и в нерешительности оглядывалась. Кто-то из служащих обратился ко мне с вопросом, кого я разыскиваю.

– Я хотела бы говорить с господином Навротским.

– Вон он сам идет, – указали мне <...>

Он слышал мои слова и остановился.

– Чем могу служить?

Я так растерялась, что не могла произнести ни слова. Несколько раздраженно он повторил вопрос, а я все никак не могла произнести слова.

– Простите, я очень занят, – бросил он и хотел пройти мимо.

Тогда, собравшись с силами, я выдавила из себя:

– Я... я хотела бы сотрудничать в вашей газете.

Улыбка тронула его губы <...>. Уже мягче сказал:

– У нас достаточно своих опытных сотрудников... Впрочем, принесите материал. Посмотрим!

И заспешил дальше.

Больше в «Одесский листок» я не пошла. Зарылась с головой в книги и продолжала писать¹².

Вторая попытка газетного сотрудничества была предпринята сразу после первой – и снова оказалась неудачной. На этот раз начинающая журналистка и писательница обратилась к приехавшему

¹¹ Ibid. P. 42.

¹² Ibid. Box 8. Fol. 13. P. 256–257.

из Петербурга редактору «большого литературно-художественного журнала», фамилии которого она в мемуарах не называет. Однако и тут ее постигла неудача: редактору не понравилась принесенная ею повесть¹³.

В мемуарах Логунова пересказывает и сюжеты некоторых собственных ранних произведений. Так, не принятая столичным редактором повесть рассказывала об «очень безобразной» девушке, которая страдала от того, что «ни один мужчина» не обращал на нее внимания.

Доходит до того, что она готова отдаться первому встречному. Один из богатых, пресыщенных жизнью маменькиных сынков в пьяном виде приглашает ее в номер гостиницы. Наутро, покидая ее, случайно у дверей оглядывается. Она еще спит, совершенно нагая, раскинувшись на постели. Только сейчас он замечает, как идеально она сложена. Останавливает взгляд на необычайно красивых ногах с розовыми пальчиками, похожими на лепестки цветка. Безобразное ее лицо, преображенное во сне внутренней духовной красотой, кажется ему прекрасным. Он стоит у двери, очарованный ею, не в силах покинуть ее. В пылу внезапно вспыхнувшей страсти возвращается и берет ее еще раз полусонную. После этого они начинают встречаться, но теперь она уже знает силу своего тела и в новой близости ему отказывает. Постепенно он оценивает ее ум, ее духовный мир и они становятся друзьями. В нем вспыхивает к ней настоящая любовь. Она тоже начинает ценить его все больше, пока любовь не захватывает целиком и ее. Но ей кажется, что он любит не ее, а только ее тело, она же хочет, чтобы он оценил ее духовную сущность. Не в силах больше бороться со своей любовью, не желая пасть с ним вновь, чтобы забыть его, она уезжает на берег моря. Он находит ее, и встречи возобновляются. Все дни они проводят вместе.купаются, совершают прогулки, и оба начинают вновь терять голову. Не веря в его настоящую любовь, она вновь бежит от него. Не зная об этом, он спешит к ней к назначенному часу, чтобы спуститься на пляж вместе. Его встречает хозяйка домика, где она снимала комнату, говорит о ее внезапном отъезде и передает ему от нее записку. Тут же на пороге он нервно ее прочитывает: «Не разбивайте сказки... Дальше пойдут будни. До конца жизни я сохранию в памяти дни, проведенные с вами». Подпись и больше ничего. Куда она уехала, хозяйке не сообщила. Он же готов выть от отчаяния. В нем говорила не одна власть тела, он теперь не мыслит жизни без нее. Как и в первый раз, стал ее разыскивать, но найти не мог¹⁴.

---

¹³ Ibid. P. 257.

Редактор не взял повесть в журнал, поскольку нашел сюжет «слишком эротичным».

Еще одна пересказанная в мемуарах повесть называлась «Выше искусства». В ее основу «легла легенда о Пигмалионе и Галатее»:

Скульптор пытался слить мечту с действительностью. Из-под его резца выходила девушка изумительной красоты. Друзья скульптора восхищались его работой, но сам он был неудовлетворен. Статуя была мертва, он же хотел ее оживить. Часами работал над ней, делая новые штрихи, но камень оставался камнем. Каждый день он отходил от своей работы неудовлетворенным. Но однажды, зайдя в мастерскую в час вечернего заката, когда небо за окном играло всеми красками спектра, остановился в изумлении. Солнечный луч, скользнув по статуе, перешел на ее лицо – и оно озарилось улыбкой. С сильно бьющимся сердцем, боясь сделать движение, скульптор впитывал в себя радость ожившего лица статуи. Спустившись ниже, луч закатного солнца скользнул по ее груди, задержался на двух маленьких полушариях с бутонем соска, и они затрепетали. Солнце уплывало нехотя за горизонт, бросая на статую последние пучки нежно-розовых лучей. Они упали к чашеобразному животу и, скользнув ниже, взяли в свои объятия ноги. Девушка оживала на глазах скульптора. Не в силах вынести осуществления своей мечты, скульптор упал перед ней на колени, охватил руками ожившие колени. Видение было так реально, а потрясение так велико, что он скончался от разрыва сердца¹⁵.

Участвовала Логунова и в литературной жизни Одессы, входила в кружок молодых одесских литераторов «Зеленая лампа» [Киянская, Фельдман 2021]. Многие участники этого кружка стали знаменитыми: писатели Валентин Катаев и Юрий Олеша, поэты Эдуард Багрицкий, Зинаида Шишова, Семен Кирсанов, Вера Инбер, переводчик Давид Бродский. Мемуаристка вспоминала собрания «Лампы» в квартире на улице Петра Великого:

Поднявшись по широкой мраморной лестнице на второй этаж, вошла в квартиру, брошенную уехавшими. Собрание шло в большом зале сплошь во вделанных в стены зеркалах, окантованных золотом. Мебели, кроме дивана, нескольких кресел и столика с инкрустациями, частью кем-то выкорчеванных, не было. Я скромно опустилась на диван рядом с молодой девушкой с диванной подушкой на коленях.

---

¹⁴ Ibid. P. 257–258.

¹⁵ Ibid. P. 254–255.

Девушка эта, Зинаида Шишова, впоследствии стала близкой подругой Логуновой.

Несколько молодых начинающих поэтов читали свои стихи <...>. Все они знали друг друга, я одна была чужаком <...>. Я не пропускала ни одного собрания кружка, члены которого увеличивались. В него вошел Валентин Катаев, явившийся в военной форме, и немного позже дерзкий, нахальный мальчишка с большим сомнением – Семен Кирсанов. К нему и отнеслись как к мальчишке. В первый же день, явившись на собрание кружка, прервав чье-то чтение, он выскочил вперед.

– Теперь читаю я.

Прочел что-то неудобоваримое. Какую-то смесь футуризма с модернизмом. Прослушав его, Багрицкий, скривив губы в насмешливую улыбку, спокойно сказал:

– Теперь, мальчик, переведи то, что ты читал.

Кирсанов обиделся не на «переведи», а на «мальчика» и вскипел.

– Я не мальчик, мне уже четырнадцать лет.

Заходили в кружок и случайные поэты, исчезающие так же быстро, как появлялись <...>. Я пока только прислушивалась, но не читала. У меня не хватало смелости вынести на общее суждение свои стихи, которые я продолжала писать. Если бы в то время мое стихотворение раскритиковали в пух и прах, это ударило бы больно по моему самолюбию, и я перестала бы верить в свои силы. Но однажды Бродский, бывший старше остальных и как бы председательствующий, обратил на меня внимание.

– Вы еще ничего не читали. Может быть, прочтете?

Мое лицо залила краска. Отказаться я не могла. Если посещаю регулярно кружок, значит пишу. Встала и тихим голосом прочла первое, пришедшее на ум:

Осенним вечером, чудесным вечером
Приду я к милому, скажу ему:
Оставь прошедшее, забудь прошедшее,
Создай ты новое, люби его.
Чудесным вечером, осенним вечером
Приду я к милому, прильну к нему.
И ласки новые, и ласки жгучие,
Припав к нему, отдам ему¹⁶.

---

¹⁶ Ibid. P. 316–319.

Впервые Логунова увидела свое произведение напечатанным только в 1919 г., когда Одессу заняла Добровольческая армия генерала Антона Деникина. Ее рассказ под названием «Шутка» вышел в журнале «Южный огонек». Об обстоятельствах этой первой публикации она рассказывала следующее:

С бьющимся сердцем позвонила у нижней квартиры. Дверь открыл пожилой человек с оседланным очками носом. В передней, куда я вошла, было темновато. Редактор пригласил меня в комнату.

– С кем имею честь говорить?.. Рассказ?.. Оставьте!.. О результатах сообщу вам... свой адрес оставили?

Прошло некоторое время. Из журнала вестей не было. Зашла туда вторично. Мне сказали, что рассказ у редактора в верхней квартире этого коридора. Поднялась в его квартиру.

– Рассказ?.. «Шутка»?.. Он помещен в очередном номере, – и передал мне этот номер.

В коридоре нетерпеливо перелистала журнал и... не поверила своим глазам. Мой рассказ был напечатан. Выйдя на улицу и остановившись у дома, я еще и еще пробегала рассказ глазами. Он был помещен полностью. Ничего в нем не было сокращено. От радости я забыла о гонораре. Это был мой первый напечатанный рассказ. Я поверила в свои силы. Теперь я пойду своей дорогой и буду писательницей. Шла по улице, неся номер журнала, как драгоценность. Казалось, все встречные знают о моем первом литературном крещении. Казалось, журнал раскупают потому, что там помещен мой рассказ¹⁷.

* * *

Наивность первых художественных произведений Логуновой объяснялась просто: она плохо представляла себе реальность, смотрела на мир сквозь романтические очки, была, по ее собственным словам, «наивной, неопытной девушкой с ее душевной чистотой без примеси какой-либо чувственности»¹⁸.

В выпускном классе гимназии и после ее окончания она стала пользоваться вниманием мужчин – как ровесников, так и тех, кто был намного старше ее. Но она была воспитана в строгих правилах, а потому не могла допустить мысли о физической близости с мужчиной. Мысли о плотской любви вызывали у нее отвращение:

Свеже-чистое, будто умытое утро разгоралось. Солнце краешком разглядывало землю, протягивая навстречу ей параллельные лучи. По

¹⁷ Ibid. P. 319–320.

¹⁸ Ibid. P. 273.

отлогой дорожке я стала спускаться к Днепру. Не обращая на меня внимания, соседняя сучка, высунув язык и тяжело дыша, задрала хвост. Хозяйский пес слизывал у нее под хвостом. Потом полез на нее. Так вот какова любовь! Вот что нужно жадным мужчинам от женщин!.. Я не хочу такой любви <...>.

Я была поражена своим открытием, как бывает поражен ученый, открытие которого опровергало старые истины. Нет, после того, что я узнала, я не могла больше жить. Я шла берегом Днепра <...>. Я шла навстречу поднимающемуся с постели солнцу, но убежать от себя не могла. Хозяйский пес, догнав меня, потерялся о мои ноги.

– Пошел прочь! – брезгливо оттолкнула я его ногой.

Поджав хвост, он остановился и посмотрел на меня непонимающим взглядом.

– Пошел прочь! – еще раз в сердцах крикнула я и побежала.

Пес помчался за мной. Подняв камень, я швырнула его в него. Камень угодил в его ногу. Жалобно твякнув, пес остановился. Я шла и шла, предаваясь отчаянию, что тайна, которая за прозрачной занавесью прельщала, оказалась так неприглядна. Ради этого не стоило жить. Самое красивое в жизни – любовь – опоганена. Что же еще в ней осталось ценного? – Ничего!.. Я не хочу жить. Лучше умереть¹⁹.

Ее первая любовь была наивна и чиста. Впрочем, таковыми же были и несколько последующих увлечений. Естественно, все эти увлечения заканчивались расставаниями. Воспитанная строго, мемуаристка долго оставалась такой же наивной в житейских вопросах. «Я вступала в жизнь неиспорченной, непосредственной и искренней», – признавалась она. И была уверена, что, «если когда-нибудь эти записки попадут в руки современной молодежи», она безусловно «будет издеваться и смеяться» над ее наивностью²⁰.

Впрочем, исторические катаклизмы начала XX в., войны и революции заставили Логунову быстро повзрослеть. События 1910-х гг. буквально катком прошли и по самой мемуаристке, и по ее семье, и по ее ближайшему окружению. На фронт в Первую мировую отправились и Борис, окончивший юнкерское училище в Одессе, и Ольга, ставшая сестрой милосердия.

Ощущения же самой мемуаристки, не решившейся бросить убитую горем мать и собственное писательское призвание, были следующими:

---

¹⁹ Ibid. Fol. 12. P. 183–184.

²⁰ Ibid. P. 221, 109.

Шли бои, гремели орудия, проливалась русская и немецкая кровь. В тылу все чаще ползли слухи, что в то время, как солдатики проливают свою кровь за родину, спекуляция достигает огромных размеров. Имя военного министра Сухомлинова²¹ у всех на устах. Говорят, что на военных поставках он заработал миллионы, отправляя на фронт сапоги из гнилой кожи; что Императрице он поднес в подарок драгоценную брошь в виде сапога, всю из бриллиантов. Все чаще повторяется имя Распутина и связывается с именем Императрицы²². Кто-то невидимый раздувает огонь, подливая в него масло. Кто-то будоражит русские умы. Кому-то нужно опорочить имя Императрицы. Народ отравлялся ядом, лившимся из подполья. На поводу шла и часть русской интеллигенции <...>. Кто-то, находящийся за кулисами, старался использовать и временные неудачи на фронте, и злоупотребления власти. Война, которую предполагали закончить скоро, затягивалась <...>.

На фронте наши дела были не блестящи. После первых побед наступили поражения. В тылу же кто-то расшатывал трон. Императрицу почти открыто называли немецкой шпионкой. Государя обвиняли в приближении ко двору сибирского мужика Распутина. Пропаганда против престола ширилась. Как змея, она ползла в народ, настраивая его против царя и помещиков. С думских трибун левые депутаты уже не стеснялись в выражениях <...>.

В умах обывателей все смешалось. Где правда и где ложь? Кем распускаются слухи, позорящие царский дом? Игра наверху шла каплевыми картами. Нужна была немедленная операция, чтобы остановить болезнь. Нужна была твердая рука, которой в то время не было <...>.

Боря недолго после выпуска оставался дома, вскоре его отправили на фронт. Кроме всей семьи, его провожали друзья. Весь состав поезда блеснул новенькими мундирами. Вагоны были украшены национальными флагами. Гремел духовой оркестр. После того, как поезд скрылся из глаз, мы еще долго стояли у конца дебаркадера и смотрели в ту сторону, куда он увозил сыновей, мужей и братьев. Женщины в нарядных платьях с кружевными зонтиками в руках продолжали размахивать тоненькими батистовыми раздушенными платочками ему вслед. Почти все женщины плакали, поднося эти платочки к глазам.

---

²¹ Речь идет о генерале от кавалерии Владимире Александровиче Сухомлинове (1848–1926), в 1909–1916 гг. – военном министре России, обвиненном в махинациях с поставками для армии и отданном под суд.

²² Имеются в виду распространявшиеся по России слухи об огромном влиянии фаворита императорской семьи, сибирского крестьянина Григория Ефимовича Распутина (1869–1916) на российскую политическую жизнь, на императора Николая II и – прежде всего – на его жену, императрицу Александру Федоровну.

Расходились опустошенные, потерявшие одного человека в семье. Теперь каждый день был ожиданием писем «оттуда» <...>.

Летело к черту все. Колесница жизни мчалась уже во всю прыть, расталкивая на своем пути все встречное. Наравне с Временным Правительством в Петрограде заседал Совет рабочих и крестьянских депутатов <...>. Твердой власти не было. В стране царил разуха. Особенно остро стоял продовольственный вопрос. Из-за него в Петрограде были бунты рабочих. 1917 год шагал на подбитых гвоздями подошвах с севера на юг. В запломбированном вагоне через Финляндию немцы перебросили сюда Ленина, снабдив его деньгами для завершения в России революции. В российских городах толпы людей с красными флагами и красными розетками в петлицах маршировали по улицам, распевая революционные песни <...>.

Наблюдая демонстрации, прислушиваясь к зажигательным речам ораторов, молодежь решила, что пришло время, о котором мечтал народ <...>. Как просто и легко все совершилось! Никакого кровопролития. Но по улице за гробами уже шла процессия с трепыхавшимся на ветру кроваво-красным полотнищем и звучали слова революционной песни: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Не знал тогда народ, не предчувствовал, что несла ему в дальнейшем революция. Красное полотнище символизировало миллионы расстрелянных и сгноенных в концлагерях, миллионы невинных жертв <...>.

В Петрограде уже строились баррикады, рекой лилась кровь. Отголоски северных событий докатывались и сюда. Бурно волновалось Черное море в предчувствии бед, разбивая черные от страха волны о прибрежные скалы. В происходящем все перепутывалось. Советы выбросили лозунг: «Вся власть народу! Земля крестьянам». Как же усидеть на фронте, если где-то идет уже дележка земли! Солдатики уже группами дезертировали домой, чтобы не опоздать к разделу помещичьих земель <...>.

Солдатские комитеты в армии почувствовали свою силу. Стали срывать погоны у офицерства. Кое-кого уже пристрелили. В деревнях пускали «красных петухов» и растаскивали имущество помещиков. С бесшабашной российской удалью крушили все на своем пути. «Разойдись!.. Не препятствуй моему здраву!» Первая пролитая кровь наполнила сердца народа отравой. Бескровная революция затоплялась морями крови. Зверь, сидящий в каждом человеке, торжествовал. Кто рассеет дурман и остановит распоясавшийся русский народ? Может быть, он сам остановится в своем безумии и раскается в содеянном? Где-то уже собиралась армия для спасения России. В нее уходили истинные сыны России²³.

²³ Ibid. Fol. 13. P. 227–228, 233, 259, 248–249.

Однако армия, собранная «для спасения России», проиграла. Власть взяли большевики.

* * *

Таким образом, первая «эпоха» мемуаров Логуновой заканчивается приходом советской власти в Одессу. Жизнь юной писательницы кардинально изменилась. Позади остались посещение театров и балов, сшитые матерью красивые платья, чтение книг, каток в Городском саду, влюбленность в артистов, первая любовь. Погибли или эмигрировали многие из тех, с кем мемуаристка общалась в годы детства и юности.

Пришлось оставить и занятия литературой. Любое сотрудничество с советской периодикой означало компромисс с большевиками – а большевиков мемуаристка ненавидела. «На литературном поприще в коммунистической стране я не могла бы работать. Моя прямая, честная, отцовская натура не позволила бы мне кривить душой», – признавалась она²⁴.

Собственно, о том, как Логунова выживала в СССР, как встретила войну и оккупацию Одессы румынами – следующая часть ее мемуаров, вторая «эпоха».

Литература

- Киянская, Фельдман 2019а – *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Одесса в публицистике Натальи Логуновой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 113–123.
- Киянская, Фельдман 2019б – *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Одесская периодика времен румынской оккупации: по материалам архива Н.А. Логуновой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 12–23.
- Киянская, Фельдман 2021 – *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Одесские литераторы 1920-х гг. в публицистике Н.А. Логуновой (Ивановой) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10. С. 52–68.

References

- Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2019), “Odessa in publicity by Natalia Logunova”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 113–123.

²⁴ Ibid. Box. 9. Fol. 2. P. 682.

Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2019), "Odessa periodicals under the Romanian occupation. From the archive of N.A. Logunova", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 12–23.

Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2021), "Odessa litterateurs in the 1920s in the journalism of N.A. Logunova (Ivanova)", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 52–68.

Информация об авторах

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; dmfeld@inbox.ru

Information about the authors

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; dmfeld@inbox.ru

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-28-36

Литературная критика и антропософия Андрея Белого:
Ф.М. Достоевский в трактате
«История становления самосознающей души»

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена литературно-критическим текстам Андрея Белого (Б.Н. Бугаев), в которых он анализировал творчество Ф.М. Достоевского. Белый писал о творчестве классика на протяжении всей жизни, но в статье освещается только его поздний антропософский трактат «История становления самосознающей души». В этом трактате автор, с одной стороны, новаторски использует в литературной критике антропософскую методологию, а с другой стороны, остается верен своему пониманию Достоевского.

Ключевые слова: Андрей Белый (Б.Н. Бугаев), «История становления самосознающей души», литературная критика, антропософия, Ф.М. Достоевский

Для цитирования: Одесский М.П. Литературная критика и антропософия Андрея Белого: Ф.М. Достоевский в трактате «История становления самосознающей души» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 28–36. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-28-36

Andrey Bely's literary criticism and anthroposophy.
Fyodor Dostoevsky in the treatise
“History of the Formation of a Self-Conscious Soul”

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article deals with the literary-critical texts of Andrey Bely (Boris Bugaev), in which he analyzed the work of Fyodor Dostoevsky. Bely wrote about the classic's work throughout his life, but the article highlights

---

© Одесский М.П., 2022

only his late anthroposophical treatise “History of the Formation of a Self-Conscious Soul”. In that treatise the author, on the one hand, innovatively uses the anthroposophical methodology in literary criticism, and on the other hand, remains faithful to his understanding of Dostoevsky.

Keywords: Andrey Bely (Boris Bugaev), “History of the Formation of a Self-Conscious Soul”, Literary Criticism, Anthroposophy, Fyodor Dostoevsky

For citation: Odesskii, M.P. (2022), “Andrey Bely’s literary criticism and anthroposophy. Fyodor Dostoevsky in the treatise ‘History of the Formation of a Self-Conscious Soul’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 28–36, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-28-36

В качестве литературного критика Андрей Белый, с одной стороны, на протяжении всей жизни постоянно демонстрировал верность «вечным спутникам», писателям, мыслителям, а с другой – столь же постоянен был в изменчивости оценок.

Среди «вечных спутников» – Ф.М. Достоевский. Что предсказуемо: современники Белого вообще были заморожены Достоевским, стремясь интерпретировать его творчество в согласии с новыми спиритуальными веяниями. Парадигматическим здесь может считаться исследование Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», и закономерно, что одно из первых выступлений Белого в периодике – эмоциональное эссе, озаглавленное «По поводу книги Д.С. Мережковского» («Новый путь», 1903).

Эволюция отношения Белого к Достоевскому была прослежена в статьях А.В. Лаврова [Лавров 1988] и А.И. Чинковой [Чинкова 2000]. Сославшись на их наблюдения, правомерно выделить статью «Ибсен и Достоевский» (в рукописи зачеркнуто заглавие «Достоевский»; опубликована в журнале «Весы», 1905; включена в сборник «Арабески»), где автор напористо критиковал сочинения Достоевского («мещанство, трусливость и нечистота, выразившаяся в тяжести слога – вот отличительные черты Достоевского» и т. д.) и заостренно противопоставлял ему норвежского драматурга: «Не пора ли нам проститься с такой широтой, подобраться, сузиться и идти по горному пути, где стоит одинокой образ Генрика Ибсена?»¹ Ибсена, который – в отличие от Достоевского – имеет право претендовать на роль духовного вождя современности. Статья шокировала единомышленников

---

¹ *Белый Андрей*. Собр. соч. Т. 8: Арабески. Луг зеленый / Общ. ред., коммент. Л.А. Сугай. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. С. 74, 81.

Белого: А.В. Лавров цитировал письмо Мережковского, который «буквально заклинал его “образумиться” во имя священных для них обоих ценностей» [Лавров 1988, с. 141].

К концу первого десятилетия века – на новом витке миропонимания – Белый-критик дал нового Достоевского. В статье «Россия» (газета «Утро России», 1910), проникнутой, по Лаврову, «“почвенническими” тяготениями» [Лавров 1988, с. 148], Белый, осмысляя общую судьбу России, развивал тезис: «России нет. Россия есть»². В такой перспективе Достоевский снова показан пророком:

И этому видению говорит Достоевский свое «*Буди, буди*» (аллюзия на «Братьев Карамазовых». – М. О.). Не говорит: «*Ты – еси*», потому что видит вокруг *Скотопригоньевск* в мареве *бесовщины*, облитый карамазовской грязью. Он говорит России: «Буди!» России нет, но она – будет <...>. Только тогда, когда исчезнет больная Россия, мы сможем превратить лозунг Достоевского «Буди» – в ликующий новый лозунг: «Есть»³.

Позитивную интерпретацию Достоевского – в «почвенническом» ракурсе – Белый развернул в специальной брошюре 1911 г. «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»: «Дорога большая, прямая, светлая, хрустальная – дорога России для Достоевского; и земля, по которой ступает пророческая история наша, для него – святая земля»⁴. Творчество Достоевского для Белого противоречиво, но его оправдание – в конгруэнтности творчества писателя-пророка судьбам самой России. По словам Лаврова, «именно этот аспект приближает Достоевского к Белому в его искании “пути жизни”» [Лавров 1988, с. 150].

Однако степень позитивного «приближения» необходимо уточнить. Прежде всего в брошюре 1911 г. Достоевский концептуально функционирует как элемент триады «Гоголь – Достоевский – Толстой», объединяющей не просто «вечных спутников», но писателей, которые прорывались из литературы в проповедь и жизнь (триада фигурировала в статье 1909 г. «Гоголь» и др.). Более того, в этой триаде не все фигуранты равно значимы. Толстой, говоря упрощенно, – значимей:

²Там же. Т. 16: Несобранное. Кн. 1 / Сост. А.В. Лавров, ДЖ. Малмстад; подг. текста, комментарии А.В. Лавров. М.: Дмитрий Сечин, 2020. С. 450.

³Там же. С. 449, 452.

⁴*Белый Андрей*. Критика. Эстетика. Теория символизма / Сост. А.Л. Казин. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 404.

Толстой – Толстой озадачивает нас поступком, перед которым меркнут чудачества Гоголя и Достоевского <...>. Этот ныне Толстым освещенный жест гениальности (имеется в виду предсмертное бегство из Ясной Поляны. – М. О.) есть та темная точка в гении, приближение к которой убило Ницше, свело Гоголя в могилу и искалечило жизнь Достоевского. Приближение к последней тайне художественного творчества производило взрыв. И только в Толстом просияла эта темная точка гениальности светом ясным и благодатным. <...> И последний творческий жест Толстого есть первое его религиозное действие, первый луч восходящего над русской землей солнца жизни⁵.

Иными словами, сопоставление – не в пользу Достоевского: в статье 1905 г. Белый жестко отдал предпочтение Ибсену, а в брошюре (хотя и принципиально мягче) – Толстому.

А.И. Чинкова, дополняя и продолжая исследование А.В. Лаврова, который остановился на брошюре 1911 г., сосредоточилась на позднем Белом, уделив преимущественное внимание – совершенно справедливо – «достоевской» главке двухтомного трактата «История становления самосознающей души» (ИССД; конец 1925 – 1931 гг.). В 2000 г. Чинкова опиралась на копию, хранящуюся в московской мемориальной квартире Андрея Белого. Сейчас, когда после многолетней подготовки ИССД была, наконец, издана полностью и по автографу (серия «Литературное наследство»)⁶, целесообразно вернуться к анализу этого текста как литературно-критического выступления Андрея Белого о творчестве Достоевского.

* * *

ИССД – грандиозный по объему и охвату материала трактат, посвященный историософскому осмыслению культуры: с начала нашей эры, совпадающего с импульсом Христа, и до современности. Белый суммирует многие темы, которыми ранее занимался (Р. Вагнер, Ф. Ницше, теософия, А. Шопенгауэр, И. Кант, символизм), но дает их в антропософской аранжировке, несколько затрудняющей чтение «непосвященным». В том числе одна главка посвящена «русскому реализму, Гоголю и Достоевскому», а следующая за ней и более пространная – Льву Толстому.

Автор трактата, следуя теософской традиции и своему учителю Р. Штейнеру, выделяет семь «частей» человека, т. е. три тела:

---

⁵Там же. С. 396, 420.

⁶*Белый Андрей*. История становления самосознающей души. Кн. 2 / Сост., подгот. изд.; подгот. текста и коммент. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь. М.: ИМЛИ РАН, 2020. (Литературное наследство, т. 112)

физическое, эфирное, астральное; четвертая «часть» – душа; три духовных «части»: Манас, Будхи, Атма. Эта же семерка означает семь «фаз» развития человека: собственно «я» корректно отсчитывать с «человека душевного», поэтому становление «я» начинается с четвертой фазы.

Соответственно, следующие фазы развития «я» – фазы духа, а то, что происходит с человеком до четвертой фазы, – до-сознательно. Оно не знает кризисов и есть просто поступательное движение «вверх». Напротив, начиная с четвертой фазы поступательное движение прерывается периодическими кризисными падениями, каждое – глубже и опасней предыдущего; обретение Манаса (пятая фаза) достигается путем своеобразного возвращения и «переработки» астрального тела (третья фаза); способность к Будхи (шестая фаза) достигается путем переработки эфирного тела (вторая фаза); способность к Атма (седьмая фаза) – путем переработки физического тела (первая фаза), затем – финал, кризисы более не планируются: «Вот ритмическая кривая “7 фаз” (в чем угодно)»⁷. «В чем угодно» – имеется в виду: от периодической таблицы Д.И. Менделеева⁸ до всеобщей истории. Что и реализовано в *ИССД*: «Мой краткий намек на сочинение в 600 страниц – раскрытие этой же линии, как ритма истории»⁹.

Поскольку субъект, проходящий путь развития в согласии с «кривой истории» – и отдельный человек, и все человечество, постольку теперь семь фаз – это уже семь культурных эпох, в которые господствуют соответствующие «части».

В свою очередь, душа включает три «части»: душа ощущающая, рассуждающая и самосознающая. Импульс Христа приходится – после трех «телесных» фаз и фазы ощущающей души – на эпоху души рассуждающей: в ее недрах происходит генезис и становление самосознающей души, а высшая точка развития самосознающей души – Ренессанс, после которой начинается переход в «фазы» духа.

До Ренессанса – прошлое; с Ренессанса отсчитывается «наше время». Оно характеризуется кризисным сломом, когда самосознающая душа человечества опускается из сферы душевного и встречается с астральным телом. Нижний предел исторического падения – «XX век».

Также «историческая кривая» прогнозирует будущее. После катастрофы «XX века» линия снова поднимается: к будущему

⁷Там же. С. 643.

⁸Там же.

⁹Там же. С. 645.

прорыву в «духовного человека», к новым культурным эпохам и новым падениям (которые обусловлены переработкой эфирного и физического тел), – падениям, снова глубже предыдущих; и только потом, наконец, наступит финальная фаза Атма.

При подобном понимании драматические коллизии «нашего времени» коренятся в «переработке» астрального тела, которую осуществляет самосознающая душа человечества и которую Белый подробнейшим образом анализирует во втором томе ИССД; этот подход дает и новый интерпретационный ключ к Достоевскому.

Специфичная для всего русского реализма обращенность к быту и вещиности теперь прочитывается как изображение телесности – не элементарно-физической, но душевно-астральной.

Отсюда центральное значение символа бани с пауками («Преступление и наказание»), который Белый интерпретирует как «премудрое и препрактичное осознание: “*бани*” – дано в “*баню*”, или – в астральное тело, при всем отвращении нашем к паучьему быту, при всей нашей гордой, душевной гадливости, – надо войти»¹⁰. Жестокий психологизм Достоевского, по-прежнему вызывающий «гадливость», превращается в необходимое условие очищающей «переработки» астрального тела. Хотя в настоящем персонажи Достоевского одержимы разнонаправленными страстями, а их отношения образуют комплексный контрапункт (пресловутые «двойники»), но в перспективе будущего духовного подъема они составляют цельный индивидуум, которому предстоит реализоваться на новом уровне развития человечества.

Отсюда реактуализация другого символа – церковнославянского глагола «буди» (будет!):

<...> вскрытие «*буди*» – конкретное и многослойное – сумма томов Достоевского, или в принципе правильное разрешение всех антиномий столетия: линии будущей умственной жизни <...>, через градации разных решений дуальности, кризиса столкнутости «Я» с «*астралом*»¹¹.

Если, согласно «почвеннической» версии (в статье «Россия»), слово «буди» символизирует пророчество Достоевского о судьбах России, то в ИССД (где русская тема отодвинута на второй план) оно – по-прежнему ключевое – символизирует прорыв всего человечества через астральные испытания к духу.

¹⁰ Там же. С. 160.

¹¹ Там же. С. 168.

Новое, мистическое понимание романов Достоевского и сущности русского реализма суммируется в финальном выводе главки: «*реализм*» Достоевского в том, что в нем нет никакой твердой «*вещи*»: нет «*res*» (лат. «вещь». – М. О.); он – динамика самопознания нашего»¹².

Вместе с тем – при всей очевидной антропософской новизне – столь же очевидна верность Белого константам его интерпретации Достоевского: от символа «буди» и привязанности к давней книге Мережковского (она не упоминается, но большинство текстуальных примеров взято из нее) до триады «Гоголь – Достоевский – Толстой», где Толстой выходит весомей:

Отличие Толстого от «буди», в котором заострен вопрос о путях Достоевским, – существенно: молния, зигзаг, эпилепсия, мистика мига, прозор; да, прекрасно: а после? <...> таков Достоевский; ну да, – Апокалипсис будет; <...> но, пока-то; – «пока»; <...> после – следует жизнь; и читатель бежит в Департамент; спешит Достоевский в редакцию. <...> Для Толстого же с мига, когда «*Апокалипсис*» вдвинется в тему беседы <...> – нет возвращенья в редакцию. <...> Не теряя минуты – всем взяться за дело: «*постройки ковчега*». <...> В разрезе Толстого, с момента вступления «*кризиса*» в поле сознания, прочее – нуль <...>¹³.

Отмечу в заключение: по свидетельству любящей и понимающей вдовы К.Н. Бугаевой, «в искусстве слова к безусловно прекрасно-доброму он относил прежде всего: Пушкина, Толстого, Диккенса <...>, Шекспира <...>»¹⁴.

Достоевского в списке Белого-читателя нет.

* * *

Итак, Белый-критик вписывает Достоевского в различные мировоззренческие модели: «с» Мережковским и «против», «почвенничество», антропософия. Однако каждый раз – не окончательно: так, если в ИССД Белый вмонтировал символизм в антропософию, то в эссе «Почему я стал символистом» (созданном одновременно с ИССД!) – антропософию в символизм и т. д. И это – не капризы и даже не эволюция мировоззрения, но осо-

¹² Там же. С. 170.

¹³ Там же. С. 183–184.

¹⁴ *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом // Две любви, две судьбы: Воспоминания о Блоке и Белом / Вступ. ст. В.В. Нехотина. М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 434.

бенность метода, которую Белый обозначил – в соотнесенности с «символом» и «символизмом» – термином «символизация». В эссе «Почему я стал символистом» он пишет об этом «принципе тройственности»:

Так намечаются для меня три сферы символизма: сфера Символа, символизма как теории и символизации как приема. Сфера Символа – подоплека самой эсотики символизма: учения о центре соединения всех соединений; и этот центр для меня Христос; эсотерика символизма в раскрытии по-новому Христа и Софии в человеке <...>; сфера теории – сфера конкретного мировоззрения, овладевшего принципом построения смысловых эмблем познания и знаний; сфера символизации – сфера овладения стилями творчества в искусстве; в подчинении этой сферы символизма и в подчинении символизма самой сфере Символа изживался во мне принцип тройственности, лежащий в основе пути символизма¹⁵.

Единственное число в слове «символизация» выступает в связке с восходящим движением от образов к прообразам, множественное – с нисходящим, от символа – к символизациям, т. е. стратегия «символизаций» подразумевала свободное использование «чужого слова» и различных «чужих» дискурсов: целых областей знания или искусства, с их градациями, взаимопереходами и т. п. А значит, в ИССД реализована очередная – антропософская – «символизация», при которой суть концепции Белого-критика сохраняется, но одновременно преобразуется, что, в свою очередь, обеспечивает новые прочтения «вечного спутника».

Литература

- Лавров 1988 – *Лавров А.В.* Ф.М. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого: 1900-е годы // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Советский писатель, 1988. С. 131–150.
- Чинкова 2000 – *Чинкова А.И.* Достоевский в восприятии Андрея Белого // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Вып. 15. С. 132–164.

---

¹⁵ *Белый Андрей.* Символизм как миропонимание / Сост., примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 435–436.

References

- Lavrov, A. (1988), "F.M. Dostoevsky in the creative consciousness of Andrey Bely. 1900s", in *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i. Vospominaniya. Publikatsii* [Andrey Bely: Issues of creative work. Articles. Memories. Publications], Sovetskii pisatel', Moscow, Russia, pp. 131–150.
- Chinkova, I. (2000), "Dostoevsky in the perception of Andrey Bely", in *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and research], Nauka, Saint Petersburg, Russia, issue. 15, pp. 132–164.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; modessky@mail.ru

УДК 070:329(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-37-48

Публицистический аспект борьбы с правым уклоном в сатирическом журнале «Крокодил» (1929 г.)

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье изучается взаимодействие партийной власти и публицистики журнала «Крокодил» в борьбе с правым уклоном в партии. Само это взаимодействие показывает, что сталинская идеологическая машина боролась не только с правым уклоном в партии, но и расширительно – со всеми несогласными в советском обществе, со всеми теми, кто не разделял переход от новой экономической политики к военно-коммунистическим методам управления сельским хозяйством, с теми, кто был против развязывания новой гражданской войны. Очерки журнала «Крокодил», выходявшего огромными тиражами, дают репрезентативную картину ментального поворота от толерантности нэпа к нетерпимости новой классовой борьбы для построения социализма.

Ключевые слова: журнал «Крокодил», И.В. Сталин, новая экономическая политика, «правый уклон», Н.И. Бухарин, советская публицистика 20-х годов

Для цитирования: Юрганов А.Л. Публицистический аспект борьбы с правым уклоном в сатирическом журнале «Крокодил» (1929 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 37–48. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-37-48

The publicistic aspect of the struggle against right-wing bias in party politics in the satirical magazine “Crocodile” (1929)

Andrei L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Iurganov@yandex.ru*

Abstract. This article studies the interaction between Party power and the journal Crocodile in the struggle against right-wing bias in the Party. The interaction itself shows that Stalin’s ideological machine was struggling not

---

© Юрганов А.Л., 2022

only with the right-wing bias in the Party, but also in a broader sense – with all dissenters in Soviet society, with all those who did not share the transition from the new economic policy to military-communist methods of agricultural management, with those who were against the unleashing of a new civil war. The sketches of Crocodile magazine, which came out in huge circulations, provide a representative picture of the mental turn from the tolerance of the New Economic Policy Era to the intolerance of the new class struggle for the construction of socialism.

Keywords: “Crocodile” magazine, Stalin, new economic policy, “right-wing bias”, N.I. Bukharin, Soviet journalism of the 20s.

For citation: Iurganov, A.L. (2022), “Publicistic aspect of the struggle against the right-wing bias in the satirical magazine ‘Crocodile’ (1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin*, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 10, pp. 37–48, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-37-48

Если человек считал неприемлемым сталинскую позицию, выраженную на июльском пленуме ЦК ВКП(б) (1928), о необходимости брать «дань» с крестьян, – он «правый уклонист».

Если человек считал, что категория «дани» есть историческая категория феодализма – он «правый уклонист».

Если человек считал, что «чрезвычайные меры» приводят к упадку сельского хозяйства (деградации) – он «правый уклонист».

Если политика «дани» разрушает «смычку» между пролетариатом и крестьянством – он тоже «правый уклонист»...

Путь изучения советской истории только по решениям партии – путь, лишенный исторического контекста, ибо он открывается лишь в мыслительных мотивах того или иного политического явления как факта взаимодействия власти с массовой аудиторией [Такер 2006]. Какими были основные мотивы в борьбе с «правым уклоном» в сатирическом журнале «Крокодил» в 1929 г.? Ведь надо было рассказать доступно, понятным языком о том, что происходит в партии, в стране, – и не только рассказать в придуманных очерках, но обязательно что-то высмеять, над чем-то поглумиться, удивиться чему-то, – и все это с обязательством быть понятным рядовому читателю страны Советов. Такой «перевод» партийных решений на язык массовой культуры – всегда трудная задача для тех, кто этим занят, и она особенно трудна, если в принимаемых решениях нет полной ясности. У сотрудников журнала не было времени на раздумья – журнал «Крокодил» выходил четыре раза в месяц огромными тиражами как приложение к «Рабочей газете»...

Все то, что *прежде считалось* незыблемыми основами новой экономической политикой, *теперь объявлялось* «правым уклоном» – и перестройка общественного сознания под воздействием агитпропа и журналов требовала широкого внедрения *новой* интерпретации нэпа, – ведь от самого понятия никто не отказывался. Сталин утверждал, что нэп можно понимать по-новому...

На апрельском пленуме ЦК (1929) активно обсуждался тезис Н.И. Бухарина, сказавшего, что «теория» дани Сталина – это «военно-феодалная эксплуатация крестьянства». Даже самые стойкие сторонники Сталина признавали, что слово «дань» не вполне удачное. Тезис о «деградации» выдвинул экономист М.И. Фрумкин, которого сразу (с подачи Сталина) причислили к правому уклону еще в 1928 г. Всякое сближение с тезисом о «деградации» сельского хозяйства при «чрезвычайных мерах» рассматривалось исключительно как факт максимального сближения с «правым уклоном». «Деградация» была тесно связана с вопросом о «смычке» и «размычке» между пролетариатом и крестьянством в условиях отказа от рыночных отношений в угоду «чрезвычайных мер».

Особенность «Крокодила» за весь 1929 г. заключается в том, что едва ли не во всех его номерах заметна тенденция психологически углублять и расширять толкование правого уклона. Найти правого уклониста нужно прежде всего в себе самом! Тринадцатый (апрельский) номер журнала был специально посвящен этой теме. В очерке Никиты Крышкина «Разговор с мужичком» текстуально обнажен психологический момент «узнавания» в себе правого уклониста.

Я кивнул головой:

– Ладно. Правильно. Спасибо тебе, мужичок. Можешь итти.

– Чего ж так? – удивился мужичок. – А я хотел еще насчет мирного вранья кулака в социализм распространиться...

– Не стоит насчет вранья... Достаточно и того, что ты сказал. Вполне достаточно для доказательства, что во мне не правый уклон говорит, а подлинный голос подлинной советской деревни!

Но мужичок покрутил головой и сказал:

– Ой, не поверят!

– Это почему же?

– Да потому, – сказал мой воображаемый собеседник, – что выдуманный я мужичок, а вовсе не подлинный! Ведь всякому ж ясно. Ты с настоящим мужиком поговори, – тогда дело другое!

– Так настоящий-то мужик, может, совсем вразрез с моей линией начнет высказываться? Какой же мне смысл?..

– Ну, это тае... – произнес мужичок. – Смотри, значит, с кем дело

будешь иметь. Потому что, между нами-то говоря, есть мужик – и мужик: середняк, скажем, бедняк опять же, а то и кулак...

– Ну, так что?

Мужичок ухмыльнулся и сказал:

– Так ты с кулаком поговорил. Что ты, то и он, – что он, то и ты: в одну дудку будете петь. Полная смычка у вас получится!

Я поспешил выбросить вредного мужичонку из головы. Я же его выдумал, да он же еще и издеваться надо мной будет?.. Да еще, пожалуй, тоже в правом уклоне меня обвинит?..

Двистительно, тае... Только этого недоставало!¹

Тезис о «мирном вращении кулака в социализм» был ложно приписан Бухарину, но активно применялся в борьбе с ним. Об этом шла речь на апрельском пленуме ЦК в 1929 г. Бухарин говорил, что этот пропагандистский тезис, используемый против него, никогда и нигде не был им озвучен². Он подчеркивал, что состоялся переход от методов политической дискуссии, в которой главную роль играют аргументы спорящих, к огульной критике, усиленной пропагандистским нажимом всей прессы. Или ты за – генеральную линию без обсуждения, или ты – против! Или ты за колхозы – или ты против! Бухарин говорил, что на месте «политики» как *сложной задачи*, которую следует решать интеллектуально (таким был нэп в ленинском понимании) пришло время уничтожения всякой рациональности ради утверждения необсуждаемой правоты «генеральной линии». Бухарин подчеркивал: «Политику нужно строить на правильном расчете, а не на панике перед частником»³.

Сколько раз нужно сказать, что мы за индустриализацию, что мы за взятые темпы, что мы за представленный план? Сколько раз мы об этом заявляли! А лживые обвинения сыпятся как из рога изобилия. Я говорю в качестве члена Политбюро последний раз. Неужели мы все-таки не можем спорить, сражаться иногда, говорить резкости друг другу, но сойтись на том элементарном правиле, чтобы не приписывать друг другу *явного вздора*? ... Сколько раз нужно сказать, что мы за колхозы, что мы **за** совхозы, что мы **за** великую реконструкцию, что

¹Крышкин Н. Разговор с мужичком // Крокодил. 1929. № 13. С. 2.

²Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1928 гг: В 5 т. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. // Редкол. тома: В.П. Данилов, А.Ю. Ватлин, О.В. Хлевнюк (ответственные редакторы), Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: МФД, 2000. С. 162.

³Там же. С. 176.

мы **за** решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас возводить поклепы? Не вспомните ли вы, как на XV съезде Молотов критиковал меня справа за лозунг «форсированного наступления на кулака»... Сейчас, кроме всего прочего, требуется не столько крик и нажим, сколько ум и расчет. Сейчас требуется понимание сложности обстановки и сложности хозполитики. Что нам нужно? Металл *или* хлеб? Вопрос *нелепо* так ставить. А когда я говорю: *и* металл, *и* хлеб, тогда мне заявляют: «это – эклектика», «это – дуализм», нет, ты скажи обязательно, что нужно *или* металл, *или* хлеб, иначе ты увливаешь, иначе это фокусы⁴.

И как бы подытоживая – и даже предвосхищая переход к новой эпохе – Бухарин говорил: «Нас тянут к *примитивным постановкам вопроса*, годным для пионеров, а не для руководителей хозяйственной политики»⁵.

Пропаганда в сатирическом журнале открывает потаенную дверь в психологию человека, который отказывается от рациональности в угоду бездумному подчинению «генеральной линии». Этот поведенческий механизм характерен для детского сознания, если иметь в виду не тех, кто управлял партией, а тех, кто убедил себя слепо следовать ее решениям, нисколько не рассуждая при этом.

Обличение «правого уклона» в журнале «Крокодил» в 1929 г. показывает, насколько сталинский агитпроп был заинтересован в том, чтобы «уклоны» были фактами не только партийной, но и гражданской жизни тоже. Характерно в этом смысле «сообщение» из «архива» журнала под названием «Таракановщина», опубликованное в четвертом (январском) номере «Крокодила». Смысл «правого уклона» здесь настолько широко трактуется, что в пору соединить его со смыслом «моральной», как тогда говорили, устойчивости или неустойчивости...

Таракан благоустроился!

Отказавшись от скромного уюта под диваном, он уже в райком и пишет в «Донецком Хлеборобе». Вот его статейка в № 61 этой газеты:

ПРОТИВ ПРАВОГО УКЛОНА В ПАРТИИ

В противовес попыткам навязать партии правоуклонниками (так! – А. Ю.) ревизию ленинских решений, принятых 15-м съездом ВКП(б), нужно еще больше комсомольским ячейкам сплотиться вокруг партии Ленина.

---

⁴Там же. С. 166.

⁵Там же.

– Да здравствует единство партии Ленина!

– Да здравствует ленинский ЦК ВКП(б)!

ТАРАКАНОВ

Читают эту статейку донецкие комсомольцы и благоговейно думают: «Да ведь это же не комсомолец, а железная когорта какая-то! Такой Тараканов костыми ляжет за революцию!»⁶.

Однако человек по фамилии Тараканов, формально повторяя нужные слова в поддержку «генеральной линии», не исповедует «моральную» составляющую в личном поведении:

Но вот на полвершка, в этой же газете, находят вторую заметку – «Проинструментировал». Оказывается, Тараканов явился в Колодезянскую ячейку и, «повстречавшись с секретарем ячейки, отправился к одной девушке-батрачке. Секретарь ячейки скоро незаметно вышел, оставив Тараканова вдвоем с девушкой. Петя, потушив молча лампу, стал приставать к комсомолке. Она с ужасом спросила, что ему надо? Но Тараканов не унимался. Пришлось выгонять «районного вождя» в шею». Если таракан запечен в булке – это еще полбеда... Но если Тараканов печется «о единстве ленинской партии» – это уже жутко⁷.

Сталин в феврале 1929 г. ответил писателю В. Биллю-Белоцерковскому письмом, в котором не согласился рассматривать художественную литературу с точки зрения «уклонов»:

Я считаю неправильной самую постановку вопроса о «правых» и «левых» в художественной литературе (а значит и в театре). Понятие «правое» или «левое» в настоящее время в нашей стране есть понятие партийное, собственно – внутрипартийное. «Правые» или «левые» – это люди, отклоняющиеся в ту или иную сторону от чисто партийной линии. Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр.⁸

Практика расширенного понимания «правого уклониста» (в жизненно-бытовом плане) не кажется странной сатирическому журналу.

---

⁶ «Таракановщина» // Крокодил. 1929. № 4. С. 11.

⁷ Там же.

⁸ *Сталин И.В.* Сочинения. М.: Государственное изд-во полит. литературы, 1949. Т. 11: 1928 – март 1929. С. 326.

Например, отдых на море становится мотивом повторяющимся – это своеобразный идеологический маркер нэповского осознания предельных целей существования. В августовском номере «Крокодила» был опубликован немного странный очерк под названием «Целиком и полностью». В купе вагона «Москва – Севастополь» едут двое: «толстый и тонкий». Имен нет – использована чеховская аллюзия, но не вполне понятно – с какой целью: ведь здесь как будто и нет никакого противопоставления.

Тонкий спрашивает толстого: «К морским берегам направляетесь?.. Отдыхать?» Завязывается диалог, из которого следует, что *ситуация в стране* не позволяет отдых на море, а хочется...

– К морским берегам направляетесь?.. Отдыхать?

– Отчасти и отдохнуть, – ответил толстый, – но отчасти, собственно говоря, я по делам. А вы? Тоже на отдых?..

Тонкий сердито махнул рукой:

– Ка-акой уж тут отдых!.. В наше-то время? При нашем-то положении? При теперешнем курсе?.. Где уж тут об отдыхе думать!..

– Это-то, положим, верно, – согласился толстый. – Время сейчас не легкое...

И добавил, слегка, усмехаясь:

– Будем надеяться, что лет через пять легче станет. Тогда отдохнем!⁹.

Тонкому и толстому мешают жить грандиозные планы большевиков, а хочется расслабиться. «Отдых» – ассоциативный символ советской буржуазности – откладывается на пять лет. Высмеивается настроение людей (и это настроение безусловно – «правая опасность»!) жить сиюминутными потребностями, а не интересами «ускоренной индустриализации». Пределом мечтаний советского человека эпохи нэпа был отдых на море – без утруждающих обстоятельств новой «генеральной линии». «Тонкий» – нэпман, а «толстый» на вопрос – не партийный ли он – никак не отвечает, но, судя по всему, член партии. Оба они сомневаются в необходимости планов «догнать и перегнать». Не нужно это! Нет у страны ресурсов – и жить надо не фантастикой, а реальностью. Не облагать кулака налогами, а давать ему право больше продавать – раз страна нуждается в хлебе.

– Через пять? Ну, нет: много раньше! – твердо заявил тонкий.

– Вы думаете?.. – насмешливо удивился толстый.

---

⁹Грамен[Иванов Н.К.]. Целиком и полностью // Крокодил. 1929. № 30. С. 2.

– Полагаю, – сказал тонкий. – Много раньше придется притормозить темпик индустриализации-то!.. И к частному капиталу на поклон придется еще пойти! Будьте спокойны!..

Толстый благодушно улыбнулся и произнес:

– Гм!.. Д-да... Вы, значит, вот с какой точки зрения сроки-то сокращаете!

– А то с какой же? – сказал тонкий. – По-вашему, не так?..

– Собственно говоря, конечно... – согласился толстый. – Наступление на кулака и на частника, быстрый темп индустриализации, «догнать и перегнать», все это – очень громкие дела, а за словами...

– Шиш – за словами! – сердито подхватил тонкий. – Фантасмагория и ничего больше!

Толстый развел руками:

– Ресурсов (так в тексте. – А. Ю.) же нет!.. Я понимаю: облагать кулака, не давать ему расти, если имеются богатые продовольственные ресурсы... Но сейчас, когда мы нуждаемся в зерне, не все ли равно, от кого получить лишнюю сотню тонн: от кулака или от не-кулака? Лишь бы получить!..

– Вот и я говорю, – сказал тонкий. – Опять же, частника взять: ну, если заведомая спекуляция, дутое дело, – тогда, конечно, по боку... Но если предприниматель или торговец вполне лоялен, развил здоровое и крепкое дело, то какой же тут кому вред? Ничего, кроме пользы всему государству!..

Толстый кивнул головой:

– Конечно. То же самое, ведь, и с кулаками... Кулак-ростовщик, конечно, вреден. Но крепкий зажиточный хозяин – это совсем другое дело. Это...

– Ясно, как лимонад, – перебил тонкий. – Меня-то вам нечего убеждать. Мы-то с вами, понятно, так смотрим... Солидарен целиком и полностью!

– Да, нам-то с вами спорить, конечно, не о чем, – согласился толстый. – Но попробуйте поговорить так... ну, при другой обстановке, – и сейчас же вас и в правом уклоне обвинят, и мелкобуржуазную подоплеку пришьют, и всех собак на вас навешают!

– А наплевать, – сказал тонкий. – Нам-то что?

– Ну, как же так наплевать... Во время чистки-то?

– А нам-то что? – повторил тонкий.

– Извиняюсь... Но разве вы не...

– У меня свой обувной магазин, – сказал тонкий. – Чистка меня не касается. А вы, извиняюсь, разве не...

Дальше толстый не расслышал: ему стало жарко, и он высунул голову в раскрытое окно¹⁰.

¹⁰ Там же.

Подобный же очерк о неверии в силу ускоренной индустриализации был опубликован в ноябрьском (№ 41) очерке Б. Самсонова под названием «Правый мужчина».

К строителям подошел гунявый гражданчик и стал полегонечку каркать.

– И к чему это вы надрываетесь? Все равно ничего не выйдет. Бросьте, чудаки! План у вас нежизненный. Ну, разве можно строить, когда даже кирпичей нет? Из воздуха не построишь?

– Просит кирпича, – засмеялись строители. – Не беспокойся, кирпич будет!

Кирпич, действительно, нашелся. Планом была предусмотрена постройка кирпичных заводов.

– Ну, предположим, – злорадствовал оппортунист, – кирпич имеется, но ведь нет сырья?

Оппортунист заторжествовал.

– Сырья-то нет! Ей богу, нет! Лопнул гусар! Я говорил – план нежизненный!

Но, к его удивлению, сырье нашлось. План предусматривал развитие сельского хозяйства на коллективных основах.

Оппортунист заторжествовал:

– Подумаешь – удивили! А план все равно нежизненный. Материальная основа есть, но нужны же люди! Нужны кадры! А кадров-то и нет. Вот вам и план!

Он от поганой радости даже стал приплясывать.

– А кадров нет! А кадров нет! Все зря! Все ни к чему!

Оппортунист смутился. Даже чуть-чуть покраснел, – насколько это было возможно для соглашателя. Но быстро оправился и ехидно спросил:

– А скажите, пожалуйста: на сколько лет вы рассчитывали свой план?

– Известно: план пятилетний.

– Пятилетний, говорите? Так, так. А выполнить его сможете во сколько?

– В четыре года.

– В четыре? – смутился было оппортунист. Но сейчас же заявил победоносно:

– А я что говорил? Говорил, что в пять лет не выполните, – на мое и вышло! Шутка сказать, – на целый год обмишулились! Нежизненный вышел планчик-то! Говорил я вам, – нежизненный, так оно и получилось¹¹.

---

¹¹ Самсонов Б. Правый мужчина // Крокодил. 1929. № 41. С. 6.

Неверие в любой религии – это грех, неверие же в построение социализма – «оппортунистический грех». К этому выводу сводится очерк Грамена «Никакого уклона», опубликованный в ноябрьском (№ 41) номере журнала. Характерно, что агитационный мотив этого опуса оказался зеркально отображенным: кулак рассуждает *точно так же*, как борец с правым уклоном – только с другим знаком. Однако *в основе* самого знака, наделенного полнотой по-разному понимаемой истины, неизменно пребывает вероотступничество как мотив своеобразного религиозного «оппортунизма».

Иван Парменыч, кулак, передовой представитель своего класса, впал, по слухам, в оппортунизм и примиренчество. До сих пор он был стойким, выдержанным кулаком и не отклонялся от кулацкой линии ни в теории, ни на практике. Бедняков терпеть не мог. Середняков справедливо считал чуждым элементом. Коммунистов ненавидел лютой ненавистью – и в своем кругу говорил:

– Кабы да моя власть... Господи боже мой!.. То-ись, всех бы до единого своими рученьками передавил и на семя бы не оставил.

Но за последнее время во взглядах Ивана Парменыча произошел какой-то сдвиг. Если и нельзя было определенно считать этот сдвиг антикулацким уклоном, то следовало, по меньшей мере, признать его левым загибом. Именно в качестве такового он был истолкован и батюшкой о. Варсонофием. Отец Варсонофий встревожился и пошел увещевать Ивана Парменыча.

– Такие-то дела, такие-то дела... – сказал о. Варсонофий, поздоровавшись и поговорив о погоде. – Толкуют про тебя, Парменыч, будто ты того... неподобное начинаешь проповедывать, между нами будь сказано!

– Что же такое неподобное? – удивился Иван Парменыч.

– Будто того... примиренческое отношение к врагам проявляешь! И даже будто потворство некое проповедуешь по отношению к коммунистам.

– Не ко всем, – спокойно сказал Иван Парменыч. – Но коммунисты, действительно, как бы тебе объяснить, бывают разные. Я, батя, держу курс на здорового коммуниста.

О. Варсонофий укоризненно покачал головой и произнес наставительно:

– В уклон впадаешь, Парменыч! В *оппортунистический грех*. Все коммунисты суть непримиримые наши враги и семя антихристово. Какие-такие могут быть среди них здоровые?

– А правые, например. Оппортунисты, которые... – пояснил Иван Парменыч. – Если они в нашу дудку играют, то почему же нам курса на них не держать?..

О. Варсонофий задумался. Подумав, он спросил:

– Но как же, однако, так? Если коммунисты держат курс на здорового частника и примиряются с иноклассовыми, то сие есть мелкобуржуазный уклон, каковой партией осуждается?..

– Правильные твои слова! – сказал Иван Парменыч.

– Так. Из сего вытекает: если ты держишь курс на здорового коммуниста и с оным готов примириться, то сие есть пролетарский уклон, какой подлежит нашему решительному осуждению! Анафема!

Иван Парменыч тоже задумался. Но, подумав, ухмыльнулся и ответил:

– Неверие это у тебя, батя!

– Во что?.. – ехидно спросил о. Варсонофий. – Во вранение твое в социализм?.. Трижды анафема!!!

– Нет, батя, – сказал Иван Парменыч, – во вранение правых в капитализм!

И добавил назидательно:

– Политграмоты не знаешь, отец! Не «анафема» тут, а «аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже»!¹².

Таким образом, нежелание «правых» признавать возрастающую классовую борьбу в связи с приближением к построению социализма рассматривалось журналом «Крокодил» как важнейший мотив сатирической пропаганды, – надо еще больше говорить не об отдыхе, не о сотрудничестве классов, не о рациональном смысле экономики, а о неизбежности новой гражданской войны.

Литература

Такер 2006 – Такер Р. Сталин: История и личность. М.: Весь мир, 2006. 359 с.

References

Tucker, R. (2006), *Stalin. Istoria i lichnost'* [Stalin. History and personality], Ves' mir, Moscow, Russia.

---

¹² Грамен[-Иванов Н.К.]. Никакого уклона // Крокодил. 1929. № 41. С. 2.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Iurganov, Dr. of Sci (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Iurganov@yandex.ru

УДК 070:791

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-49-61

Рецепция фильма Э.Г. Кеосаяна
«Неуловимые мстители» в 1960–1970-е гг.
в советской прессе

Евгения В. Бродская

*Российский государственный гуманитарный университет
eugenia.brodsкая@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рецепции советской прессой 1960–1970-х гг. фильма Э.Г. Кеосаяна «Неуловимые мстители» (1967). Фильм Кеосаяна, по сути, ремейк ленты И.Н. Перестиани, снятой по одноименной повести П.А. Бляхина, которая стала считаться классической к 1960-м гг. «Неуловимые мстители», выпущенные на стыке эпох – «оттепель» уже почти закончилась, а советские танки еще не вошли в Прагу – была неоднозначно воспринята советской критикой. Кино было выпущено под 50-летний юбилей Октября. Фильм «Неуловимые мстители» попал в наметившийся «зазор» между «партией» художников, которые хотят говорить свободным языком и выражать свою позицию относительно свободно, и «партией» охранителей, которая отстаивала консервативные ценности, что естественным образом сказывалось на языке описания кинореальности.

Ключевые слова: власть, советское кино, советская журналистика, советская пресса, социум, советское кинопроизводство, Э.Г. Кеосаян, П.А. Бляхин, И.Н. Перестиани

Для цитирования: Бродская Е.В. Рецепция фильма Э.Г. Кеосаяна «Неуловимые мстители» в 1960–1970-е гг. в советской прессе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 49–61. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-49-61

The reception of E. Keosayan's "Elusive Avengers"
in Soviet printed media 1960s – 1970s

Evgeniya V. Brodsкая

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
eugenia.brodsкая@gmail.com*

Abstract. The article is focused on reception of the movie *Elusive Avengers* (1967) by E. Keosayan in the Soviet media of 1960s – 1970s. The film by

---

© Бродская Е.В., 2022

E. Keosayan is a kind of remake of I. Perestiany's *Red Devils* (1923) based on P. Blyakchin's story published in 1921. The Perestiani movie by 1960 got the status of classic piece of Soviet cinematograph. *Elusive Avengers* appeared at the juncture of two epochs: Krushchev's "thaw" was nearly over anyway yet the Soviet tanks had not rolled into Prague. The film met the mixed review from critics. The movie was released towards the 50 years jubilee of the revolution and it was really caught in the "gaping" between the party of the artists who wanted to speak and articulate their position and attitude with free language and the party of conservative guards which upheld conservative values, what naturally affected the language of description of cinematic reality.

Keywords: power, Soviet cinema, Soviet journalism, Soviet mass media, society, Soviet filmmaking, P. Bliakhin, I. Perestiani, E. Keosayan

For citation: Brodskaya, E.V. (2022), "The reception of E. Keosayan's 'Elusive Avengers' in Soviet printed media 1960s – 1970s, *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 49–61, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-49-61

Для советского кинематографа 1967 год был особенным. В этом году праздновали 50 лет Октябрьской революции.

8 января 1967 г. выходит постановление «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции»¹, где подводятся итоги и намечаются новые шаги для уверенного строительства счастливого социалистического общества.

Еще в 1922 г. В.И. Ленин говорил А.В. Луначарскому: «Из всех отраслей вашего художественного дела самая важная – кинематография: ей нужно заняться в самую первую очередь»². Действительно, советская власть в начале 1920-х гг. была готова вкладывать в кинематограф вполне серьезные деньги, осознавая его пропагандистскую важность. И в 1960-е гг. советский кинематограф под юбилейную дату был призван максимально широко освещать произошедшие 7 ноября 1917 г. переломные для страны события. Было снято внушительное количество лент о революции. Разумеется, не все из них прошли цензуру – к несчастью, неминуемую в советское время «ступень» перед выходом к зрителю. Так, на 20 долгих лет был положен «на полку» фильмы А. Аскольдова «Комиссар» и «Интервенция» Г. Полоки. В том и другом случае

---

¹ О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1967. 8 янв.

² Луначарский А.В. О кино вообще и Госкино в частности // Известия. 1923. 22 июля.

Комитет СССР кинематографии не устроило изображение Гражданской войны. Беспрецедентной травле подверглись и другие картины, никакого отношения к Гражданской войне не имеющие, но «попавшие под раздачу». С точки зрения официальных лиц, которые определяли «повестку» советского кинематографа, они были сняты слишком «вольно». Например, кинофильмы «Июльский дождь» (реж. М. Хуциев, 1967) и «Андрей Рублев» (реж. А. Тарковский, 1966) подверглись уничижительному разному от киночиновников, «Родник для жаждущих» (реж. Ю. Ильенко, 1965) вообще был положен на «полку», вышел в 1994 г. Не будем сейчас вдаваться в истинные причины того, почему картины подвергались жесткой критике и травле со стороны властей и как фильмы были спасены от полного уничтожения по счастливой случайности. Заметим только, что контроль над кинопроизводством был еще не настолько жесткий («постановление ЦК КПСС о повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» вышло только в январе 1969 г.) [Летопись российского кино 2015, с. 193], но предпосылки для этого были уже достаточно серьезные.

Представляется, что в данном случае важнее понимание механизмов восприятия советским социумом той или иной киноленты, которая все же доходила до кинозрителя в срок. В данном случае нас интересует фильм Э. Кеосаяна «Неуловимые мстители», который вышел в прокат 29 апреля 1967 г. Авторами сценария выступили сам Э. Кеосаян и С. Ермолинский. Фильм совершенно «правильный» с точки зрения выбранной темы. Он был приурочен к юбилею революции, а празднование такого рода юбилеев имело для советского общества почти что сакральный смысл [Бродская 2019, с. 53].

«Неуловимые» – это фактически ремейк классической ленты И. Перестиани (1923) «Красные дьяволята», снятой по одноименной повести П. Бляхина (1921). Фильм Перестиани пользовался невероятным успехом среди тогдашней молодежи, и, вероятно, Кеосаян хотел подобный успех повторить. Тем более что сюжет был вполне для этого благодарный: подростки, потерявшие во время Гражданской войны на Украине в 1919 г. своего отца – «красного» матроса Щуся. Он был убит атаманом «белых» Гнатом Бурнашом. Как и в повести Бляхина, и в «Красных дьяволятах» И. Перестиани, брат и сестра – Данька и Ксанка – клянутся отомстить за отца. И теперь борются с «белым злом». Атаман тем временем отбирает у населения последний скот и еду, и ребята, ни единой минуты рискуя своей свободой и жизнью, останавливают Бурнаша, ратуя за «красное» правое дело.

Кеосаян довольно точно определяет аудиторию, к которой адресуется – в начале фильма стоит посвящение «юным героям Гражданской войны». То есть режиссер «отдает дань» тем, кто пережил это страшное время, и тем, кто навсегда остался в нем. При этом значительная часть аудитории – это, разумеется, подростки. Итак, мы имеем дело с кинолентой, актуализированной сразу для нескольких поколений молодых людей.

Сам режиссер рассуждал об этом фильме так:

Нужно создать наш советский вестерн. Мне захотелось сделать картину, на которую бы тоже выстраивалась очередь... Вестерн, как ни один жанр, способен заразить аудиторию идеями. Ведь если зритель полюбит героев картины, то он примет на веру все. Любовь к Родине, долг, верность – на экране это не отвлеченные понятия, а живые примеры, которым страшно хочется подражать...³

Фильм, надо сказать, попадает в важный зазор между рассуждениями о том, каким должно быть детское советское кино⁴, и разговором о романтизации революции. Безусловно, 50 лет – это достаточный срок, чтобы о явлении или событии родились и закрепились мифы в социуме. Точнее – сформировались неписанные правила, каким образом нужно изображать то или иное явление. В данном случае – Революцию. Однако в случае с «Неуловимыми мстителями» консервативная, охранительная позиция некоторых рецензентов фильма вступает в противоречие с нарочитым героическим пафосом, которым награждают и саму революцию, и следующую за ней Гражданскую войну. И этот пафос доведен до предела в картине Э. Кеосаяна, однако тоже обусловлен рамками жанра. Здесь рецепция киноленты Э. Кеосаяна делится как бы на два лагеря. Один – утверждает охранительный дискурс революции, другой – приветствует приключенческую ленту о временах Гражданской войны. К слову говоря, никто их критиков не называет жанр, в котором сняты «Неуловимые» (термин «вестерн» не был официально закрепленным в среде кинокритиков), но они апелли-

³Василенко А. Осень Эдмонда Кеосаяна // Международная газета «Секретные материалы». URL: https://xfile.ru/x-files/ussr/osen_edmonda_keosayana/ (дата обращения 10.09.2022).

⁴Митта А. Заметки о детском кинематографе // Искусство кино. 1973. № 11. С. 8–15; Дик И., Иванова С., Клешицкая И., Нодель Ф., Полонский Г., Фрез И. Продолжаем разговор о кино для детей // Там же. 1971. № 10. С. 43–57.

руют к американским вестернам как к основе жанра, к которому принадлежит фильм⁵.

Интересно проследить, каким образом и почему эти позиции не совпадают и каким образом подобную поляризацию мнений можно «наложить» на настроения советского общества.

Дело в том, что 1960-е гг. стали «переломным» моментом для жизни советского социума: с одной стороны, 1967 год – это год, когда «оттепель», начатая Н.С. Хрущевым, уже закончилась (хотя насчет точной даты окончания «оттепели» спорят до сих пор), генсеком уже несколько лет был Л.И. Брежнев, чье правление принято характеризовать как «эпоху застоя». Завершение эпохи «оттепели» маркировали судебные процессы над Ю. Галансковым, С. Гинзбургом, выход первого номера «Хроники текущих событий», публикация «Размышлений о прогрессе, сосуществовании, свободе» академика А.Д. Сахарова [Фомин 1996, с. 12]. И окончательным аккордом стали трагические события лета 1968 г., когда советские танки вошли в Чехословакию.

Общество до подобного поворота в советской истории еще надеялось на «социализм с человеческим лицом», поэтому и празднование Октября было вполне искренним. Отсюда и искренняя интонация фильмов, которые были приурочены к годовщине Октября.

К сожалению, после 1968 г. стало очевидно, что подобным надеждам не суждено сбыться и проект по созданию счастливого советского общества утратил свою актуальность.

Таким образом, 1967 год, фактически последний год перед «переломным» 1968 г., долгой «эпохой застоя» и консервации. Хотя еще в августе 1967 г. заведующим отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро подготовлена докладная записка для высшего руководства страны «О современном состоянии советской кинематографии», где он рассуждает о том, что

Во многих фильмах оказались утраченными традиции политически страстного гражданственного кинематографа... Настораживает и наметившаяся у отдельных кинематографистов тенденция к одностороннему показу жизни <...> В некоторых фильмах военно-патриотической тематики слабо звучит героико-романтический пафос. Иногда проскальзывает ложное, граничащее с классовым примиренчеством понимание человеческой солидарности [Фомин 1996, с. 12].

---

⁵ Фрез И. Главное – не притворяться // Искусство кино. 1968. № 6. С. 69; Яковлев Ю. Вызов на переживание // Там же. 1971. № 12. С. 71.

Разумеется, фильмы про Гражданскую войну еще снимали («Белое солнце пустыни» – реж. В. Мотыль, 1970, «Бумбараш» – реж. Н. Рашеев, А. Народицкий, 1971), но это уже другие фильмы другой эпохи с другим языком описания и интонации. Поэтому хронологически и по смыслу «Неуловимые мстители» можно отнести к эпохе окончания «оттепели».

Советская критика, как всегда, воспринимает фильм неоднозначно. С одной стороны, перед нами практически идеальный образец фильма о Гражданской войне: с погонями, приключениями, стрельбой и юными главными героями, которые побеждают своих антагонистов; в стане «белых» сплошь взрослые состоявшиеся люди из стремительно уходящего времени. Своего рода оппозиция «молодость» – «старость». С другой стороны, некоторые критики видят «притворство» и «небывальщину» в фильме.

Фильм цветной, очень красивы эпизоды, когда «неуловимые» на фоне солнца выезжают на лошадях и когда Цыган поит коня. Но все или почти все их дела выглядят как-то неправдоподобно. И невольно думаешь: «Хорошо, но вряд ли такое было». Это видно, когда Оксана сбила с ног здорового трактирщика. По-моему, в этом режиссер немного просчитался⁶.

Похожим образом рассуждает И. Игнатьева в статье «Детям до шестнадцати»:

Сравнивая фильм «Неуловимые мстители» со старой лентой «Красные дьяволята», ребята обнаружили в первой картине «сцены, которым не веришь», сочли, что у Перестиани приключения даны «*более правдиво, жизненно*»⁷.

То есть критика здесь ведет себя относительно мягко, как бы и не называя главную проблему, а маскируя ее под «неправдоподобие» и некоторые не совсем внятные опросы молодого поколения. По сути, претензия следующая: кино о Гражданской войне, героическом и трагическом периоде России, получилось слишком зрелищным и приключенческим. А тема-то очень серьезная. За трюками, с точки зрения некоторых критиков, потерялся смысл происходящего. То есть трагизм низвели до фарса, скажем, сцены

⁶ Дик И., Иванова С., Клецикая И., Нодель Ф., Полонский Г., Фрез И. Продолжаем разговор о кино для детей // Искусство кино. 1971. № 10. С. 50.

⁷ Игнатьева Н. Детям до шестнадцати // Там же. 1968. № 8. С. 112.

со знаменитым персонажем Бубой Касторским (Б. Сичкин), который даже пальбу обращает в шутку. В свою очередь, героизм ребят теряется за трюкачеством: сценами с лошадьми, комедийными моментами с «летающими» гробами (всем известное изречение из фильма «Мертвые с косами стоят... и тишина»). А как же героический пафос Гражданской войны? Вот даже у И. Перестиани это получилось лучше:

Любопытно, что старый фильм Перестиани не потерял своего значения после появления «Неуловимых мстителей», он «смотрится», он сохранил для нас неповторимое обаяние и, может быть, именно благодаря скромности средств, которыми выполнен. У Перестиани в смешных ситуациях оказываются не только герои второго плана, но и главные романтические герои, картина как бы схватила дух времени, его глубокий демократизм. Даже в грубом гриме актеров, который сегодня бросается в глаза, видится нарочитость лубка, народного примитива, «действия», и это в характере юных героев, которые вступили в борьбу как в игру, что нисколько не снижает серьезности картины, ибо это была игра жизни и смерти, когда решалась судьба революции, во имя которой красные дьяволята и совершили свои фантастические подвиги. Подчиняясь законам жанра, фильм не ставил перед собой сложных психологических задач – они тогда для кино были невыполнимы. Но именно потому, что фильм на многое не претендовал, он многого добился. Киноведы писали о «Красных дьяволятах» не только как о приключенческом фильме, его рассматривали и как характерный детский фильм, и как кинокомедию, и как историко-революционный фильм, в котором появляются конкретные исторические герои; в двадцатые годы о «Красных дьяволятах» писали как о первом киноромане в советском кино⁸.

Итак, к моменту выхода «Неуловимых мстителей» кино И. Перестиани, воспринятое современниками также неоднозначно, хотя и шедшее с бешеным успехом⁹, теперь воспринимается критиками как классика, на которую следует ровняться. В этом смысле Э. Кеосаян, разумеется, «выбивается» из жанра, но делает это совершенно осмысленно:

Когда смотришь этот фильм, забываешь обо всем. Хочется так же скакать на коне, ходить в опасные разведки, освобождать деревни, занятые белыми. Я поражаюсь смекалке и находчивости этих ребят.

---

⁸ *Фрейлих С.* Сквозь призму жанра // Искусство кино. 1972. № 1. С. 106.

⁹ *Кацман Р.* Великий воспитатель // Там же. 1935. № 10. С. 26–27.

Порой мне кажется, что *в жизни не может быть таких приключений. Может, это и так, но не хочется этому верить, хочется думать, что все было на самом деле* (курсив мой. – Е. Б.). Героика гражданской войны, даже облегченно поданная, как в фильме Кеосаяна, привлекает и увлекает школьников. Ей, оказывается, «все возрасты покорны». Всем хочется «скакать на коне, ходить в опасные разведки, освобождать деревни, занятые белыми». <...> Прекрасно, когда искусство кино так облагораживающе действует на зрителя, воспитывая в нем гражданина и патриота своей страны. Но как еще не хватает школьникам на нашем экране Героя, Человека с большой буквы, изображенного во весь рост, во всей глубине душевной и физической борьбы с трудностями и препятствиями, которые подчас выше человеческих сил и возможностей.

Это интересный тренд восприятия «Неуловимых мстителей», сравнение с «вечной классикой» – «Красными дьяволятами», тогда как и в фильме И. Перестиани тогдашние критики отмечали неправдоподобность и картонность сюжета:

Несмотря на то, что авторы фильма нагромождали замысловатые и *не всегда правдоподобные события* (курсив мой. – Е. Б.) одно на другое, несмотря на то, что самые *невероятные похождения* героев господствовали в картине, была все же в ней и настоящая теплота, согревавшая каждый ее кадр, каждый ее эпизод. Успех картины решался в огромной мере именно этой специфической ее особенностью, этими советскими качествами ее героев, большой человечностью, которая проступала сквозь множество поверхностных, заимствованных, а порой и не очень убедительных сюжетных изощрений¹⁰.

Или рассуждения о том, что «Красные дьяволята» – «своеобразная *легенда* на тему о Гражданской войне, в которой нашли свое отражение и революционный пафос, и героика тех лет, и трагические моменты борьбы с анархо-бандитизмом, и быт украинской деревни, и пьяный разгул Махновского сброда»¹¹. Это восприятие экранизации повести П. Бляхина накладывается еще на один сюжет.

Ни в начале 1920-х гг., когда снимали «Красных дьяволят», ни в 1960-е не существовало лекал, по которым следовало снимать юношеское кино про революцию. Сама идея подобного кино для подростков идеологически вполне понятна. Пропагандистское

¹⁰ Львов С. Молодой герой советского кино // Искусство кино. 1938. № 10. С. 31.

¹¹ «Савур-могила» (Госкинопром Грузии) // Правда. 1926. 1 сент. С. 6.

кино, объясняющее юношеству неизбежность и «правильность» революции, было необходимо. Но пропагандистских клише, по которым следовало снимать подобное кино, не было. Поэтому один из первых опытов И. Перестиани – попытка создать приключенческое кино о революции для детей старшего школьного возраста – в итоге восприняли как «образец», на который впоследствии ориентировались прочие режиссеры. При этом репутация «Красных дьяволят» при действительном успехе картины была неоднозначна, более того – фильм даже подвергся перемонтажу в 1943 г.¹² Добавим к этому, что также не существовало «языка» детского кино, на котором следовало разговаривать с подрастающим поколением о серьезных вещах. В 1960-х гг. на страницах журналов и газет, обсуждающих премьеру Э. Кеосаяна, можно найти подобные размышления:

Иногда создается впечатление, будто режиссер стесняется того, что он делает детскую картину: начинается фильм как детский, но потом вдруг переходит на иной язык, с явным расчетом на реакцию взрослого зрителя. Особенно грешат этим молодые режиссеры, которые изо всех сил стараются удивить зрителей, показать, на что они способны, чтобы перейти во «взрослый» кинематограф. <...> Знать и понимать тех, кто сидит в кинозале, – это неперемное условие для каждого, кто берется снимать детский фильм. Знать не по разрозненным, поверхностным наблюдениям, не по случайным встречам, а пользуясь глубокими, систематическими исследованиями, проводимыми на научной основе¹³.

Сходным образом рассуждает режиссер А. Митта, стремясь создать детский фильм во всей полноте жизни, но в строгой системе доказательств, как это положено в научной работе¹⁴. Вместе с тем «Неуловимые мстители» явно не менее успешный проект, чем «Красные дьяволята»:

Среди последних фильмов о гражданской войне наибольший зрительский успех выпал на долю поставленных Э. Кеосаяном «Неуловимых мстителей» и «Новых приключений неуловимых». И это понятно. Э. Кеосаяну и сотрудничавшим с ним актерам удалось найти

---

¹² Введение новых субтитров, звуковая дорожка, новые субтитры, вырезанные сцены с Л. Троицким.

¹³ *Игнатьева Н.* Детям до шестнадцати // Искусство кино. 1968. № 8. С. 111–112.

¹⁴ *Mumma A.* Заметки о детском кинематографе // Там же. 1973. № 11. С. 11–12.

путь к юношескому сердцу. Стоит только побывать в зрительном зале и посмотреть, как юные зрители следят за экранным действием, чтобы почувствовать: романтика подвига воссоздается в фильме с такой увлекающей силой, что современные зрители, наши нынешние ребята, воспринимают фильм с таким же волнением, так же горячо, как дети и юноши двадцатых годов воспринимали «Красных дьяволят» И. Перестиани, посвященных, по сути, тем же героям. Герои фильмов Кеосаяна – поистине неуловимые мстители. Они наделены качествами, покоряющими юношеское воображение, и качества эти органичны – выступают как особенности характеров¹⁵.

В данном случае, с точки зрения А. Караганова, романтизация революции явно помогает кинофильму стать таким же успешным, как и «Красным дьяволятам» в свое время.

Уже первая лента режиссера Э. Кеосаяна – «Неуловимые мстители» – вызвала к себе неподдельный интерес органическим сплавом героического и комедийного, совмещением приключенческого и острохарактерного начал, которые в свое время принесли широкую популярность повести Павла Бляхина и фильму Ивана Перестиани. Романтика революционных лет заново ожила для юного зрителя в героях фильма – его сверстниках – таких знакомых и таких необычайных. Удача «Неуловимых мстителей» была в том, что фильм сумел приблизить далекое время к молодым сердцам, всегда жаждущим риска, опасности – к такой ситуации, где можно было бы проявить энергию, отвагу, смекалку, удаль. Постоянное в этом возрасте стремление отождествить себя с полюбившимся героем во многом обеспечило успех фильма в массовой юношеской аудитории. <...> Отвага и бесстрашие побеждают! Молодая отвага неуловимых мстителей – это отвага революции. Их мужество, смелость, находчивость – это качества борцов, сражающихся за ее победу. И если фантастичны, невероятны приключения неуловимых, то вполне реальны, конкретны их характеры, проникнутые высоким духом оптимизма и героики¹⁶.

Но не все согласны с такой подачей. Отвага революции – это, конечно, хорошая тема для юношеского кино, да вот только подана она в корне неверно:

¹⁵ Караганов А. Героика подвига, характер воина // Искусство кино. 1969. № 7. С. 43.

¹⁶ Смоляницкий С. Продолжение следует // Там же. № 1. С. 39.

Но ведь «Неуловимые мстители», которые так пришлось по сердцу рецензенту, – фильм приключенческий, созданный по всем законам «вестерна», с невероятными погонями, фантастическими поединками, небывальными драками, уж он-то обязательно удален от подлинных событий революционных лет и лишен «сложности жизни» (за которую так ратует рецензент), как того и требуют законы данного жанра. И это вполне закономерно. <...> Почему же предоставлять свободу выбора жанра для одних тем, причем весьма серьезных (события революционных лет!), и лишать авторов права выбора жанра для другой темы, скажем, нравственной¹⁷.

В целом – эта позиция поддержана:

Без действенной драматургической пружины немыслимы произведения литературы и искусства для детей. Другое дело, что одной этой пружины для настоящего искусства оказывается недостаточно. Чтобы это лучше понять, сравните две ленты: «Чапаев» и «Неуловимые мстители». Обе ленты о войне, в обеих стреляют, гонятся, смеются над шутками и совершают подвиги. Только в первом фильме – яркие образы, глубокая драма, события, незабываемые на всю жизнь. Во втором – «вестернская» лихость, но, как говорится, фильм с глаз долой – и из сердца вон¹⁸.

В итоге можно говорить о том, что фильм Э. Кеосаяна по мотивам повести П. Бляхина был воспринят советской критикой благосклонно. Суть основных претензий сводилась к следующему: в рамках какого жанра можно говорить о революции и Гражданской войне и каким образом вообще подавать этот материал. По-видимому, это было связано с «переломом» конца 1960-х гг. С одной стороны, в «оттепельное» время кинохудожники начали формировать собственный язык описания реальности. Интонационно и по смыслу фильмы разительно отличались от предыдущего десятилетия. С другой стороны, вторая половина 1960-х гг. – это нарастающее «закручивание гаек» и несовпадение позиций части киносообщества и руководства Кинокомитета с партийным руководством [Марков 2019, с. 8]. В силу этого на часть фильмов накладывается запрет («полочное кино» – устоявшийся термин в советском и российском киноведении и в рамках изучения истории советского кино), часть фильмов получают серьезные замечания

---

¹⁷ Фрез И. Главное – не притворяться // Искусство кино. 1968. № 6. С. 69.

¹⁸ Яковлев Ю. Вызов на переживание // Там же. 1971. № 12. С. 70.

и подвергаются «обработке». Для того чтобы пройти цензурный барьер, некоторые сцены приходится «вырезать», а часть фильма подвергается настоящей травле. Причем не всегда это связано с идейным содержанием фильма – подчас имеют место «карьерные» и прочие «партийные» игры, как это было с печально известным фильмом Г.И. Полоки «Интервенция» [Бродская 2015, с. 224–242].

Таким образом, фильм «Неуловимые мстители» попадает в наметившийся «зазор» между «партией» художников, которые хотят говорить свободным языком и выражать свою позицию соответственно, без цензуры и кушор, – и «партией» охранителей, которая отстаивает консервативные ценности, что естественным образом сказывается на языке описания кинореальности. Но поскольку Э. Кеосаян избирает приключенческий жанр и отталкивается от ставшего уже классическим фильма И. Перестиани «Красные дьяволята» (хоть и претерпевшим существенные изменения) и повести П. Бляхина, то прямой атаки не происходит. Максимум фильм слегка «журят» за неправдоподобие и излишнюю романтизацию и «вестернскую» лихость в изображении трагических революционных лет. Предположим, что не последнюю роль здесь сыграл безусловный успех фильма, поэтому прямая травля была уже невозможна. В конце концов фильм без особых проблем был выпущен в прокат, что по меркам второй половины 1960-х гг. уже не так просто. В следующие несколько лет Э. Кеосаян снял продолжение трилогии: «Новые приключения неуловимых» (1969) и «Корона российской империи» (1971).

Литература

- Бродская 2015 – *Бродская Е.В.* Советская «Интервенция» Г.И. Полоки как опыт маргинализации // *Любовь и прочие маргиналии: Интерпретация культурных кодов* 2015. СПб.: ЛИСКА, 2015. С. 224–242.
- Бродская 2019 – *Бродская Е.В.* 50-летие Октября в советском кино: на материале рецензий на фильм Е. Карелова «Служили два товарища» // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2019. № 9. С. 52–61.
- Летопись российского кино 2015 – *Летопись российского кино 1966–1980* / Отв. ред. В.И. Фомин; сост.: В.А. Жданова, М.И. Косинова, В.И. Фомин, при участии П.В. Фионова; авт. и рук. проекта В.И. Фомин. М.: РООИ «Реабилитация»: Канон+, 2015. 688 с.
- Марков 2019 – *Марков Н.А.* Система государственного управления советским кинематографом 1963–1986: Дис. ... канд. ист. наук (Отечественная история). М., 2019. 416 с.
- Фомин 1996 – *Фомин В.И.* Кино и власть: советское кино: 1965–1985: Документы, свидетельства, размышления. М.: Материк, 1996. 371 с.

References

- Brodskaya, E.V. (2015), "Soviet *Intervencia* by G.I. Poloka as an experience in marginalization", in *Ljubov' i prochie marginalii: Interpretaciya kul'turnyh kodov* [Love and other marginalia. Interpretations of cultural codes], LISKA, Saratov, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 224–242.
- Brodskaya, E.V. (2019), "50 years jubilee of the October Revolution in Russian cinematography", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 52–61.
- Fomin, V.I. (ed.), Zhdanova, V.A., Kosinova, M.I., Fomin, V.I. and Fionov, P.V. (comp.), *Letopis' rossijskogo kino 1966–1980* [Chronicle of Russian cinematography], (2015), ROOI "Reabilitaciya", Kanon+, Moscow, Russia.
- Markov, N.A. (2019) "The system of the Soviet cinema public administration, 1963–1986", Ph.D. Thesis (History), The World History Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Fomin, V.I. (1996), *Kino i vlast'. Sovetskoe kino: 1965–1985: Dokumenty, svidetel'stva, razmyshleniya* [Cinema and power. Soviet cinema. 1965–1985. Documents, evidences, reflections], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгения В. Бродская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; eugenia.brodskaya@gmail.com

Information about the author

Eugenia V. Brodskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; eugenia.brodskaya@gmail.com

Проблемы теории журналистики

УДК 654.197

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-62-72

Актуальные подходы к созданию культурно-просветительских программ на телеканале «Россия-К»

Наталия Я. Макарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rsuh.makarova@gmail.com*

Аннотация. Ключевые аспекты, на которые ориентируются авторы культурно-просветительских программ: тематическая направленность, выбор экспертов, ведение программы, способы визуализации контента. Потенциал таких аспектов реализуется не в полной мере. Ряду программ телеканала «Россия-К», в частности программе «Наблюдатель», целесообразно расширить круг тем, приглашать в программы новые лица, увеличить количество видео- и аудиоматериалов – это сделало бы проекты актуальнее для молодого поколения.

Ключевые слова: телевидение, культурно-просветительская программа, телеканал «Россия-Культура», программа «Наблюдатель», визуализация, ведение программы, медиапотребление

Для цитирования: Макарова Н.Я. Актуальные подходы к созданию культурно-просветительских программ на телеканале «Россия-К» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 62–72. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-62-72

Current approaches to the creation of cultural and educational programs on the TV channel “Russia-Culture”

Natalia Ya. Makarova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
rsuh.makarova@gmail.com*

Abstract. The key aspects that the authors of cultural and educational programs focus on: thematic focus, selection of experts, program management, ways of visualizing content. The potential of such aspects is not fully realized.

© Макарова Н.Я., 2022

A number of programs of the TV channel “Russia-K”, in particular, the program “Observer”, it is advisable to expand the range of topics, invite new faces to the programs, add the number of video and audio materials – it would make the projects more relevant for the younger generation.

Keywords: television, cultural and educational program, TV channel “Russia-Culture”, program “Observer”, visualization, program management, media consumption

For citation: Makarova, N.Ya. (2022), “Current approaches to the creation of cultural and educational programs on the TV channel ‘Russia-Culture’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 62–72, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-62-72

На сегодняшний день развитие культурного уровня общества – одна из острых проблем для современного телевидения. Несмотря на доминирование информационной и развлекательной функции, безусловно главной задачей телевидения выступает удовлетворение культурных запросов аудитории, исследование социокультурного состояния, определение интересов и духовного сознания, формирование потребности в изучении новых аспектов социальной, культурной, образовательной сфер. Культурно-просветительские программы на телевидении создают эфирное пространство, которое является дополнительной формой непрерывного образования. Французский философ Абраам Моль совершенно справедливо отметил: «Знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации» [Моль 2008, с. 46].

С появлением современных прогрессивных каналов коммуникации телевидение получает благоприятные условия для создания культурно-просветительского контента. Однако на современном отечественном телевидении культурно-просветительская функция представлена в недостаточном объеме и нуждается в форматном обновлении.

Существует множество вопросов, которые касаются развития культурно-просветительской функции на отечественном телевидении. Например, насколько востребовано данное направление на телеканалах? Существует ли способ развить журналистику в сторону качественного освещения культуры и духовных ценностей? Это, безусловно, зависит от заинтересованности телеканалов и аудитории в сфере культуры и искусства, а также от самих журналистов. Просветительская журналистика ставит перед собой цель передавать людям культурные и духовные ценности, прививать им знания и увеличивать в целом культурный уровень. По мнению

журналиста Виталия Третьякова, «если общество полностью отказывается от высокой культуры и оставляет ее для какой-то элиты, а для себя – современную массовую культуру, то этому обществу наступает конец» [Третьяков 2016, с. 137].

Познавательные программы обращают людей к вечным ценностям, освещают вечные вопросы, развивают личность, разум и воспитывают вкус. Однако, по данным фонда «Общественное мнение» 2019 г., культурная жизнь в списке интересов медиапотребителей стоит только на девятом месте после политики, криминала, так как аудитория не готова к восприятию серьезных тем во время просмотра телевизионных программ¹. Участники исследования фонда «Общественное мнение» выдвинули несколько претензий к современному телевидению. Практически все респонденты недовольны качеством новостей. Они убеждены, что в них представлены ложные факты, что новости «однобоки, выхолощены и официозны». У них вызывает раздражение пустота телевизионного контента, его низкий культурный уровень и обилие некачественных телесериалов. Они обосновывают это тем, что телевидение направлено на зарабатывание денег на зрительском внимании. Телевидением не удовлетворены люди с высшим образованием в возрасте 45–55 лет, а также телезрители с высоким доходом, которые в состоянии обеспечить себе полноту культурного разнообразия. Также среди «недовольных» присутствует молодое поколение, которое имеет другие возможности получения информации и считает, что телевидение устарело, в нем нет динамики².

Освещение культурно-просветительской или научной тематик происходит в программах, которые четко разделяют аудиторию между подготовленными зрителями, «квалифицированными» и широкой аудиторией. Это может сказаться на восприятии контента, рейтинге, просмотрах. По данным фонда «Общественное мнение», образовательные программы смотрят 25%. Популярнее всего новости – 67%, художественные фильмы – 65% и развлекательные программы – 42%³. Создание новых каналов узконаправленной

¹Источники информации: предпочтения. Данные от 14 сентября 2019 г. Официальный сайт фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14256> (дата обращения 25.09.2022).

²Источник информации: телевидение. Данные от 6 февраля 2021 г. Официальный сайт фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14536> (дата обращения 25.09.2022).

³ТВ: режим просмотров и предпочтения. Данные от 18 мая 2020 г. Официальный сайт фонда «Общественное мнение». [URL:<https://fom.ru/SMI-i-internet/14394> (дата обращения 25.09.2022)].

тематики, интерактивность, проведение онлайн-трансляций с мероприятиями из разных стран, доступ к архивной информации – это важные направления, при реализации которых можно расширить аудиторию просветительских программ.

Телеканал «Россия-Культура» – флагман в реализации культурно-просветительской функции на современном российском телевидении. Уже свыше 25 лет главная задача данного телеканала – освещение мировых культурных ценностей. За этот период на телевидении не появилось канала, который полностью обеспечивал бы аудиторию культурно-просветительским контентом лучше, чем канал «Россия-Культура». Он не перестает освещать все главные сегменты культурной жизни общества: живопись, театр, музыка, литература, наука. На постоянной основе телеканал обеспечивает аудиторию качественными и разнообразными программами. Канал фокусируется не только на общеизвестных и популярных событиях, фактах и явлениях, но и уделяет внимание малоизвестным и уникальным объектам культуры. Телеканал «Россия-Культура» работает в условиях острой конкуренции, но его общественная значимость находится на высокой позиции. Общество не может на постоянной основе потреблять развлекательный контент в виде игр, ток-шоу или актуальных на данный момент на телевидении стендап-шоу. Благодаря телеканалу «Россия-Культура» зритель может приобщиться к новостям культурной жизни, как отечественным, так и зарубежным, к классической музыке. Деятельность телеканала «Россия-Культура» связывает общество и искусство, влияет на интеллектуальную и духовную составляющую личности, повышает заинтересованность зрителей. Во многом он следует традициям советского вещания, о чем свидетельствует обилие архивных записей, явный академизм, проявлявшийся и в ведении передач, и в оформлении студии, и в организации межпрограммного пространства [Мясникова 2017, с. 27].

По данным компании «Медиаскоп», в исследовании «Телеаудитория России: показатели и тренды» можно увидеть, что телеканал «Россия-Культура» входит в «Топ-50 каналов российского телевидения». Он занимает 19-е место по возрасту аудитории 4+ и 11-е место по аудитории 55+ среди всех телеканалов в России. По жанровым предпочтениям аудитории равные доли занимают кино, документальные и познавательные программы на канале⁴. По мнению

---

⁴Телеаудитория России: показатели и тренды. Официальный сайт компании «Медиаскоп». URL: https://mediascope.net/upload/iblock/659/World%20Content%20Market_Autumn%202017_Mediascope.pdf (дата обращения 30.09.2022).

Алексея Самохвалова, директора национального исследовательского центра телевидения и радио, телеканал «Россия-Культура» динамично развивается. Он отмечает, что исследования социологических центров, которые измеряют и анализируют рейтинг телеканалов, свидетельствуют о том, что у канала «Россия-Культура» показатели не самые высокие – 4–5% аудитории. При этом в недельных рейтингах несколько программ попадают в рейтинг «двадцать самых смотримых телепрограмм»⁵. Это является показателем того, что телеканал «Россия-Культура» имеет постоянную аудиторию.

Телеканал «Россия-Культура» является наиболее приближенным к образцу телевизионным продуктом, который можно назвать общественным телеканалом. Телекритики при оценивании программы должны ориентироваться на выполнение функций и целей, которые являются главными на канале. На современном телевидении каналу «Россия-Культура» сложно быть наравне с другими каналами, которые направлены на молодую аудиторию и создают преимущественно развлекательный контент. Поэтому данный телеканал заслуживает общественного внимания не из-за рейтинга, а именно из-за образовательного и культурного контента. Канал имеет хорошую базу для создания новых проектов и развития и, следовательно, потенциал для привлечения новых зрителей.

Рассмотрим главные аспекты, на которые целесообразно ориентироваться авторам культурно-просветительских программ, чтобы эти программы были востребованы широкой аудиторией.

1. Тематическая направленность.

Культурно-просветительские программы могут быть направлены на любой сегмент культурной жизни общества. При выборе тематической направленности важно соблюсти баланс между узко- и широко направленностью. С одной стороны, узконаправленные передачи («Цвет времени») дают возможность глубже изучить тот или иной предмет культуры, но с другой стороны, программы, охватывающие несколько тем («Абсолютный слух», «Черные дыры. Белые пятна»), привлекут большее внимание аудитории.

2. Выбор экспертов.

Экспертное мнение играет важную роль в обсуждении каждой просветительской или культурной темы во время программы. Наличие компетентного эксперта в программе повышает доверие к программе, облегчает восприятие (отсутствие монолога ведущего).

---

⁵ Корченкова Н. «Культура» завоевала треть «Дневного эфира». Официальный сайт газеты «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2754454> (дата обращения 30.09.2022).

3. Ведение программы.

Перед ведущим культурно-просветительских программ стоит задача не только направлять участников программы, вести диалог с героями, следовать структуре программы, но и обладать специфическими знаниями, которые составляют основу программы. Например, Игорь Волгин является не только ведущим программы «Игра в Бисер», но и литературоведом, историком, поэтом. Ключевыми компетенциями для ведения культурно-просветительских программ выступает эрудиция, разносторонние интересы, грамотная речь, умение найти подход к героям, способность задавать и поддерживать темп программы.

4. Способы визуализации контента.

Способы визуализации контента могут быть представлены видео- и аудиоматериалами, а также присутствием музыкальных инструментов в студии, презентациями, наличием объектов для более подробного рассмотрения их в студии. При визуализации культуры на телевидении особое значение всегда придается выразительным средствам. Одним из самых важных средств создания изображения является свет. В разной степени освещенный предмет может восприниматься глазом по-разному, соответственно, от этого зависит передача достоверности изображения. Также от света зависит художественный образ, который передает зрителю портрет человека или же достаточную освещенность помещения, студии. Цвет имеет тоже множество функций, которые влияют на восприятие информации. Кадр с помощью цвета может стать: монохромным, полихромным и тонированным. Музыка, как и шумы, – важное средство выразительности. Правильное использование музыкального и шумового сопровождения создает ощущение достоверности происходящего, эмоционально воздействует на слушателей. В целом от количества используемых способов визуализации зависит восприятие контента [Оганесова 2014, с. 36].

Программа «Наблюдатель» заслуживает особого внимания в верстке телеканала «Россия-Культура». В каждом выпуске ведущий вместе с приглашенными экспертами обсуждают события, которые произошли в культурной и научной сферах. «Смысл “Наблюдателя” в том, чтобы вырвать зрителя из суеты, настроить на спокойный лад, заставить его хотя бы в течение часа поразмышлять о главном, а не о пустяках», – говорит один из ведущих программы Андрей Максимов⁶.

---

⁶Программа «Наблюдатель». Официальная платформа холдинга ВГ-ТРК «Смотрим». URL: <https://smotrim.ru/brand/20918> (дата обращения 24.09.2022).

Для современного телевидения эту программу можно смело отнести к категории долгожителей, она выходит в эфир с 2011 г. и при этом – в утреннем слоте, имея высокие показатели просмотра. Проследим, каким образом авторы этой программы реализуют ключевые аспекты создания культурно-просветительского контента и постараемся выявить направления для дальнейшего развития.

5. Тематическая направленность.

Тематическая направленность каждого выпуска определяется предстоящим или прошедшим событием в культурной сфере, актуальной проблемой в мире науки и искусства. К событиям могут относиться премьеры фильмов, спектаклей, концертов. Спектр обсуждаемых тем достаточно широк: открытие музея братьев Третьяковых; 400-летний юбилей Мольера; первые геодезисты в Арктике; авторство в архитектуре; премьера спектакля «Я – Сергей Образцов» и др. Для молодой аудитории представляет интерес обсуждение южнокорейского сериала «Игра в кальмара», который задел определенный нерв общества, показав сильный внутренний страх, живущий в каждом человеке, или открытие выставки фестиваля «Театрократия. Екатерина II и опера» в Музее-заповеднике Царицыно, где публика может стать участником VR-спектакля, в котором исполнены фрагменты опер XVIII в. в новом прочтении.

Программа «Наблюдатель» выбирает проблемы не только из мира искусства и науки, но и поднимает в студии остросоциальные темы. Выпуск «Брак теряет смысл?» был посвящен браку и его месту в современном обществе. Эксперты рассмотрели причины вступления в брак: страх перед миром, патриархальные традиции, продолжение рода. Однако в современном обществе человек не нуждается в браке, так как сейчас есть возможность жить одному, зарабатывать деньги самостоятельно и не обременять себя обязательствами. Обращение к социальной проблематике нехарактерно для авторов программы, вместе с тем вдумчивый и компетентный, а не скандальный и агрессивный разговор (подобная манера стала доминантой для ряда федеральных каналов) на важные общественные темы привлекает зрителя, который «перекормлен» псевдосоциальными ток-шоу.

6. Выбор экспертов.

Выбор эксперта напрямую зависит от темы выпуска и от его причастности к событию. То есть если выпуск посвящен прошедшему или предстоящему мероприятию, то на программу пригласят конкретного участника события. Эксперты могут быть из разных сфер: от докторов наук до блогеров. Например, в выпуске о сериале «Игра в кальмара» экспертами стали: кореевед, декан переводческого факультета МГЛУ им. М. Тореза, переводчица фильма «Паразиты»

Екатерина Похолкова, кинокритик Владимир Захаров, доктор психологических наук, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ Александр Тхостов. Благодаря такому тщательному подбору экспертов выпуск получился насыщенным и интересным. «Мы приглашаем в эфир ярких, интересных людей, которым есть, что сказать. Фактически, мы предоставляем им площадку, даем возможность высказаться по поводу важных, волнующих их вещей», – комментирует ведущая программы Фекла Толстая⁷.

Если выпуск посвящен событию, которое значимо для общества в историческом масштабе, то эксперты подбираются с точки зрения всестороннего освещения. В эфире, посвященном юбилею Мольера, участвовали четыре эксперта: театровед, главный редактор журнала «Сцена», кандидат искусствоведения Дмитрий Родионов, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой искусствоведения Театрального института им. Б. Шуклина Елена Дунаева, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории зарубежного театра ГИТИСа Дмитрий Трубочкин и театральный режиссер, который неоднократно ставил пьесы Мольера в современной интерпретации, Олег Долин.

Для обсуждения социальной проблемы в выпуске «Брак теряет смысл?» были приглашены эксперты из метапредметных областей: писатель Александр Снегирев, психотерапевт Мария Железнова, ведущий научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик МГПУ Любовь Борусяк и литературовед, профессор ГИТИСа Андрей Ястребов. Междисциплинарное обсуждение формирует объемное представление об обсуждаемой теме, расширяет образовательный горизонт, придает беседе динамику и вовлекает аудиторию. Этой особенности стоит уделить внимание продюсерам программы.

7. Ведение программы.

Программу «Наблюдатель» ведут четыре основных ведущих – Андрей Максимов, Фекла Толстая, Юлия Панкратова, Евгений Григорьев – стиль, манера ведения программы, речь, характер у каждого свои, поэтому и выпуски получаются совершенно разные. Все ведущие – эксперты в культурной сфере и могут свободно рассуждать на разные темы. Андрей Максимов иногда жестко направляет героев программы, быстро меняет тему, сбивает героев с их мысли. У него есть четкие вопросы к каждому эксперту, и он задает их напрямую. Ведущий сталкивает мнения героев друг с другом. Однако благодаря этому выпуски идут динамичнее. Фекла Толстая проводит выпуски легко, сопровождая беседу юмором и смехом.

---

⁷Там же.

При этом она не отвлекается от основной линии разговора и задает много уточняющих вопросов. Фекла Толстая не разделяет выпуск на сегменты, как это делает Андрей Максимов. В программе «Наблюдатель» ведущие часто при подготовке к программе посещают выставки или мероприятия, которые будут фигурировать в теме выпуска. Например, музей братьев Третьяковых посетила Юлия Панкратова, и в программе от 01.03.2022 она поделилась своим впечатлением с экспертами и зрителями, что, безусловно, повышает степень персонифицированности ведения выпуска. На протяжении эфиров Юлия старается не перебивать участников беседы. Она обращает внимание на важные моменты, но при этом ведет беседу мягко и размеренно. Евгений Григорьев, режиссер, ведет программу с 2017 г., но появляется в ней не так часто, как остальные. В эфирах Григорьев задает много уточняющих вопросов. Если ему что-то непонятно в ходе беседы, он четко говорит об этом и просит разъяснить. Иногда он задает общий вопрос всем экспертам, иногда конкретно одному герою. При обсуждении достаточно разных тем ведущий часто прибегает к цитированию российских и зарубежных писателей, опираясь на ту или иную цитату, делает разговор экспертов более объемным и многогранным. Григорьев погружен в процесс полностью, внимательно слушает экспертов и вступает с ними в спор, когда их мнения не совпадают. Завершает Евгений Григорьев программу итоговыми вопросами для каждого эксперта.

8. Способы визуализации контента.

Способы визуализации контента нечасто присутствуют в программе «Наблюдатель». Если темой выпуска является кинематограф, то будут транслироваться кадры из фильмов, как, например, во время выпуска «Игра в кальмара. Что остается людям?» был вставлен трейлер сериала, чтобы зритель понимал, о чем идет речь. В эфире «Театры Екатерины» были представлены только рисунки, на которых была изображена императрица Екатерина II в театре и фото с выставки, ставшей главной темой программы. Однако, так как в этом выпуске обсуждали историческое и современное положение оперы в России, а в гостях присутствовал дирижер, стоило также вставить кадры с подготовки музыкального сопровождения выставки. Музыка придала бы больше «жизни» данной программе.

Когда в программе поднимается тема, которая относится к литературе, как в эфире от 27.01.2022 «Мольер», то к способам визуализации можно отнести фрагменты из кинофильмов или театральных постановок. Например, экспертом данного выпуска был режиссер Олег Долин, поэтому зрителям представили отрывки из постановки Долина «Лекарь поневоле», а когда эксперты обсуждали пьесу «Тартюф», то был продемонстрирован отрывок из

одноименной постановки режиссера Ю.П. Любимова 1968 г. Также в программе показали фильм – классику мирового кинематографа «Дети райка» режиссера М. Карне 1945 г.

Выпуск про открытие музея братьев Третьяковых – один из самых минималистичных по использованию визуализации. Для такой темы можно было взять видеофрагменты открытия музея или реставрационных работ. Так как в выпуске обсуждали не только музей, но и деятельность братьев Третьяковых, зрителю было бы интересно посмотреть на их портреты или фотографии произведений искусства, которые они собирали.

Целесообразно усовершенствовать техническое качество видеоматериалов и цветопередачу, добавить яркие решения в дизайн студии и визуальное оформление программы, сделать сюжеты ярче, живее, динамичнее, изменить общий темпоритм программы, добавить в поведение ведущих в студии легкости, естественности, движения. Возможно, из-за недостаточно хорошего технического оснащения съемка ведущего производится практически с одной камеры, планы меняются только в процессе наезда-отъезда камеры, что обедняет общую зрелищность программы.

Таким образом, способы визуализации не в полном объеме представлены в программе «Наблюдатель». Несмотря на то, что в выпусках присутствуют фотографии, музыкальное сопровождение, книги, кадры из кинофильмов и театральных постановок, зрителю не хватает разнообразия визуального ряда. Стоит отметить, что формат программы не предполагает обилия фото- и видеоматериалов, однако внимание аудитории не может быть постоянно сфокусировано на лицах экспертов и их разговоре. Если бы программа внесла разнообразие в способы визуализации, несомненно, она стала бы красочнее и интереснее во время просмотра.

Благодаря интересному выбору тем выпусков, участию знаменитых и образованных экспертов, профессиональной работе ведущих и специально подобранным способам визуализации, программа познавательна и вызывает заинтересованность у каждого зрителя.

Вместе с тем программе не хватает динамики и есть потенциал для применения современных способов визуализации. В программе «Наблюдатель», определенно, нужно увеличить визуальный ряд и разнообразить выпуски включением элементов инфотейнмента.

Для многих зрителей было бы отраднo, если бы культурно-просветительские программы расширили свое присутствие на современном телевидении. Именно для этого просветительским программам нужно в полной мере использовать различные актуальные подходы к созданию контента, что привлечет большой сегмент новой аудитории к просвещению.

Литература

- Моль 2008 – *Моль А.* Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б.В. Бирюкова. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 1416 с.
- Мясникова 2017 – *Мясникова М.А.* Телевидение как феномен культуры: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 140 с.
- Оганесова 2014 – *Оганесова Ю.А.* Выразительные средства телевизионных программ культурно-просветительской тематики: Дис. ... канд. филол. наук (Журналистика). Воронеж, 2014. 170 с.
- Третьяков 2016 – *Третьяков В.Т.* Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики. М.: Ладомир, 2016. 289 с.

References

- Mol', A. (2008), *Sociodinamika kul'turu* [Sociodynamics of culture], Moscow, Russia.
- Myasnikova, M. (2017), *Televidenie kak fenomen kul'tury* [Television as the culture phenomenon], Ekaterinburg, Russia.
- Oganesova, Yu. (2014), "Expressive means of cultural and educational television programs", Ph.D. Thesis (Journalism), Voronezh, Russia.
- Tret'yakov, V. (2016), *Kak stat' znamenitym zhurnalistom: Kurs lektzii po teorii i praktike sovremennoi russkoi zhurnalistiki* [How to become a famous journalist. A course of lectures on the theory and practice of modern Russian journalism], Ladomir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья Я. Макарова, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rsuh.makarova@gmail.com

Information about the author

Nataliya Ya. Makarova, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; rsuh.makarova@gmail.com

УДК 654.197

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-73-81

Корпоративное телевидение как инструмент корпоративной бренд-журналистики

Вероника И. Ярных

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vyarnykh@gmail.com*

Аннотация. В статье изучаются вопросы корпоративной (бренд) журналистики как современного интегрированного подхода к формированию корпоративного контента. Как один из инструментов бренд-журналистики в статье описывается современное корпоративное телевидение. Приводятся примеры использования корпоративного телевидения для формирования разностороннего медийного образа организации.

Ключевые слова: корпоративная журналистика, бренд-журналистика, корпоративное телевидение, интегрированные коммуникации, корпоративные коммуникации, жанры журналистики, типы контента, мультимедийный контент

Для цитирования: Ярных В.И. Корпоративное телевидение как инструмент корпоративной бренд-журналистики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 73–81. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-73-81

Corporate TV as a tool of corporate brand journalism

Veronika I. Yarnykh

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vyarnykh@gmail.com*

Abstract. The article studies the issues of corporate (brand) journalism as a modern integrated approach to the formation of corporate content. As one of the brand-journalism tools, the article describes modern corporate television. Its use cases for the formation of a versatile media image of the organization are given.

Keywords: corporate journalism, brand journalism, corporate television, multimedia content, integrate communication, corporate communication, kinds of content, genres of journalism, multimedia content

---

© Ярных В.И., 2022

For citation: Yarnykh, V.I. (2022), "Corporate TV as a tool of corporate brand journalism", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 73–81, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-73-81

Современные бренды ищут новые инструменты и технологии для расширения и развития корпоративной аудитории. Современная медиасреда в своем и технологическом развитии, и развитии контента сегодня дает организациям массу новых возможностей в выстраивании взаимоотношений с аудиторией. Одним из достаточно новых, но уже хорошо развитых подходов за последние годы стала корпоративная, или бренд-журналистика.

Бренд-журналистика как подход в развитии корпоративного контента появился достаточно давно. Как отмечает Энди Булл, бренд-журналистика – это гибридная форма традиционной журналистики, маркетинга, коммуникаций и PR. Каждая организация или человек сегодня – самостоятельное медиа. Бренд-журналистика позволяет каждому использовать технологии и инструменты журналистики, рассказывая свою историю напрямую обществу или целевой аудитории [Ярных 2020, с. 65]. При таком подходе становится понятно, что любые организации сегодня выстраивают принципиально новые коммуникации как внутри компании, так и снаружи. В один поток компания собирает маркетинговые коммуникации, PR-взаимодействие, коммуникации в целом. Например, Арресе и Ф. Перес-Латре в качестве одного из определений рассматривают бренд-журналистику как «бренд, использующий инструменты цифровой публикации и социальных сетей, чтобы напрямую общаться с потребителями» [Siegert, Bjørn, Grubenmann 2017, p. 123]. И в этом случае можно говорить о принципиально новом понимании корпоративных коммуникаций в целом.

Корпоративные коммуникации сегодня – это весь комплекс каналов взаимодействия компании со своими заинтересованными сторонами. Ларри Лайт, бывший директор по маркетингу компании McDonalds, еще в 2004 г., говоря о бренд-журналистике, отмечал, что необходимо переосмыслить концепцию позиционирования бренда через установление новой концепции бренд-журналистики. Мегабренды сейчас представляют собой многомерный многосегментный многогранный формат. Ни один канал коммуникации не может рассказать целую историю мегабренда [Ярных 2020, с. 66]. Такая многоканальность взаимодействия позволяет формировать единый медийный образ организации в глазах всех заинтересованных сторон. Важно отметить, что сегодня мы готовы говорить

именно о взаимодействии с заинтересованными сторонами, не с целевыми аудиториями.

Определение заинтересованных сторон достаточно широко. Одним из наиболее широко используемых является определение Р.Е. Фримана, данное в 1984 г.: «Стейкхолдер – это группа (индивидуум), которая может оказать влияние на достижение организации своих целей или на работу организации в целом» [Горяева 2019, с. 12]. Это означает, что совершенно одинаковое влияние на работу организации и на достижение ее целей имеют и сотрудники, и кандидаты на работу в компании, и поставщики, и клиенты, и пользователи, и государственные органы, и профессиональные и отраслевые ассоциации, и акционеры, и топ-менеджеры, СМИ, общественные организации и т. д. Такой подход в целом означает, что при взаимодействии со всеми стейкхолдерами необходимо развивать интегрированные каналы коммуникаций, потому что один канал может затрагивать многие заинтересованные стороны. Это с одной стороны. С другой стороны, при развитии современного медиапространства, наличия множества платформ для коммуникации и размещения контента компания становится крайне уязвимой репутационно в случае каких-то негативных инцидентов, да даже просто недопонимания со стороны клиента или представителя компании. Любой негативный инцидент моментально оказывается в медиапространстве и распространяется крайне быстро.

Исследования GWI (компания по изучению аудитории) показывают, что «типичный» глобальный интернет-пользователь сегодня проводит почти 7 часов в день, используя Интернет на всех устройствах¹. Также в России по работе в соцсети заходят 12,6% пользователей трудоспособного возраста². А это значит, что виртуальная реальность становится такой же повседневной реальностью. И гораздо проще нажать кнопку и переслать понравившийся пост с критикой компании или с негативной информацией. Нет необходимости совершать какие-то сложные действия. Именно такой подход и подпитывает информационную волну негатива.

Компании вынуждены уходить вслед за своими целевыми аудиториями и заинтересованными сторонами в медиасреду. А значит, организациям необходимо использовать больше каналов коммуникаций, чтобы организовать, с одной стороны, взаимодей-

---

¹ *Чурапов Е.* Статистика Интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения 03.09.2022).

² Там же.

ствие и продвижение корпоративного контента, а с другой стороны, сформировать ощущение позитивности и успеха работы компании. По сути, именно эти ключевые задачи и стоят перед корпоративной или бренд-журналистикой сегодня.

Безусловно, формируя корпоративный контент в парадигме бренд-журналистики, компания ставит задачу максимально широкого его распространения. Именно через интеграцию маркетинговых коммуникаций, PR, инструментов журналистики и происходит формирование позитивного образа компании сегодня. В любом случае необходимо подчеркнуть, что бренд-журналистика или корпоративная журналистика действительно дает множество дополнительных возможностей для развития бренда продукта, услуги, компании в целом.

Представляется также важным подчеркнуть то, что развитие бренда компании – это, безусловно, интегрированный подход и формирование единого корпоративного коммуникационного и информационного пространства. Корпоративная журналистика дает дополнительные возможности для развития и поддержания и бренда работодателя, и бренда компании в интеграционном подходе. Во многом, как представляется, бренд-журналистика дает возможность развивать и продвигать корпоративные смыслы. Это существенно более высокий уровень взаимодействия с аудиторией, чем просто реклама компании, ее продвижение и т. д. Это во многом одно из направлений формирования приверженности компании, восприятие компании не просто как привлекательного бренда, но как бренда «своего», ощущение включения «своего бренда» в свой жизненный круг [Seiffert-Brockmann et al. 2021, p. 132].

Корпоративная журналистика имеет множество инструментов и технологий формирования такого позитивного медиаимиджа. Наиболее интересным сегодня представляется корпоративное телевидение. Корпоративное телевидение достаточно давно использовалось глобальными компаниями для трансляции корпоративных ценностей, коммуникации с сотрудниками, информирования о больших корпоративных мероприятиях и т. д. Такой инструмент достаточно давно использовался во внутрикорпоративных коммуникациях множества компаний, когда подготовленный корпоративный контент транслировался в офисах, столовых, на этажах бизнес-центров на больших панелях. Например, компания РУСАЛ много лет проводила ALлимпийские игры Русала, затем транслировала внутри 13 офисов и представительств по всему миру материалы о них.

Однако сегодня классификация возможностей корпоративного телевидения значительно расширилась. Прежде всего сегодня

можно выделить внутреннее и внешнее корпоративное телевидение. Внутреннее ТВ – это трансляция корпоративного контента внутри офисов на панелях. Внешнее ТВ – это специальные сайты, платформы или корпоративные YouTube-каналы, которые позволяют работать на внешнюю аудиторию, решая множество задач по привлечению кандидатов на работу в организацию, формированию позитивного медийного имиджа в глазах общества, реализации просветительских задач и т. д.

Корпоративное ТВ реализует практически все функции, которые присущи СМИ в целом. Среди них информационная, просветительская, коммуникационная, рекреационная и т. д. [Черняк 2013, с. 17].

Например, достаточно широко просветительскую функцию реализует Транснефть-ТВ, размещая на своем YouTube-канале материалы о том, как возникла нефть, каковы технологии ее добычи и транспортировки и т. д. При этом компания фокусирует внимание на своем бренде, говоря в целом о биологическом, технологическом, экологическом процессе и называя весь медийный проект «Страна Транснефть». И это отдельный плейлист с шестью самостоятельными видео, связанными сторителлингом³.

Важно отметить тот факт, что современное корпоративное телевидение присутствует не только в бизнес-среде. Свое внешнее корпоративное телевидение на YouTube-канале с возможностями прямой трансляции имеет Совет Федерации РФ, Государственная Дума РФ, ТПП Нижегородской области и т. д. Однако при этом существенно расширяется и присутствие в медиасреде бизнеса. Свои YouTube-каналы с корпоративным контентом имеют, например, Сбер, АвтоВАЗ, Endress+Hauser, Sibur Holding, Роскосмос ТВ и т. д. Корпоративное телевидение ОАО «РЖД» входит в пакет кабельного телевидения «Триколор ТВ».

Суммируя все вышесказанное, необходимо отметить следующее. Корпоративное телевидение сегодня является достаточно специфическим СМИ. Реализуя широкий круг функций СМИ как такового, корпоративное телевидение при этом работает на решение стратегических задач компании в целом. Например, большую роль играет корпоративное телевидение в формировании HR-бренда, или бренда работодателя. Поколение Z «любит глазами», воспринимает визуальную информацию, тренд современных коммуникаций лежит именно в визуализации [Милосердова 2019, с. 32]. Именно поэтому корпоративное телевидение получило сегодня

---

³Страна «Транснефть». Вопросы о стране. URL: <https://youtu.be/mw3DBKLZZmw> (дата обращения 03.09.2022).

новые возможности, являясь инструментом для решения задач в области привлечения и удержания персонала, информирования персонала организации о стратегии и тактике.

Также важно отметить, что корпоративный контент формируется с целью создать образ успешной, активной, деятельной, заботящейся о сотрудниках компании. Фокус корпоративного контента фиксируется в нескольких областях. Во-первых, это актуальная информация о компании. Чаще всего речь идет о завершенных или новых проектах, новых возможностях для сотрудников, внутренних конкурсах и т. д. Во-вторых, это стратегические планы: куда движется компания, какие области планирует развивать. И наконец, это истории успеха. Как правило, это – информация для внутреннего потребления, и показывается она на внутренних экранах. Однако истории успеха достаточно часто присутствуют и во внешнем формате. Так, например, Автозаводец ТВ (корпоративный YouTube-канал группы «ГАЗ») представил материал «9 мгновений ГАЗа», где обыграл проект по продаже техники группы ГАЗ в 51 страну в стиле фильма «Семнадцать мгновений весны»⁴.

Отдельно хотелось бы отметить интеграцию различных типов контента, которую сейчас использует корпоративное телевидение. Безусловно, это мультимедийный контент, который используется и во внешнем, и во внутреннем контуре. При этом во внешнем контуре достаточно широко привлекается и новостной, и информационный, и аналитический, и просветительский контент. Пример использования просветительского контента был приведен выше. Здесь же хотелось бы отметить следующее. Поколение Z, которое выходит сейчас на рынок труда, достаточно негативно относится к любой рекламе. Именно поэтому использование просветительского контента на корпоративном ТВ, особенно на внешнем треке, позволяет и позитивный медийный образ компании-работодателя продвигать, и опосредованно формировать лояльность и ощущение успешности компании. Именно такая интеграция и представляется ярким примером корпоративной (бренд) журналистики.

Среди журналистских жанров на корпоративном телевидении также наблюдается разнообразие. Используются жанр интервью, репортаж, новостная видеозаметка и т. д. Хотелось бы обратить особое внимание на жанр интервью. Традиционно в корпоративном телевидении использовалось интервью с руководителем компании. Это логично для придания веса и статуса подаваемой информации (например, про стратегию развития компании), для продвижения

---

⁴ «9 мгновений ГАЗа». Автозаводец ТВ. URL: <https://youtu.be/Nv3Hj7WPU1Y> (дата обращения 03.09.2022).

самого руководителя, для решения информационных задач и т. д. Сегодня на многих корпоративных телевизионных каналах стали появляться интервью с сотрудниками компании. Поводы могут использоваться совершенно разные. Это может быть и выход нового продукта, и освещение его опыта использования. Также возможно интервью по поводу назначения или завершения успешного проекта, или просто разговор с успешным сотрудником, который достаточно давно работает в компании. Для представителей поколения Z такой контент является наиболее привлекательным. Собственно, здесь реализуется тренд на «рекомендации», который является уже несколько лет приоритетным в коммуникациях. Как отмечалось, в социальных сетях мы чаще доверяем рекомендациям своих друзей, подписчиков и т. д., чем медиаинфлюенсерам⁵. Например, в проекте «Транснефть-ТВ» «Наши регионы» в видеосюжетах есть включения интервью с работниками ПАО «Транснефть» в регионах⁶. На платформе «СБЕРТВ» есть отдельная вкладка «Герои», где собраны интервью с сотрудниками Сбербанка из разных регионов, департаментов и подразделений⁷.

Однако не все компании ограничиваются только каналами на видеохостинге. Сбербанк, например, подготовил и запустил собственную платформу «СБЕРТВ», где использует самые разные типы корпоративного контента, разные журналистские жанры. Например, есть целая вкладка «Лекции», где представлен образовательный контент в виде лекций по самой разной тематике, совершенно не ограничиваясь финансовой сферой⁸. На платформе СБЕРТВ есть прямые трансляции, например с ВЭФ-2022. Важно заметить, что СБЕРТВ – это открытая внешняя платформа, которая является сейчас опорной точкой для Сбера с точки зрения формирования позитивного медийного образа поставщика услуг, позитивного образа успешного работодателя, причем делается это в интегрированном подходе. СБЕРТВ формирует единое информационно-коммуникационное пространство компании, где с по-

---

⁵ *Чуранов Е.* Статистика Интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения 03.10.2022).

⁶ Наши регионы. Рязань. Транснефть-ТВ. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/cwcejDlc4Pk> (дата обращения 04.10.2022).

⁷ Герои. СБЕРТВ. URL: <https://sbervt.ru/categories/heroes> (дата обращения 04.09.2022).

⁸ Лекции. СБЕРТВ. URL: <https://sbervt.ru/categories/broadcast> (дата обращения 04.09.2022).

мощью корпоративного телевидения как одного из инструментов бренд-журналистики формируется разнообразный интегрированный медийный образ компании.

В заключение хотелось бы отметить, что корпоративная журналистика сегодня как подход имеет безусловно интегрированный характер. Это сочетание и маркетинга, и коммуникаций, и PR, и журналистики. Используя журналистские инструменты в самом широком смысле, в том числе и корпоративное телевидение, организации комплексно формируют свой позитивный медийный имидж. В таком контексте у компаний есть возможность не только формировать единое информационное пространство для внешней и внутренней аудитории, но и учитывать интересы многочисленных заинтересованных сторон (стейкхолдеров), чтобы максимально позитивно быть представленными в современном медиапространстве.

Литература

- Горяева 2019 – *Горяева И.А.* Стейкхолдер-менеджмент как фактор развития высшего учебного заведения // Вестник ГУУ. 2019. № 3. С. 11–17.
- Милосердова 2019 – *Милосердова С.В.* Особенности восприятия информации поколением Z // Colloquium-Journal. 2019. № 22-4 (46). С. 32–34. EDN YZCCJI.
- Черняк 2013 – *Черняк А.В.* Изменились ли функции СМИ в эпоху глобализации?: В 2 ч. Ч. 1. М.: Академия медиаиндустрии, 2013. 55 с.
- Ярных 2020 – *Ярных В.И.* Бренд-журналистика в современном медиапространстве: возможности и ограничения // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 6. С. 65–71.
- Seiffert-Brockmann et al 2021 – *Seiffert-Brockmann J., Einwiller S., Ninova-Solovykh N., Daniel Wolfgruber D.* Agile content management. Strategic communication in corporate newsrooms // International Journal of Strategic Communication. 2021. Vol. 15. No. 2. P. 126–143. DOI: 10.1080/1553118X.2021.1910270
- Siegert, Björn, Grubenmann 2017 – *Siegert G., Björn von Rimscha M. and Grubenmann S.* Commercial communication in the Digital Age. Information or disinformation? Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH. 2017. Vol. 7. 230 p.

References

- Chernyak, A.V. (2013), *Izmenilis li funktsii SMI v epokhi globalizatsii?* [Have the functions of the media changed in the era of globalization?], in 2 parts, part 1, Media industry Academy, Moscow, Russia.
- Goryaeva, I.A. (2019), “Stakeholders – management as a factor of higher education institute development”, *Vestnik Universiteta*, no. 3, pp. 11–17.

- Miloserdova, S.V. (2019), "Features of the information perception by generation Z", *Colloquium-Journal*, vol. 46, no. 22-4, pp. 32–34, EDN YZCCJI.
- Seiffert-Brockmann, J., Einwiller, S., Ninova-Solovykh, N. and Wolfgruber, D. (2021), "Agile content management. Strategic communication in corporate newsrooms", *International Journal of Strategic Communication*, vol. 15, no. 2, pp. 126–143, DOI: 10.1080/1553118X.2021.1910270
- Siegert, G., Björn von Rimscha, M. and Grubenmann, S. (2017), *Commercial communication in the Digital Age. Information or disinformation?* Walter de Gruyter GmbH, Berlin, Germany, Boston, USA, vol. 7.
- Yarnykh, V.I. (2020), "Brand journalism in modern media space. Opportunities and limitations", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 65–71.

Информация об авторе

Вероника И. Ярных, кандидат экономических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vyarnykh@gmail.com

Information about the author

Veronika I. Yarnykh, Cand. of Sci. (Economics), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; vyarnykh@gmail.com

УДК 070.4

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-82-96

Локальные медиа в структуре медиасистем: на границе межличностной и массовой коммуникации

Кирилл А. Зорин

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Московский финансово-юридический университет «МФЮА»,
Москва, Россия, Kirill_zorin@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена локальным медиа, которые оказались тесно связаны с рядом форм партисипаторной журналистики (журналистики соучастия). Поднят вопрос о специфическом статусе таких средств коммуникации в медиасистемах. Анализ характера массовой коммуникации позволяет утверждать, что локальные медиа функционируют на границе двух видов коммуникации – межличностной и массовой, что и определяет их интеграцию в жизнь социальных групп и легкость вхождения непрофессионалов в процесс массово-информационного обмена. Высказана идея о том, что локальные медиа обладают свойствами фракталов, что позволяет им адаптироваться к изменениям в социальной среде.

Ключевые слова: локальные медиа, медиасистема, массовая коммуникация, межличностная коммуникация, синергетика

Для цитирования: Зорин К.А. Локальные медиа в структуре медиасистем: на границе межличностной и массовой коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 82–96. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-82-96

© Зорин К.А., 2022

Local media in the structure of media systems.
At the border
between interpersonal and mass communication

Kirill A. Zorin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russia,

Kirill_zorin@mail.ru

Abstract. The article focuses on local media, which turned out to be closely linked to a number of forms of participatory journalism. The question of the specific status of such means of communication in media systems is raised. Analysis of the nature of mass communication suggests that local media operate on the boundary of two types of communication – the interpersonal and mass, that determines their integration into the life of social groups and the ease with which laymen can enter the process of mass information exchange. It is suggested that local media have the properties of fractals, which allows them to adapt to changes in the social environment.

Keywords: local media, media system, mass communication, interpersonal communication, synergetics

For citation: Zorin, K.A. (2022), “Local media in the structure of media systems. At the border between interpersonal and mass communication”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 82–96, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-82-96

Локальные медиа стали заметным явлением в жизни современных городов. Во-первых, информация о местных событиях и проблемах остается одним из востребованных видов контента. Поэтому различные медиаорганизации (в том числе журналистские редакции) стремятся создавать разнообразные, в том числе экспериментальные, каналы, организующие информационный обмен в рамках четко определенной географической территории (город, район) или внутри социальных групп со схожими интересами. Во-вторых, локальные, прежде всего городские, коммуникативные пространства стали объектом исследования ученых, которые рассматривают и их неоднозначную структуру (гибрид коммуникаций, архитектуры и урбанистики), и отдельные элементы (новые медиа, традиционные медиа), и социальные практики участников коммуникации (например, разные формы гражданской или народной журналистики, медиаактивизма).

Парадоксальным образом, сами локальные медиа остаются слабо изученным объектом: нет даже четкого определения того, что это такое. Словосочетание «локальные медиа», по сути, используется как синоним по отношению к другим подобным: «местные медиа», «местные СМИ», «городская пресса», «районная пресса» и так далее. Остаются без должного внимания и существенные характеристики таких медиа. На них до сих пор автоматически переносятся функциональные параметры и типологические черты всех остальных видов массовых медиа.

Безусловно, на это влияют сложившиеся традиции изучения массовой коммуникации в нашей стране. Ведь многие западные исследователи вслед за М. Маклюэном достаточно широко трактуют понятие «медиа» (коммуникационные средства), к которым относят не только телевидение, радио, печать, но и плакаты, книги, кинематограф. Хотя сам теоретик полагал, что сами медиа изучаются гораздо хуже, чем их содержание [Маклюэн 2003, с. 10–11]. Отечественные же исследователи журналистики часто сосредоточены не на всех медиа, которые есть, а лишь на тех коммуникационных средствах, которые признаются средствами массовой информации, и это определяется не научными концепциями и парадигмами, а юридическим документом – «Законом о СМИ». Поэтому при рассмотрении новых видов и форм коммуникации (например, мессенджеров, пабликов в социальных сетях) за основу берутся наработки, созданные в рамках СМИ-ориентированной парадигмы. Она рассматривает массовые медиа и журналистику как целостный социальный институт, выполняющий определенные задачи. Аудитория и профессиональные группы создателей сообщений также понимаются как достаточно однородные: как имеющие схожие черты. Например, аудитория воспринимается как большая, анонимная и распыленная. Но насколько правомерно переносить эти качества, например, на аудиторию многотиражки или паблика в социальной сети, которые читает пара тысяч человек? Анонимность частично утрачивается, равно как и распыленность: аудитория часто – это конкретная социальная группа, которая даже действует в соответствии с четкими социологическими законами.

Еще одно препятствие связано с дефицитом междисциплинарности. В отечественной науке достаточно жестко обозначены демаркационные линии. Предметное поле журналистики – это исключительно массово-информационный обмен, взаимодействие с обществом всего института журналистики. Иные виды социальной коммуникации – это зона социологии, менеджмента, рекламы, отчасти теории массовой коммуникации. Но именно на уровне локальных медиа, локальных коммуникаций видны недостатки

такого подхода: аудитория не просто воспринимает сообщения, но активно и творчески их перерабатывает, распространяет по разнообразным каналам межличностной коммуникации (как устной, так и опосредованной). То есть только междисциплинарный подход позволяет лучше понимать коммуникацию на этом уровне и делать прогнозы о ее дальнейшем развитии.

В рамках данной публикации предлагается именно рассматривать локальные медиа не только с точки зрения теории журналистики, но и теории массовой коммуникации. Акцент на свойствах коммуникативных процессов позволяет сделать предположение, что главная специфическая черта локальных медиа связана с тем, что они всегда существовали и продолжают существовать на границе межличностной и массовой коммуникации, что позволяет им интегрировать черты и той и другой. Кроме этого, высказывается гипотеза, что подобное фрактальное состояние локальных медиа (если воспользоваться терминологией синергетики) позволяет им достаточно быстро реагировать на изменения в социальной среде и при определенных условиях являться драйвером социальных изменений.

История исследования локальных медиа

Интерес к изучению локальных медиа появился на Западе в 1970-х гг. Для этого, впрочем, использовался несколько иной термин – “community media” (дословно: общинные медиа; медиа локальных сообществ). Важно понимать, что этот термин связан с четким политэкономическим контекстом: с его помощью обозначали некую «демократическую альтернативу» массовым медиа, которые к тому времени часто стали восприниматься на Западе как средства манипуляции массовым сознанием.

По мнению антрополога и приверженца идей журналистики соучастия Н. Хейнца, разные комьюнити-медиа (видео, плакаты, граффити, самиздат) способны вовлекать в процесс коммуникации обычных людей, повышая их образовательный уровень и помогая им участвовать в политическом процессе. Еще в 1960–1970-х гг. на Западе возникновение комьюнити-медиа, по свидетельству Хейнца, стимулировало борьбу граждан за интересы локальных общин. Ведь ключевые черты коммуникации с помощью таких медиа – это доступность и соучастие. Исследователь отмечал, что создатели сообщений для таких медиа даже мыслят иначе, чем профессионалы [Heinz 1980, p. 7].

Комьюнити-медиа стали ответом на потребность локальных сообществ в создании медиасистем, имеющих прямое отношение к их повседневной жизни, отмечает другой исследователь этого явления – К. Холи. В основе таких медиа лежало стремление социальных групп сохранять коллективную идентичность и автономность местных общин в условиях беспрецедентной концентрации и монополизации массмедиа на национальном и транснациональном уровнях [Howley 2005, p. 5]. Роль комьюнити-медиа стала заметна в XXI в.: они объединились в ассоциации, стали обмениваться информацией друг с другом, и их голос стало сложно игнорировать. В 2000 г. отказ МФ аккредитовать журналистов подобного медиа вызвал международный резонанс и скандал в медиасообществе США, положив конец дискуссии о роли локальных медиа. В этом же году локальные медиа, работавшие на встрече Всемирной торговой организации в Сиэтле, сыграли важную роль в организации протестных демонстраций, которые застопорили переговоры. Медиа локальных сообществ давали подробный анализ вреда от рассматриваемых соглашений, касающихся торговли, охраны труда, экономического равенства и других моментов, связанных с экономической глобализацией. Это также позволило выявить важные особенности таких медиа. Во-первых, они существуют в очень спорной среде социальных, экономических и политических отношений и порою находятся в оппозиции доминирующим медийным и некоторым иным социальным институтам. Во-вторых, комьюнити-медиа приобрели огромное значение для глобальной политики и экономики в условиях огромного влияния транснациональных медиакорпораций [Howley 2005, pp. 5–15].

Необходимо отметить важную позицию Ф. Джонсона и К. Меничелли, обозначенную в отчете Бентон Фонда: понимание того, что есть *community media*, выходит за рамки традиционных представлений о СМИ. Есть несколько важных черт таких медиа.

1. Связь с конкретным географическим местом (локальность): комьюнити-медиа создаются силами его жителей, посвящены местным проблемам, помогают людям формировать представление о месте обитания и устанавливать жителям отношения друг с другом. Поэтому работу таких комьюнити-медиа нельзя перепоручить кому-то другому или отдать на аутсорсинг.

2. Коллективное взаимодействие редакции с жителями. Локальные медиа стремятся вовлекать разных представителей социума, разных социальных, экономических, этнических, политических, возрастных групп в создание сообщений массовой коммуникации.

3. Дискуссия и обмен опытом (сторителлинг) как центральные элементы комьюнити-медиа: они дают возможность членам сооб-

щества делиться историями своей жизни, своим личным опытом, и это помогает преодолевать отчуждение и изоляцию. Повествование часто ведется субъективно, «от сердца», но его цель – представить именно субъективный взгляд на общие проблемы. Кроме того, локальные медиа часто становятся инициаторами общественной дискуссии, общественного диалога, который исчезает в коммерческих СМИ.

4. Расширение возможностей местных сообществ. Одна из целей общественных локальных медиа – дать альтернативу тем представлениям, которые распространяют традиционные массовые СМИ. Поэтому к процессу создания и привлекают непрофессионалов, помогая повысить свою медиаграмотность, освоить современные медиатехнологии. И этот процесс не менее важен, чем созданные в его результате медиапродукты [Johnson, Menichelli 2006, pp. 1–11].

Советские и российские исследователи столь подробно черты локальных медиа не изучали. Объяснение причины этого есть в работе О.А. Пичугиной: городская журналистика не рассматривалась самостоятельно, ее изучение проводилось лишь в рамках региональной журналистики.

В контексте общих параметров дифференциации СМИ изучали региональную журналистику А.И. Акопов и В.Л. Цвик, как подсистему национальных СМИ – Р.П. Овсепян. Сходство выделялось и при изучении функций (Е.П. Прохоров, В.Л. Цвик, И.Д. Фомичева, С.Г. Корконосенко и другие) [Пичугина 2014, с. 36].

Однако отечественные исследователи обратили внимание на разнообразные журналистские явления, тесно связанные с локальными медиа.

Во-первых, в качестве объекта прежде всего рассматривалась журналистика соучастия или партисипаторная журналистика (о чем писали Д.П. Гавра [Гавра 2016], И.М. Дзялошинский [Дзялошинский 2006], Г.П. Бакулев [Бакулев 2010], И.А. Трофимова [Трофимова 2020], Т.И. Фролова и А.С. Гатилин [Фролова, Гатилин 2021] и другие). Указанное направление отражает западные идеи о независимой авторской журналистике граждан (вариант: «народной журналистики») – *civic journalism* и *citizen journalism*. В первом случае речь шла об идее обязательства журналистов перед обществом и необходимостью решать его проблемы. Для этого *civic journalism* поощряет взаимодействие журналистов и граждан в нескольких формах. Первая – это обсуждение, чтобы «выплеснуть» общественное мнение, дать высказать идеи. Вторая – это вовлечение добровольцев в журналистские проекты.

Третья – это организация граждан для изучения какого-то проекта или вопроса [Дзялошинский 2006, с. 29–39]. В случае с *citizen journalism* речь идет о том, что все содержание медиа или отдельные медиатексты пишут непрофессионалы, отражая чаще всего свой собственный опыт решения разных проблем. Это то, что в отечественной терминологии привычно называют «гражданской журналистикой» и что в современных реалиях связано с деятельностью самых разных людей в блогосфере. Общей особенностью таких авторов являются отсутствие журналистского образования и отсутствие получения платы за распространение информации [Пустовалов, Березина 2012].

Во-вторых, объектом исследований становились коммуникативные пространства городов и мегаполисов в целом, их отдельные компоненты (прежде всего интернет-медиа) и участники. Например, о дискурсивном или коммуникативном пространстве города писали А.В. Костромицкая [Костромицкая 2021], О.А. Леонтович [Leontovich 2019], Е.Д. Макарова [Макарова 2018] и другие. Интернет-медиа в структуре мегаполиса исследовали О.А. Пичугина [Пичугина 2014], Н.П. Пименов [Пименов 2014] и другие.

В-третьих, изучению подвергалась интеграция журналистики и урбанистики в рамках отдельных городских медиапространств. Например, это изучали В.В. Абашев и И.М. Печищев [Абашев, Печищев 2018], Е.Г. Власова [Власова 2018] и другие.

Это далеко не полный список направлений исследования. Но даже он свидетельствует о значительном интересе исследователей к локальным коммуникациям. При этом на сами медиа, как уже было сказано, автоматически переносились свойства и качества других медиа, функционирующих в медиасистемах. Возможно, свою роль сыграл и тот факт, что взаимодействие профессиональных и непрофессиональных участников массовой коммуникации в рамках городских пространств началось позже, чем на Западе, т. е. не в 1960-х гг., а лишь с появлением массового Интернета в начале 2000-х. При этом оно стало более-менее заметным лишь в крупных городах. Кроме того, не стоит забывать о том, что отечественные авторы (например, Е.П. Прохоров, С.Г. Корконосенко и другие) всегда рассматривали журналистику как социально-активную деятельность, направленную не только на информирование аудитории, но и на ее идеологическое (или идейное) ориентирование в реалиях действительности, т. е. появление в медиасистеме и Интернете точек зрения, отличных от тех, что представляют медиа национального и мирового уровней, в определенном смысле, было прогнозируемо и не могло вызывать повышенный интерес к исследованию подобных альтернативных медиа.

Однако рассмотрение локальных медиа сегодня в качестве самостоятельных компонентов медиасистем, отличающихся как по своим свойствам, так и некоторым функциям, не только расширяет возможности для понимания особенностей коммуникативных процессов на уровне отдельных городов, но и облегчает конструирование редакционных процессов.

Симбиоз межличностной и массовой коммуникации

Исследователи такого явления, как локальные медиа, обратили внимание на их важную особенность: они не совсем соответствуют традиционным представлениям о массмедиа. Можно выделить несколько особенностей, которые уже упоминались ранее. Во-первых, локальные медиа находятся в некоторой оппозиции остальным медиа (или медиамейнстриму в целом), причем не столько по своему содержанию, сколько по способу функционирования. Во-вторых, они как бы «вписаны» в жизнь конкретных социальных групп и четко обозначенных локальных территорий, позволяя жителям активно обмениваться ценными сведениями друг с другом. И, в-третьих, локальные медиа активно вовлекают в процесс массово-информационного обмена простых жителей: и в качестве участников общественной дискуссии, и в качестве непрофессиональных авторов. Все это позволяет сделать важное предположение: локальные медиа одновременно вписаны как в систему массовых коммуникаций, так и систему межличностных коммуникаций на уровне отдельных социальных сообществ. То есть они являются своего рода гибридом, из-за чего традиционные представления о массмедиа не совсем к ним применимы.

Чтобы лучше осознать данную позицию локальных медиа, необходимо прояснить следующие важные моменты. Первое: вспомнить отличительные черты массовой коммуникации. Второе: отметить специфику массовой аудитории (которую многие авторы не считают разновидностью социальной группы) и ее возникновение.

Отмечая особенности массовой коммуникации, большинство отечественных авторов в первую очередь называют открытость и публичный характер коммуникации. На это обращали внимание Е.Л. Вартанова, С.Г. Корконосенко, Г.В. Лазутина, Л.Г. Свитич, Е.П. Прохоров, В.Т. Третьяков, Б.М. Фирсов и другие. Также исследователями отмечались социальная значимость передаваемой информации (Е.П. Прохоров, Г.В. Лазутина, Ф.И. Шарков и дру-

гие) и наличие разнообразных каналов для ее передачи (С.Г. Корконосенко, Е.П. Прохоров, Ф.И. Шарков и другие).

Впрочем, авторы (преимущественно западные) обращают внимание и на интересные особенности массовой коммуникации как процесса взаимодействия основных субъектов (журналистов и аудитории).

Массовая коммуникация предполагает обязательное наличие специальных технологий, что приводит к ее монологическому характеру, но позволяет сообщения легко воспроизводить и превращать в разновидность товара. Межличностная коммуникация гораздо чаще строится в форме диалога, но ее сообщения (особенно в устной форме) весьма эфемерны, размыты, из-за чего их сложно хранить и воспроизводить, передавать другим людям в неискаженном виде. Об этом пишут чешские авторы Я. Ирак и Б. Кёплова [Jirák, Köplová 2003, p. 37].

Но, пожалуй, более важной особенностью являются институциональные отличия участников массовой коммуникации.

Во-первых, это проявляется в асимметричности взаимодействия участников: из-за специфики используемой технологии отправитель сообщения не имеет прямого контакта с получателем и узнает о реакции на сообщения с опозданием, часто только благодаря специальным технологиям и процедурам (медиаизмерения аудитории; опросы, фокус-группы и т. д.) [Jirák, Köplová 2003, p. 36]. По мнению Дж. Томпсона, такой вид социального взаимодействия вообще является квазинтеракцией: она не обладает теми же качествами, что живое или даже опосредованное общение людей друг с другом, но все же помогает обмениваться символическим содержанием, даже если стороны разделены физически и не знакомы друг с другом [Thompson 2004, p. 72].

Во-вторых, условия отправителя и получателя в случае массовой коммуникации неравноценны по нескольким параметрам. С одной стороны, доступ к каналам массовой коммуникации ограничен и контролируется, в то время как каналы межличностной коммуникации, даже опосредованные, более доступны для использования всеми сторонами. С другой стороны, на действия отправителей текстов массовой коммуникации влияют институциональные нормы и правила [Евдокимов 2021, с. 36] – законодательные, этические; в то время как получатели им не обязаны подчиняться. С третьей стороны, получатель, декодирующий сообщение массовой коммуникации, может вообще не иметь представления о способах его создания [Thompson 2004, p. 25], т. е. представителю аудитории для восприятия сообщений не требуется журналистское образование, знание режиссуры, операторского искусства и подоб-

ных компетенций. В то время как успешно создавать сообщения массовой коммуникации без этих и других специальных знаний проблематично.

В-третьих, институциональное отличие проявляется и в том, что создают сообщения массовой коммуникации конкретные социальные группы (редакции), а воспринимает абстрактная «массовая аудитория». Еще в первой половине XX в., когда возникли теории массового общества и аудиторию медиа отождествляли с понятием «масса», социолог Г. Блюмер отметил, что массовая аудитория – это новая форма коллективности. Причем она существенно отличается от других форм социальной организации. Он выделил следующие отличия:

- большие размеры (состоит из большого числа индивидов);
- представители массовой аудитории не имеют информации друг о друге;
- у представителей массовой аудитории нет возможностей идентифицировать себя с другими из-за большого размера «группы»;
- внутри массовой аудитории нет каких-либо правил социальной организации (что присуще другим социальным образованиям) [Thompson 2004, p. 318].

Почему же на уровне локальных медиа мы вновь говорим о появлении конкретных социальных групп (что несколько противоречит представленным особенностям новой формы коллективности)? Объяснить это позволяют два обстоятельства, о которых пишет известный теоретик в сфере массовой коммуникации Д. МакКуэйл.

Первое: массовая аудитория по своей природе дуалистична. Она может формироваться из реальных социальных групп, чьи желания и интересы учитываются при производстве медиапродукта (члены одной партии, жители одного города и т. д.). Но она также может формироваться вокруг самого массмедиа или медиапродукта [McQuail 1999, pp. 320–322], т. е. в большей степени отвечать тем критериям, которые ранее выделил Г. Блюмер.

Второе важное обстоятельство – история появления массовой аудитории. Вопреки представлениям авторов начала XX в. она не возникла из ниоткуда, ее возникновение связано с четким генезисом, обусловленным развитием средств коммуникации. Своеобразным прообразом массовой аудитории современности являются *зрители древних театральных представлений, спортивных игр* и т. п. Важной особенностью такого коммуникационного процесса было нахождение отправителей и получателей сообщений в одном месте в одно и то же время. При этом такая коммуникация имела

общественный характер, была интерактивной, и получатели добровольно и индивидуально выбирали, на что именно они будут обращать внимание.

Несколько иным типом аудитории стала *читательская аудитория XVII в.* Ее сходство с аудиторией древних зрелищ было в том, что число участников коммуникации оставалось небольшим. Даже после того, как книги перестали быть рукописными, навыками чтения владели небольшое число богатых и образованных людей, проживавших преимущественно в городах, т. е. они в той или иной степени были знакомы друг с другом и авторами или могли легко установить социальные и коммуникативные связи. Однако для восприятия сообщений уже не требовалось находиться в одно и то же время в одном и том же месте. Но при этом сохранялась возможность для быстрого интерактивного взаимодействия аудитории и авторов посланий [McQuail 1999, pp. 316–318].

Описанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что аудитория локальных медиа – это своеобразный аналог читательской общественности XVII в.: проживающие на конкретной географической территории люди (или члены небольшого сообщества «по интересам») сохраняют возможность обмениваться информацией вне каналов массовой коммуникации и имеют какое-то представление друг о друге. Поэтому черты массовой коммуникации (асимметричность взаимодействия, институциональные отличия) в данном случае не столь заметные и яркие. А потому аудитории локальных медиа проще вступать в диалог и обмениваться опытом через локальные медиа.

Обозначенное «пограничное» состояние локальных медиа укладывается и в представления об особенностях разных видов социальной коммуникации. Д. МакКуэйл классифицировал их в зависимости от частоты контактов. Самый доступный уровень для человека – это интраперсональная коммуникация, связанная с внутренними когнитивными процессами личности. Далее есть несколько уровней интерперсональной или межличностной коммуникации (между двумя людьми, внутри группы, межгрупповая, институциональная), и лишь потом следует массовая коммуникация, где число непосредственных контактов между участниками общения минимально. И на большинстве уровней существуют свои формальные и неформальные коммуникационные сети, основанные на контактах между людьми, группами и организациями. Некоторые из таких сетей, например созданные социальными институтами, переплетены с процессами повседневной жизни людей. Они помогают создавать общее социальное окружение (например, землячество), достигать общих интересов, удовлетво-

рять определенные потребности или организовывать совместную деятельность [McQuail 2002, pp. 28–29].

Иными словами, массовая коммуникация не может начинаться сразу на уровне всего общества, в отрыве от живого или опосредованного общения людей друг с другом. Должны быть некоторые промежуточные формы, и локальные медиа хорошо вписываются в такую нишу на границе межличностной и массовой коммуникации.

Заключение

Взгляд на локальные медиа не только с позиций журналистики, но и теории массовой коммуникации позволяет лучше увидеть особенности симбиоза межличностного общения внутри конкретных социальных сообществ и массовой коммуникации. Это также открывает и новые направления для исследований. Локальные медиа – это в определенном смысле фрактал (если использовать синергетические термины). Их пограничное и в некотором роде хаотическое состояние, функционирование в зоне слияния двух, достаточно заметно отличающихся коммуникационных сред, при определенных обстоятельствах позволяет улавливать существенные изменения в социальной среде.

Данное предположение, безусловно, требует отдельного и более тщательного изучения. Однако два исторических факта могут свидетельствовать в пользу такой гипотезы. Первый факт: все современные медиасистемы родились из локальных медиа – издания вроде «Ведомостей» Петра I фактически были локальными, доступными лишь небольшим группам читательской общественности, но они смогли развиваться в средства, позволяющие получать информацию многомиллионным распыленным аудиториям. Второй факт: в конце XX в. при должном уровне развития коммуникационных технологий вновь именно на уровне локальных медиа возникли новые формы взаимодействия граждан и новые формы «народной» журналистики (журналистики соучастия), заставив позже трансформироваться и традиционные массовые медиа.

Литература

Абашев, Печищев 2018 – *Абашев В.В., Печищев И.М.* Городские сетевые издания как агенты урбанизации // *Знак: проблемное поле медиаобразования.* 2018. № 4. С. 201–214.

- Бакулев 2010 – *Бакулев Г.П.* Массовая коммуникация: западные теории и концепции: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2010. 176 с.
- Власова 2018 – *Власова Е.Г.* Урбанистически ориентированные медиа и журналистика соучастия // Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», г. Пермь, 1–2 июня 2018 г. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2018. С. 69–76.
- Гавра 2016 – *Гавра Д.П.* Информационная логистика в коммуникациях региона // Территория новых возможностей: Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8. № 1 (32). С. 113–118.
- Дзялошинский 2006 – *Дзялошинский И.М.* Журналистика соучастия: как сделать СМИ полезными людям. М.: Престиж, 2006. 104 с.
- Евдокимов 2021 – *Евдокимов В.А.* Массмедиа в социокультурном пространстве: Учебное пособие. Омск: Изд-во ОмГА, 2021. 363 с.
- Костромицкая 2021 – *Костромицкая А.В.* Актуальные коммуникативные практики и стратегии в городском пространстве // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1. С. 17–22.
- Макарова 2018 – *Макарова Е.Д.* Цифровые коммуникации городских пространств в эпоху web 2.0 // Век информации. 2018. № 2–2. С. 188–189.
- Маклюэн 2003 – *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
- Пименов 2014 – *Пименов Н.П.* Интернет-опосредованные коммуникации как главная составляющая коммуникативного пространства мегаполиса // Информация – Коммуникация – Общество. 2014. Т. 1. С. 112–115.
- Пичугина 2014 – *Пичугина О.А.* Интернет-медиа в коммуникативном пространстве современного мегаполиса: Дис. ... канд. филол. наук. Академия медиандинустрии. М., 2014. 189 с.
- Пустовалов, Березина – *Пустовалов А.В., Березина И.А.* Аудитория, создающая новость: новые течения в современной зарубежной журналистике // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). С. 194–201.
- Трофимова 2020 – *Трофимова И.А.* Гражданская журналистика России новейшего времени и ее место в структуре медиаполя // Знак: проблемное поле медиаобозрения. 2020. № 4 (38). С. 170–179.
- Фролова, Гатилин 2021 – *Фролова Т.И., Гатилин А.С.* Социальные проекты местных СМИ в контексте принципов патриципарной журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 121–151. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.121151
- Heinz 1980 – *Heinz N.* Community media. Video, local TV, film, and photography as tools for community communication. Thesis. Zurich: Ropress, 1980. 269 p.
- Howley 2005 – *Howley K.* Community media. People, places and communication technologies. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 309 p.

- Jiráč, Křpřlova 2003 – *Jiráč J., Křpřlova B. Média a společnost: stručný úvod do studia médií a mediální komunikace*. Praha: Portál, 2003. 207 s.
- Johnson, Menichelli 2006 – *Johnson F., Menichelli K., What's going on in community media*. Washington: Benton Foundation, 2006. 37 p.
- Leontovich 2019 – *Leontovich O.A. New forms of urban discourse as a reflection of social change // Communication Studies [Russia]*. Vol. 6. No. 3. P. 645–654.
- McQuail 1999 – *McQuail D. Úvod do teorie masové komunikace*. Praha: Portál, 1999. 448 s.
- Thompson 2004 – *Thompson J.B. Média a modernita: Sociální teorie médií*. Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum, 2004. 219 s.

References

- Abashev, V.V. and Pechischev, I.M. (2018), “Urban online publications as agents of urbanization”, *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 4, pp. 201–214.
- Bakulev, G.P. (2010), *Massovaya kommunikatsiya: zapadnyye teorii i kontseptsii* [Mass communication. Western theories and concepts Textbook for Students of Higher Education], Aspect-Press, Moscow, Russia.
- Evdokimov, V.A. (2021), *Massmedia v sotsiokul'turnom prostranstve* [Mass media in socio-cultural space. Textbook], OmGA Publishing House, Omsk, Russia.
- Dzyaloshinsky, I.M. (2006), *Zhurnalistika souchastiya. Kak sdelat' SMI poleznymi lyudjam*. [Journalism of complicity. How to make the media useful to people], Prestige, Moscow, Russia.
- Frolova, T.I. and Gatilin, A.S. (2021), “Social projects of local media in the context of the principles of patricial journalism”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, no. 3, pp. 121–151. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.121151
- Gavra, D.P. (2016), “Information logistics in the communications of the region”, *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, vol. 8, no. 1 (32), pp. 113–118.
- Heinz, N. (1980), “*Community media. Video, local TV, film, and photography as tools for community communication*”, Thesis, Ropress, Zurich, Germany.
- Howley, K. (2005), *Community media. People, Places and Communication technologies*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Jiráč J. and Křpřlova, B. (2003), *Média a společnost: stručný úvod do studia médií a mediální komunikace*, Portal, Praha, Czech.
- Johnson, F. and Menichelli, K. (2006), *What's going on in community media*, Benton Foundation, Washington, USA.
- Kostromitskaya, A.V. (2021), “Current communication practices and strategies in urban space”, *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 1, pp. 17–22.
- Leontovich, O.A. (2019), “New forms of urban discourse as a reflection of social change”, *Communication Studies [Russia]*, vol. 6, no. 3, pp. 645–654.

- Makarova, E.D. (2018), “Digital communications of urban spaces in the era of web 2.0”, *Information age (online media)*, no. 2–2, pp. 188–189.
- McLuhan, M. (2003), *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding media. Human external extensions], Moscow, Zhukovsky, “KANON-press C”, “Kuchkovo pole”, Russia.
- McQuail, D. (1999), *Úvod do teorie masové komunikace*, Portál, Praha, Czech.
- Pichugina, O.A. (2014), “Internet-media in the communicative space of a modern metropolis”, Ph.D. Thesis (Journalism), Academy of media industry, Moscow, Russia.
- Pimenov, N.P. (2014), “Internet-mediated communications as the main component of the communicative space of a metropolis”, *Information – Communication – Society (ICS)*, vol. 1, pp. 112–115.
- Pustovalov, A.V. and Berezina, I.A. (2012), “Audience that creates news. New trends in modern foreign journalism”, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 18, issue 2, pp. 194–201.
- Thompson, J.B. (2004), *Média a modernita: Sociální teorie médií*, Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum, Praha, Czech.
- Trofimova, I.A. (2020), “Contemporary Russian civic journalism and its place in the structure of the media field”, *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, vol. 38, no. 4, pp. 170–179.
- Vlasova, E.G. (2018), “Urbanistically oriented media and participatory journalism”, in *Gorod i media: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Novyye gorodskie media v medialandshafte Rossii”, g. Perm’, 1–2 iyunya 2018 g.* [City and media. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “New Urban Media in the Media Landscape of Russia”, Perm State University, June 1–2, 2018, Perm, Russia, pp. 69–76.

Информация об авторе

Кирилл А. Зорин, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Московский финансово-юридический университет «МФЮА», Москва, Россия; 117342, Россия, Москва, ул. Введенского, д. 1А; Kirill_zorin@mail.ru

Information about the author

Kirill A. Zorin, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Moscow University of Finance and Law, bld. 1A, Vvedensky St., Moscow, Russia, 117342; Kirill_zorin@mail.ru

История публицистики. Риторика

УДК 808.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-97-133

Очерк В.С. Гроссмана «Добро вам!»:
эволюция публицистической составляющей

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье изучается эдиционная история очерка В.С. Гроссмана «Добро вам!». Основываясь на результатах текстологического сопоставления различных редакций – от менее репрезентативных (1965 и 1967 гг.) до наиболее репрезентативного (1988) – автор работы приходит к выводу, что публицистическая основа очерка оставалась неизменной – варьировалась лишь интенсивность публицистических суждений.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, публицистика, советская литература, советская пресса, «Добро вам!»

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Очерк В.С. Гроссмана «Добро вам!»: эволюция публицистической составляющей // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 97–133. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-97-133

V.S. Grossman's essay "Good wishes to you!"
Evolution of the publicistic component

Yury G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, bityunan@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the edition evolution of V. Grossman's "Good wishes to you!". Based on the textological juxtaposition of the different editions – from the less complete ones of 1965 and 1967 to the most

---

© Бит-Юнан Ю.Г., 2022

complete of 1988 – the researcher concludes that the publicistic basis of the essay remained unchanged – only the intensity of the publicistic judgments varied.

Keywords: V. Grossman, journalism, political essays, Soviet literature, Soviet press, “Good wishes to you!”

For citation: Bit-Yunan, Y.G. (2022), “V.S. Grossman’s essay ‘Good wishes to you!’: Evolution of the publicistic component”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 97–133, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-97-133

Очерк В.С. Гроссмана «Добро вам!» (1961–1963 гг.) можно условно отнести к триаде наиболее известных поздних произведений автора – наряду с романом «Жизнь и судьба» и повестью «Все течет...». Однако известность, обусловленная соседством с двумя резонансными, оценивающимися как антисоветские, произведениями, не обеспечила этому очерку сопоставимой с ними изученности. Если о «Жизни и судьбе» и «Все течет...» написаны десятки работ на разных языках, то о «Добро вам!» – единицы.

Впервые очерк был напечатан журналом «Литературная Армения» в 1965 г. и не рецензировался. Второе издание очерка вышло в Москве в 1967 г. в составе сборника рассказов и повестей «Добро вам!». Тогда же появились и первые упоминания об очерке¹. Рецензенты пояснили, что материалом для этого сочинения послужили воспоминания Гроссмана о командировке в Армению в 1961–1962 гг. и что целью этой поездки была литературная обработка русскоязычного перевода романа Р.К. Кочара «Дети большого дома». Они отметили изящество стиля и доброе чувство юмора, которым был наделен пожилой автор. По сути, все три отзыва представляли собой нечто вроде запоздалого некролога.

Гораздо более подробно о языке, композиции и идеологии «Добро вам!» писал А.Г. Бочаров, первый биограф Гроссмана. Именно его монография 1970 г. представляет полный – насколько это было возможно в тех цензурных условиях – очерк жизни и творчества Гроссмана [Бочаров 1970, с. 289–303].

Затем почти на 20 лет воцарилось молчание.

---

¹См.: Миль Л. Человек среди людей // Знамя. 1968. № 2. С. 244–246; Гитович И.Е. «А человек пусть длится вечно» // Литературная Россия. 1968. 8 марта; Росляков В.П. Воздух истории: О сборнике рассказов Василия Гроссмана «Добро вам!» // Литературная газета. 1968. 20 марта.

В 1988 г. журнал «Знамя» напечатал полную редакцию «Добро вам!»². Казалось бы, тогда, в условиях «перестройки» и растущего интереса к так называемой «задержанной» литературе, эта публикация должна была привлечь внимание. Но получилось ровно наоборот: восстановленный очерк словно оказался в тени других произведений – и не только гроссмановских. По сути, ему целиком посвящена только статья Л.В. Бахнова, правда, с весьма престижной аллюзией в заглавии – «Сентиментальное путешествие»³. Упоминания о полной редакции «Добро вам!» содержались также в предисловии Л.И. Лазарева к сборнику рассказов и повестей 1989 г. «Несколько печальных дней»⁴.

В 1990 г. была издана расширенная редакция монографии Бочарова – «Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба». Здесь истории создания и публикации очерка было уделено существенное внимание, однако сопоставление редакций 1965, 1967 и 1988 гг. было неполным и описательным [Бочаров 1990, с. 354–367].

Уже в 2007 г. вопроса цензурирования и восстановления очерка вновь коснулся Л.И. Лазарев на международной конференции в Турине [Lazarev 2007]. Через два года этот же вопрос освещался А. Феррари на очередной международной конференции в Турине [Ferrari 2011]. Однако и на этот раз о текстологических расхождениях между редакциями различных лет и их публицистической основе говорилось абстрактно.

Цель данной статьи – описать и проанализировать эдиционную историю «Добро вам!» и реализацию публицистических идей автора в различных редакциях очерка.

* * *

Жалобы на здоровье, которые Гроссман даже перенес в «Добро вам!», оказались началом его последнего испытания. Вскоре по возвращении из Армении в Москву у него был диагностирован рак. Тем не менее работу он не оставил. В 1963 г. завершил работу над очерком и отдал его в «Новый мир», где тот и осел, поскольку руководитель журнала – А.Т. Твардовский – настаивал на том, чтобы Гроссман снял последний абзац, в котором говорилось о холокосте. Но Гроссман отказался наотрез [Бит-Юнан, Фельдман 2019, с. 515–521].

---

²См.: *Гроссман В.С.* Добро вам! // *Знамя*. 1988. № 11. С. 5–62.

³См.: *Бахнов Л.В.* Несентиментальные путешествия // *Дружба народов*. 1989. № 8. С. 257–262.

⁴См.: *Лазарев Л.И.* Человек среди людей // *Гроссман В.С.* Несколько печальных дней: Повести и рассказы. М.: Современник, 1989. С. 3–12.

Его подруга, редактор «Нового мира» А.С. Берзер, решила ему помочь: «И появился у меня план, сначала я не очень верила в него и Василия Семеновича не посвящала. Был, вероятно, август 1963 года. Из соседней с нами “Недели” (еженедельного приложения к «Известиям») спрашивали часто – нет ли чего-нибудь, чтобы выбрать для них отрывок. Спрашивали часто, печатала редко. И я никогда не занималась этим. А тут снова появился сотрудник – очень осведомленный, а главный редактор (Аджубей) – осведомленный еще больше»⁵.

И вот когда этот сотрудник вновь обратился к Берзер, та предложила ему гроссмановские путевые очерки, которые тогда у них «безнадежно лежали» в редакции. «Сотрудник был в курсе дел», – продолжает Берзер, очевидно, намекая, что сотрудник знал о проблеме с «Жизнью и судьбой»: «Но при этом ходил, выяснял, проверял. Потом появился снова, заявив, что печатать они обязательно будут, чтобы я выбрала для них отрывок. Я выбрала и послала Гроссману. Он сам дал название “Севан”. И получилось просто отлично».

Какое-то время дела, видимо, шли хорошо. Берзер даже успела полюбоваться на сверстанную полосу «Недели». Надеялась, что после появления «Севана» ей удастся добиться публикации всего очерка в «Новом мире». Затем Гроссману было рекомендовано поехать на лечение в Подмоскowie, что он и сделал. Оттуда позвонил Берзер, они условились, что созвонятся, когда появится «Неделя» с заветным фрагментом. Тогда же Берзер попросила секретаря редакции и того знакомого сотрудника позвонить ей и сказать, вышла ли публикация. Секретарь позвонил и доложил, что все в порядке и несколько номеров уже отправлено в «Новый мир». А вот неназванный помощник позвонил Берзер намного позже и, обескураженный, сказал, что там, где должен быть «Севан», помещен какой-то другой материал.

«Что же случилось? Расскажу только то, что узнала сама. “Неделя” № 39 за 22–28 сентября 1963 года была набрана и сверстана вместе с “Севаном” Гроссмана. Номер был подписан в печать и залитован. Началось печатание тиража, первые экземпляры которого попали в “Новый мир”. И вдруг утром, во время этого печатания, появился заместитель главного редактора Ошеверов. Он остановил печатание и из готового тиража (что делали в сталинские времена, когда в ночь выхода номера был арестован автор – я сама пережила несколько таких ночных историй!) вырвал Гроссмана и вставил на это место другой материал», – поясняет Берзер.

---

⁵Берзер А.С. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 260–262.

Она была в смятении, не понимала, как объяснить Гроссману, что все сорвалось в последнюю минуту. Но, вопреки ее опасениям, он вовсе не был убит горем. Даже сказал: «Ведь напечатали! И я доволен».

Позднее выяснилось, что некоторые его знакомые по случайной покупке именно первый вариант «Недели» и прочитали очерк. Остались очень довольны, хвалили и благодарили.

Более подробно об этом происшествии рассказал в 2006 г. тот не названный в мемуарах Берзер сотрудник «Известий». Им оказалась Н.Г. Лордкипанидзе (1925–2014), работавшая в газете с 1960 по 1980 г. и впоследствии получившая известность в качестве театрального сценариста и режиссера⁶.

Она подтвердила, что началось все с поиска хорошего рассказа для «Недели». «Набранные были, даже два, но нас не больно восхищали. “Неделя”, молодое воскресное приложение к “Известиям”, из месяца в месяц набирала читателей, и мы, отдел литературы и искусства (редактором которого я в ту пору была), не без самоуверенности думали, что хорошая проза может сыграть в этом деле не последнюю роль»⁷.

Далее Лордкипанидзе позвонила Берзер, и та ей сказала, что очерк уже набран, «но пока лежит из-за последнего абзаца, где герой произносит тост, сравнивая судьбу армянского народа, пережившего в 1915 году чудовищный геноцид (турки убили до полутора миллионов армян), с судьбой евреев, которых во время Великой Отечественной войны погибло в лагерях смерти чуть ли не 6 миллионов».

Лордкипанидзе решила проверить эту информацию («Но при этом ходил, выяснял, проверял», как писала Берзер) и позвонила редактору «Нового мира» – А.И. Кондратовичу. Тот подтвердил, что очерк не печатают, потому что Гроссман отказывается снять абзац, где упомянута еврейская проблема.

«Известия» запросили верстку, ознакомились с ней, и один из редакторов, А.Л. Плющ, одобрил текст. Так было принято решение опубликовать фрагмент о посещении озера Севан. Номер был вскоре отпечатан, а потом, в субботний день, Лордкипанидзе была вызвана к заместителю А.И. Аджубея. Фамилию заместителя она не называет,

---

⁶ О Н.Г. Лордкипанидзе см. подробнее: [Б. а.] Натэлла Георгиевна Лордкипанидзе: Биография // Официальный сайт «Кино-театр.ру». URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/364618/bio/> (дата обращения 10.09.2022).

⁷ Лордкипанидзе Н.Г. Василий Гроссман: «Барев цзе» – добро вам! // Известия. 2006. 18 окт.

однако нетрудно догадаться, что речь идет как раз о Г.М. Ошеверове. «Что рассердило, а вернее, напугало зама до такой степени, что он немедленно отдал ряд строжайших приказов? Последний абзац, тост?» – интригует Лорджипанидзе – и тут же дает ответ: «Напугало, что Гроссман рассказал о “Скальном городе”, расположенном недалеко от озера, и о том, что в городе этом живут люди».

Мемуарист, конечно, попытался оправдаться, ссылаясь на то, что «Город существовал не один десяток лет, было в нем вполне комфортно, автор писал о телевизионных антеннах, о красоте, об уюте этих непривычных для россиян жилищ». Однако зам. главного редактора остался непреклонен: «Живут в пещерах!!! Вот что возмутило зама и показалось ему кошунственным в период построения коммунизма в нашей стране».

Гнев Ошеверова, очевидно, был вызван этим описанием:

Вся Армения залита светом: затерянные в горах деревушки, зангезурские древние пещеры, где поныне живут люди, освещены электричеством. В этих пещерах люди жили за много тысячелетий до нашей эры, до появления шумеров, вероятно во времена каменного и бронзового оружия.

Большинство нынешних обитателей этих пещер работает в цехах завода тончайшего приборостроения. В пещерах, освещенных электричеством, стоят телевизоры и радиоприемники. Электричество всюду – оно в движении моторов, электропоездов, оно в музыке, в кадрах кинодрамы, в плавном вращении телескопов на Арагаце. Севан сжигает свое голубое тело, превращает его в свет и тепло. Уровень воды в озере упал на четырнадцать метров, унылая, черно-коричневая низменность выступила там, где стояла озерная вода. Озеро уходит из каменной чаши. Армения, залитая светом электричества, горюет о гибнущем Севане. Недавно родился проект ввести в Севан горную реку, которая предотвратит гибель озера. Но пока синяя жемчужина день ото дня уменьшается в размерах, тает...⁸

Не сказать, чтобы здесь речь шла о красотах пещер и т. п. Однако и политической критики этот фрагмент, как кажется, не подразумевает. Впрочем, это не всегда было обязательно, чтобы усложнить жизнь автора и его публикаторов. Вероятно, Ошеверов решил подстраховаться. Кроме того, вряд ли он не знал, что в 1961 г. рукописи «Жизни и судьбы» были конфискованы. И, хотя официальной опалы для Гроссмана не было, опубликовать давно

---

⁸Гроссман В.С. Добро вам! // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. М.: Советский писатель, 1967. С. 222.

осевшую в «Новом мире» рукопись казалось делом небезопасным. Более того, Ошеверов распорядился, чтобы Гроссману не выдавали гонорар – видимо, на случай разбирательства. Однако Аджубей, вернувшись из отпуска, публикацию оплатил⁹.

Дальнейшая судьба рукописи описана уже другим мемуаристом – Н.А. Гончар-Ханджян. В 1965 г. она была в Москве и встретилась с переводчицей Р.Я. Райт-Ковалевой, сотрудничавшей с редакцией «Литературной Армении». Именно Райт-Ковалева рассказала Гончар-Ханджян о неопубликованном очерке Гроссмана. Та сообщила об этом главному редактору «Литературной Армении» Г.М. Боряну – и тот письменно обратился к Твардовскому с просьбой уступить материал. Твардовский согласился. Очерк «Добро вам!» был напечатан в 6-м и 7-м номерах «Литературной Армении» за 1965 г.¹⁰

В 1967 г., как было отмечено выше, очерк вышел и в Москве. Он был менее полным, чем ереванское издание. Однако анализ публицистической компоненты уместно начать именно с него – как с более известного и рецензируемого.

* * *

Очерк Гроссмана – о людях. Точнее, о человеке. Именно простой человек с его слабостями и сильными сторонами характера, красотой и несовершенством находится в идейном центре многостраничного произведения. Способность оставаться человеком, невзирая на обстоятельства, и проявить человеческое отношение не только к другу, но и к врагу – это, пожалуй, философская основа очерка.

Природная стихия, противопоставленная человеку, – это камень. И камень представлен в очерке как функция времени. Горы, пишет Гроссман, на протяжении тысячелетий умирают, дробятся и распадаются. Остаются лишь камни. Камень – это также символ безжизненности. Серый камень контрастирует с зеленью деревьев и с цветами.

Очерк начинается с описания каменных долин Армении: «Первые впечатления от Армении – утром, в поезде. Камень зеленовато-серый, он не горой стоит, не утесом, он – плоская россыпь, каменное поле; гора умерла, ее скелет рассыпался по полю. Время состарило, умертвило гору, и вот лежат кости горы»¹¹.

⁹ См.: *Лорджипанидзе Н.Г.* Василий Гроссман: «Барев цзе» – добро вам!

¹⁰ См.: *Гроссман В.С.* Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 32–53; № 7. С. 27–51.

¹¹ *Гроссман В.С.* Добро вам! // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. С. 200.

И камню здесь подобно все: животные («Иногда серый камень оживает, движется – это овцы. И их породили камни и едят они, наверное, каменную крошку и пьют каменную пыль <...>»¹²) и даже люди («<...> люди – как эти камни, среди которых они живут, лица темные от смуглости кожи и от небритости»¹³).

И все же эти крестьяне и ремесленники смогли подчинить себе горы. Они сделали их своим домом.

«Маленький народ стал казаться мне народом-великаном», – признается Гроссман. И поясняет: «Лишь великану под силу превращать камень в сладчайший виноград, в сочные холмы овощей. <...> Титанический труд породил эти персиковые сады среди жаркого камня, исторг виноградный сок из базальта»¹⁴.

Более того, человек сделал камень своим храмом:

В Армении много древних церквей, часовен, монастырей. В Армении имеется храм Гехард, он вырублен внутри скалы – чудо, рожденное внутри камня. Это чудо совершено тридцатилетним трудом человека, обладавшего не только титаническим талантом, но и титанической верой. Человек, вырубивший внутри горы гармоничный, грандиозный, грациозный храм, высек на грабаре слова: «Помяните меня в молитве своей»¹⁵.

По сути, каждый фрагмент очерка посвящен именно и только жизни людей и служит напоминанием о ценности жизни простых людей. Это отражается и на уровне языка.

Так, в основе описания – человеческая жизнь:

Внутренний двор! Вот душа, нутро Еревана... <...> Десятки, сотни веревок, подобно артериям и нервным волокнам, связывают балкончики и галерейки. На веревках сохнет огромное, многоцветное белье ереванцев – вот они, простыни, на которых спят чернобровые мужья и бабы, вот они, просторные, как паруса, лифчики матерей-героинь, рубашонки ереванских девчонок, кальсоны армянских старцев, штаны младенцев, пеленочки, парадные кружевные покрывала¹⁶.

¹² Там же. С. 200–201.

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Там же. С. 245–246.

¹⁶ Там же. С. 206–207.

Повествование и рассуждение также основываются на образах повседневной жизни армян. Как во фрагменте, приведенном ниже:

Я шел по улице и видел, как шевелились занавески на окнах, – новый российский приезжий появился в Цахкадзоре.

Потом меня изучали, разрабатывали – все, что узнавали служащие в писательском доме творчества, становилось известно всем: я сдал паспорт на прописку, я отказался есть хаш, не говорю по-армянски, я из Москвы, женат, двое детей. Я переводчик, приехал переводить книгу писателя Мартиросяна. Переводчик не молод, но переводчик пьет коньяк, прескверно играет на бильярде, переводчик часто пишет письма. Он гуляет и интересуется старой церковью на окраине поселка, по-русски окликает армянских собак и кошек. Он зашел в деревенский дом, где старуха пекла лаваш в тондыре, – переводчик не знал по-армянски, старуха не знала ни слова по-русски. Он смеялся, показал, что интересуется тем, как пекут лаваш. Старуха тоже смеялась, когда от кизячного дыма приезжий заплакал¹⁷.

Примечательно, что Гроссман, не знавший армянского языка, постепенно меняет точку зрения и начинает описывать не чужую страну своими глазами, а себя – глазами людей иной культуры. Но постепенно «приезжий», «писатель» и «переводчик», как сам Гроссман себя называет, становился своим. Он познакомился сначала с русскими – поварихой Катей и истопником Иваном, а затем и с теми армянами, с которыми ему как-то или через кого-то удавалось обменяться несколькими фразами. И вот:

Прошло еще несколько дней, и меня пригласили в деревенский дом в гости, пить водку. А еще через день я зашел в библиотеку, и усагая плечистая библиотекаря мне показала мою книгу, переведенную на армянский язык; я увидел, что страницы книги припухли и края переплета растрепаны. Что же еще мне нужно? На улице мне улыбаются: «Барев... баревдзес...» <...> Значит, совершилось: я здесь человек среди людей¹⁸.

Еще в 1930-х гг. Гроссмана ругали за попытку возродить в советской литературе образ «маленького человека»¹⁹. Однако здесь бы, вероятно, выражение «маленький человек» пришлось перефразировать как «простой человек».

¹⁷ Там же. С. 213–214.

¹⁸ Там же. С. 220–221.

¹⁹ См.: *Дельман В.* Декадники «Знамени»: Творческий вечер В. Гроссмана // Литературная газета. 1936. 24 мая.

Многие из рассказанных Гроссманом историй трагичны. Он вообще был явно далек от намерения лакировать увиденное – очерк получился довольно «неудобным» с цензурной точки зрения. Вероятно, поэтому «Советский писатель» снял два достаточно больших фрагмента, которые, кстати, были напечатаны «Литературной Арменией». В остальном редакции практически идентичны.

Первый фрагмент – о старике Андреасе. Она изложена во второй главе (отсутствующей в издании 1967 г.). В начале этой главы дается описание памятника Сталину:

Над Ереваном, на горе, стоит памятник Сталину. Откуда ни помотришь, виден гигантский бронзовый маршал. Сталин одет в длинную бронзовую шинель, на голове его военная фуражка, бронзовая рука его заложена за борт шинели. Он шагает – шаг его медлителен, тяжел, плавлен – он не спешит. В нем странное, томящее соединение – он выражение силы, которой может обладать лишь бог, так огромна она; и он выражение земной грубой власти – солдатской, чиновной²⁰.

Комплиментарное описание дополняется яркой деталью: «Когда шла сборка памятника и части огромного бронзового тела лежали на земле, рабочие проходили, не сгибая головы, внутри полой ноги Сталина».

Многие жители Еревана при этом относились к памятнику или, точнее, созданному им образу с меньшим пиететом. Некоторые даже хотели демонтажа изваяния, однако об этом «говорили изящно: “Пусть металл, пошедший на создание этого памятника, обретет свою первоначальную сущность”».

Затем Гроссман переходит к истории Андреаса, семидесятипятилетнего ветерана партизанского отряда Андраника-паши. Рассудок Андреаса помутился, когда у него на глазах турки убили его родных.

Услышав имя Андраника-паши в случайном разговоре, Андреас начинал плакать. И сам иногда пел о нем песни – и тоже плакал. При этом со своей женой он был по-мужички жесток. Бил ее и неволил, несмотря на то, что она была ему дорога:

Он бил ее при жизни, а когда старуха умерла, Андреас не давал ее похоронить – обнимал ее, целовал, все пробовал посадить свою мертвую подругу за стол. Никто не смел подойти к старому безумцу, не верившему в смерть своей жены.

---

²⁰ Гроссман В.С. Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 33–34.

Однажды Гроссман увидел Андреаса в гневе. Тот страшно ругался, перемежая армянскую брань с русской матерщиной. Оказалось, что ночью с цахкадзорской площади был снят гипсовый памятник Сталину, оклеенный золотой фольгой. А для Андреаса имя Сталина было свято: «Для него Сталин был победителем немцев. А немцы били союзниками турок. Против турок воевал Андраник-паша, русский генерал».

О подобных трагичных судьбах и полярных характерах – и второй фрагмент, отсутствующий в издании 1967 г. и включенный в публикацию в «Литературной Армении».

«Рассказал мне седой красавец Армо историю своей жизни, горести и тяжести свои», – начинает Гроссман. Судьба Армо действительно была к нему немилосердна. Он беззаветно любил своего отца. Но «Его отец был одним из самых богатых помещиков Армении, а Армо стал одним из самых пламенных комсомольцев Армении». Курды, уважавшие отца Армо, подарили тому полтысячи баранов. Сам же Армо в это время создавал армянский комсомол, «всем своим молодым бешеным сердцем ненавидя помещиков и капиталистов, врагов трудящегося народа, всем своим сыновним сердцем любя отца, гордясь его былой знатностью, гордясь тем великим почетом, которым пользовался отец среди стариков по ту и другую сторону Аракса»²¹. Подробностей этой истории Гроссман не сообщает – мы лишь узнаем, что отец Армо погиб где-то в Сибири, и никто не знает места его погребения. Комментарии и пояснения здесь были бы избыточны.

Ниже приводится история старика Саркисяна. Он вступил в партию, верно служил ей, лично был знаком с Лениным, но «затем объявили его турецким шпионом, били смертно, послали в сибирский лагерь, где он прожил девятнадцать лет». Туда же отправилась и его жена, добровольно: «Он рассказал, как его жена приехала к нему из Армении за Полярный круг и поселилась у лагерной проволоки в нищей, грязной избе, сколько счастья пережил он от ее доброты, как он гордился ею, как хорошо относились к ней заключенные». Рассказал Саркисян тут же и о заключенных, которых в одной только небольшой тюремной камере было не менее 80. И «все это были ученые люди: профессора, старые революционеры, скульпторы, архитекторы, артисты, знаменитые врачи, и как мучительно долго, каждый раз сбиваясь со счета, пересчитывали их охранники».

Однако старик Саркисян убедился за это время, что люди отнюдь не злые. Наоборот – добрые и сострадательные.

---

²¹ Там же. С. 45–47.

Этот рассказ продолжает история о двух больших молоканских семьях, решившихся бежать из мусульманской Турции в христианскую Армению. Риск был огромным. Турецкие пограничники могли бы убить их. Однако все завершилось благополучно. И даже «малые дети в темноте, над шумной холодной водой молчали, ни один не заплакал». Перейдя Аракс, «люди стали на колени, плача, целовали землю, холодные прибрежные камни». Армянские же пограничники, поняв, что произошло, расчувствовались, а их жены в это время уже бежали к берегу с теплыми вещами. «Видимо, что-то пронзительно трогательное было в этом ночном возвращении, в этой встрече вернувшихся из Турции русских бородатых мужиков с молодыми русскими солдатами, в этих плачущих офицерских женах, обнимавших старух и детей на берегу шумного Аракса. Рассказывая эту историю, Иван вдруг заплакал, а слушая Ивана, заплакал и я».

Гроссман настаивает, что, пусть судьбы и характеры людей различны, идеалы человечности неизменны. Однако для многих это не аксиома. Одна из причин – распространенность стереотипического мышления. Так, рассуждения о внешности людей и о том, сколь она бывает обманчива, часто встречаются в этом очерке:

Удивительное оказалось дело. Среди армян немало светловолосых, сероглазых, голубоглазых. <...> Встречал я скуластых, с приплюснутыми носами, с несколько раскосым разрезом глаз, встречал курносых, видел армян с вытянутыми, острыми лицами, с невероятными по размеру носами, острыми, крючковатыми. <...> Но, конечно, в этом огромном разнообразии существует главный, основной национальный тип.

И трудно сказать, что достойно большего удивления – разнообразие или упорная устойчивость²².

Во внешности представителей того или иного этноса концентрируется история его существования. И не похожи друг на друга не только армяне:

Ведь то же можно сказать не только об армянах, но и о русских, и особенно о евреях. Конечно, так. Разве однообразны русские лица, разве рядом с голубоглазыми и сероглазыми, курносыми, с льняными волосами не живут горбоносые русаки, «цыгане», как зовут их, с черными южными глазами, со смоляными кудрями <...>²³.

---

²² Гроссман В.С. Добро вам! // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы. С. 202.

²³ Там же. С. 202–203.

Цель подобного описания вполне понятна – и она, опять же, служит вербализацией публицистической мысли. Говоря о многоликости народа, Гроссман говорит и о неприемлемости дискриминации по национальному или расовому признаку. Точнее – о неприемлемости любой формы дискриминации.

Подтверждается это и на уровне культуры. Порой – высокой, а порой – обыденной. Между теми, кто заслуживает называться человеком, на самом деле не может быть границ. И примеров тому – множество.

Поводом к этому размышлению послужило любопытство Гроссмана. Он как-то спросил у Кочара (которого он то ли иронически, то ли с целью соблюдения конфиденциальности называет «Мартirosяном»), помнит ли тот Мандельштама. Кочар впал в задумчивость: «Мартirosян мне сказал, что смутно вспоминает художого носатого человека, видимо весьма бедного, дважды Мартirosян его угощал ужином и вином; выпивши, носатый читал какие-то стихи, – по всем видимостям, это был Мандельштам»²⁴, – усмехается Гроссман. И плавно переходит к главной теме этого фрагмента. Вспоминает, что видел в музеях Еревана портреты разжалованных в рядовые декабристов, что впервые комедия «Горе от ума» была поставлена в Ереване (тогда – в городе «Эривань») и что сами разжалованные играли все роли – и мужские, и женские.

Из какого источника Гроссман почерпнул эти сведения, сказать трудно. Но версия, что пьеса впервые была поставлена в Эривани в конце 1820-х гг., действительно существует. Так, в подготовленном в 1946 г. Академией Наук СССР сборнике статей о А.С. Грибоедове содержалась статья В. Филиппова «Ранние постановки “Горя от ума”». Там отмечено, что «Имеются сведения о том, что комедия “была играна в 1827 году, в присутствии автора в крепости Эривани, в одной из комнат дворца Саардарского”» [Филиппов 1946, с. 299]. А также приводится ссылка на 3-й номер газеты «Тифлиские новости» за 1832 г., откуда, собственно, и взята цитата.

Об этой постановке упоминается и в статье Я.С. Билинкиса и М.Я. Билинкиса «“Горе от ума” на русской сцене», опубликованной в сборнике 1994 г. «Проблемы творчества А.С. Грибоедова». Исследователи пишут: «Существует версия, что отдельные сцены из комедии показывались молодыми офицерами-любителями в 1827 г. в Сардарском дворце в Ереване (тогда Эривань), а в 1828 и 1832 гг. пьеса целиком – в Тбилиси (тогда Тифлисе), в семинарии Нерсисяна» [Билинкис Я.С., Билинкис М.Я. 1994, с. 110]. Очевидно, о постановке в Ереване сообщила именно газета «Тифлиские

²⁴ Там же. С. 210.

новости» после постановки 1832 г. Следует при этом вновь акцентировать, что это не более чем версия.

Гроссман продолжает: «Можно сто лет помнить, что в пыльном захолустье волжского городка Камышина жил высланный, нищий, едва живой Налбандян, что в Петербурге бедствовал, сидел в тюрьме Туманян и что Короленко пришел к воротам тюрьмы в день освобождения Туманяна», – продолжает Гроссман и переходит к новым выводам: «Живут, работают в тайге, в тундре Якутии важные и добрые дела, завязанные ссыльными студентами, Короленко, Таном-Богоразом, опальным Кропоткиным <...> Вот оно, вольное, доброе, неистребимое “русификаторство”, совершаемое Пушкиным, Добролюбовым, Герценом, Некрасовым, Толстым, Короленко!»²⁵.

Слово «русификаторство» здесь, конечно, употреблено неслучайно. После окончания Великой Отечественной войны русификация в плоскости языка и культуры постепенно становилась более агрессивной. И, безусловно, народы, обладавшие своей национальной культурой, говорившие на своем языке, зачастую чувствовали себя ущемленными [Аманжолова 2010; Бранденбергер 2017]. Само слово «русификаторство» очень скоро приобрело негативные коннотации. Поэтому Гроссман и говорит, что настоящее «русификаторство» – это не то, что насаждается, – это то, что само приживается, потому что оно хорошо.

Подтверждением этому служит следующий абзац:

Я подумал о вековых связях людей, народов, культур, что возникают вот так – в избах, на этапах, в лагерях, в солдатских казармах.
<...>

Они есть те артерии и вены, по которым бежит вечная кровь. А поверхность жизни, шумная, бесплодная, заполняет, как мыльная пена, тех людей, которые и сами есть мыльная пена: трещат, шуршат и исчезают без следа.

<...>

Вот он пришел, горшок русского борща, и стал на стол в армянском доме. Вот он, армянский прочесоченный хаш, что в серьезном, сосредоточенном молчании едят бородатые мужики-молокане!²⁶.

Гуманистический взгляд Гроссмана постепенно перемещается в сторону животных – наиболее беззащитных созданий. В 1950–1960-х гг. Гроссман часто обращался к образам природы и

²⁵ Там же. С. 211–212.

²⁶ Там же. С. 212.

животных. Так, на природной символике основываются рассказы «Обвал», «Осенняя буря» и «Из окна автобуса», а также философская притча «Птенцы»²⁷. Мотив сочувствия к животным проследживается в таких рассказах, как «Лось», «Собака», «Дорога» и «Тиргартен» и в зарисовках «За городом» и «Мысли и рассказы о животных и людях»²⁸. В них слышен призыв к сочувствию. Однако параллели между страданиями человека и страданиями животного эксплицируются именно в «Добро вам!».

Так, в цитируемой выше главе, где Гроссман пытается описать себя глазами местных жителей, есть и сцена общения с животными. Гроссман признается, что «В этот же день переводчик имел беседу с ишачком и овечкой, шедшими по тротуару в сторону горного пастбища». Все начиналось неплохо, однако вскоре внимание Гроссмана было отвергнуто:

Ишачок сперва довольно внимательно слушал русскую речь, а потом прижал уши, повернулся задом и хотел ударить переводчика копытцем. <...> А овца, которую хотел погладить переводчик, прижалась к ослику, ища у него покровительства и защиты. Было в этом что-то непередаваемо трогательное – овца инстинктом чувствует, что протянутая к ней рука человека несет смерть, и вот она хотела уберечься от смерти, искала у четвероногого ослики защиты от той руки, что создала сталь и термоядерное оружие²⁹.

Далее Гроссман отправляется по своим делам, однако случившееся не дает ему покоя и в конечном счете получает философскую интерпретацию:

Переводчик шел в сторону дома и думал об овце.

У овцы светлые глаза, они какие-то виноградно-стеклянные. <...>

Глаза овцы как-то по-особому отчужденно-стеклянно смотрят на человека, так не смотрят на человека глаза лошади, собаки, кошки...

---

²⁷ См.: *Гроссман В.С. Обвал* // Гроссман В.С. *Добро вам! Рассказы*. С. 187–199; *Он же Осенняя буря* // Там же. С. 164–167; *Он же. Из окна автобуса* // Там же. С. 153–155; *Он же. Птенцы* // Там же. С. 168–175.

²⁸ См.: *Гроссман В.С. Лось* // Москва. 1963. № 1. С. 115–120; *Он же. Собака* // Гроссман В.С. *Добро вам! Рассказы*. С. 176–184; *Он же Дорога* // Там же. С. 18–28; *Он же Тиргартен* // Там же. С. 121–150; *Он же. За городом* // Там же. С. 151–152; *Он же. Мысли и рассказы о животных и людях* // Радуга. 1988. № 10. С. 122–123.

²⁹ *Гроссман В.С. Добро вам!* // Гроссман В.С. *Добро вам! Рассказы*. С. 215–216.

И наконец проявляются исторические аналогии:

Вот такими безразличными, отчужденными глазами смотрели бы обитатели гетто на своих гестаповских тюремщиков, если бы гетто существовало пять тысяч лет и каждый день на протяжении этих тысячелетий гестаповцы отбирали старух и детей для уничтожения в газовых камерах.

Наконец писатель восклицает:

Боже, боже, как долго должен человек вымалывать прощение у овцы, чтобы она простила его, не смотрела на него стеклянным взглядом! Какое кроткое и гордое презрение в этом стеклянном взгляде, какое божественное превосходство безгрешного травоядного над убийцей, пишущим книги и создающим кибернетические машины... Переводчик каялся перед овцой и знал, что завтра будет есть ее мясо.

Сочувствие к животному выражается и в главе, где описана поездка в религиозный центр Армении – город Эчмиадзин. На этот раз – на контрасте человеческого представления о допустимости насилия над животным и религиозной обрядовости, которая в изображении Гроссмана едва не переходит в оккультную. Кочар представил Гроссмана главе армянской церкви – католикосу Вазгену Первому. Когда встреча завершилась, Гроссман и Кочар направились к машине в сопровождении одного из монахов:

Провожал нас к машине красавец монах в черном капюшоне. Он шел рядом с Мартиросяном и о чем-то, смеясь, говорил с ним. <...>

Мы прошли мимо слепого нищего. Лицо его было печально, лицо Иова; мы прошли мимо крестьянина, ведущего к собору на веревке овцу, она была ужасна в трогательном и покорном ожидании смерти. Я посмотрел на красавца монаха, шедшего рядом, – бог доброты и сострадания не коснулся его дивного взора: он, смеясь, прошел мимо шепчущего старика и беспомощного, обреченного животного³⁰.

По отношению человека к живому существу – будь то другой человек или зверь – можно судить, чья вера истинна. Так, Гроссман признается, что не почувствовал присутствия верующих людей, находясь в Эчмиадзине. И даже католикос произвел на него впечатление умного светского человека. Но не более. Присутствие истинной веры рассказчик ощутил только в семье молокан. Тот самый ис-

---

³⁰ Там же. С. 253.

топник Иван отвел Гроссмана к своим родителям. Когда писатель встретил отца семейства, Алексея Михайловича, он был зачарован. Простой старик, робяя перед просвещенным московским гостем, «говорил с горестью о том, что люди не хотят следовать главному закону жизни – желать того, чего желаешь себе, всем людям без изъятия, без различия национальности, без различия веры и неверия... Не желаешь плохого себе, не делаешь плохого себе – не желай плохого, не делай плохого людям»³¹.

В какой-то момент Гроссман не удержался и спросил его, как тот относится к убийству животных (старик пил чай с хлебом, в то время как остальные ели хаш и курицу). Ответ был простым: «Что же поделаешь, видно, без этого людям не обойтись, а вот на охоту ходить для забавы – это уж напрасно, это уж лишнее»³². В этот момент Алексей Михайлович вздохнул тяжело и добавил, что его сын, Иван, жесток. Действительно, Иван любил охоту. Для него убийство было спортом. И однажды, охмелев, он не без кичливости рассказывал Гроссману, «как уходит в горы – бьет козлов, рысь, убил однажды “барсука” – барса»³³.

Несколько страниц Гроссман посвящает вопросу творчества. Любое творчество субъективно и является результатом личностного, индивидуального восприятия мира.

Гроссман и Кочар как-то встречаются с армянскими крестьянами. Кочар долго и оживленно беседует с ними. Затем поясняет Гроссману, что разговор был о его романе. Очевидно, о том, литературной обработкой которого занимался Гроссман, – «Дети большого дома».

Эта сцена, конечно, ранит Гроссмана. Ведь его роман не прочитан никем, кроме нескольких знакомых и редакторов. Да и сам он приехал в Армению в сомнительном качестве: создатель книги, которой вроде как нет, мэтр отечественной литературы, согласившийся редактировать подстрочник армянского романа.

Не без сожаления Гроссман замечает:

Он говорит, что почти все его деревенские собеседники читали его роман, так вчитались в книгу, сроднились с ее героями, что просят автора изменить некоторые жестокие судьбы: потерявшему во время аварии две ноги вернуть одну ногу, просят оживить нескольких покойников. К нему обращаются, как к богу, всемогущему хозяину мира, в котором живут созданные им люди. Он хозяин их жизни и судьбы.

---

³¹ Там же. С. 256.

³² Там же. С. 257.

³³ Там же. С. 218.

Какое высокое чувство! Ведь это действительно счастье – люди, созданные тобой, стали частью любимого тобой народа³⁴.

Выражение «хозяин их жизни и судьбы» употреблено, конечно, не случайно.

Отталкиваясь от сказанного выше, Гроссман переходит к другой мысли, вновь гуманистической: «И как все же добр народ – он никогда не просит оторвать вторую ногу у того, кто стал одноногим калекой. Он не просит заменить орден Суворова, врученный полководцу, медалью “За боевые заслуги” или значком “Отличный повар”». Более того, и бездарно выписанного, ненужного и неправдоподобно действующего героя читатель готов простить, не осудив автора: «Он [народ. – Ю. Б.-Ю.] не просит бога взыскать с ответственного работника, который в метельную стужу и в знойной пыли, при лунном свете и при свете солнца изрекает истины, одни лишь истины».

Внимание Гроссмана отрывается от фигуры читателя и переносится на фигуру автора. Гроссман в эссеистической манере доказывает, что иронически употребленное слово «бог» не является гиперболой. Писатель действительно создает собственный мир, подобно богу. И мир этот невозможно перекроить и заменить другим миром, потому что в нем выражается душа автора – и у каждого автора она своя.

Поэтому, если «Хемингуэй заселит свой мир русскими будочниками и в доску пьяными тульскими слесарями, мир будет тот же хемингуэевский». А Г.И. Успенский, реши он писать об испанской революции, воссоздал бы свой дождливый мир, где «пронзительно-тоскливым будет и синее небо Испании, и дивный красавчик тореадор, кушающий молодых угрей в чесночном соусе и прихлебывающий виноградное вино».

Гроссман не идеализирует земных «богов». Отнюдь. Они не безгрешны, и творения их небезупречны. Но и у этого есть положительная сторона. Даже школьник может стать богом, если создаст что-то свое: «А есть миры, созданные гениальными школьниками, они хотят воссоздать, дать в тиражах тот мир, что напечатан лишь в одном экземпляре. Это великие школьники – они пишут переложение мирового чуда, они художники-реалисты...»

Совершенны же лишь те миры, которые безжизненны, которые созданы не по вдохновению, а по заказу. Жизнь, настаивает Гроссман, не любит лжи и театральности:

---

³⁴ Там же. С. 228–231.

Но все эти миры – миры живого образа и подобия! А ведь есть совсем иные боги, расторопные, услужающие, боги-официанты, боги «чего изволите». Их мир населен бумажными призраками, раскрашенными картонными и восковыми фигурами. <...> И ведь удивительно и странно, но в самой безумной картине самого абстрактного субъективиста, создавшего нелепое соединение линии, точек, пятен, больше реализма, чем в гармоничных мирах, сработанных по конторскому заказу. Ведь странная, нелепая, безумная картина есть истинное выражение хотя бы одной живой человеческой души. А чью же живую душу выражает гармонический, полный натуральных подробностей, полный густой пшеницы и дубрав мир, воздвигнутый по заказу?

Эта мысль будто случайно подсказывает Гроссману другую. Коль скоро мир несовершенен, не может быть, чтобы он был создан по заказу, а не по вдохновению:

Ведь не писатели и поэты, не композиторы создали душу Эйхмана, ледяной ад Антарктиды, тарантулов и кобр, бессмысленные провалы и бессмысленную жестокость космоса <...>. Позволительно будет спросить у божественного насмешника: по чьему образу и подобию созданы Гитлер, Гиммлер? Люди не дали Эйхману души, они лишь сшили для него мундир обер-штурмбанфюрера.

Однако тут же Гроссман предлагает собственную теодицею:

Призовем к скромности творца, он создал мир горяча и, не работая над черновиками, сразу же отпечатал его. Сколько в нем противоречий, длиннот, опечаток, сюжетных неувязок, лишних персонажей! А мастера знают, как больно кроить, резать живую ткань горяча написанной и горяча изданной книги.

Интерес к человеку, возведение такой категории, как «человечность», в высший ранг определили еще одну важную особенность этого очерка. Этот очерк нарочито, акцентированно субъективен. Гроссман не только говорит о подробностях жизни других людей – он отмечает и свое присутствие в жизни незнакомой страны. Но в то же время он не просто оказывается в новом городе – новый город будто становится образом в его сознании.

Так, автор отмечает, что «Первые минуты на улице незнакомое города – это особые минуты, их не могут заменить не только месяцы, но и годы»³⁵. Приезжий затрачивает «атомную зрительную энергию, ядерные силы внимания» на то, чтобы уловить каждую подробность, каждую деталь незнакомой окружающей среды. Все его су-

щество нацелено на то, чтобы вместить и переосмыслить целый мир – «огромную вселенную: дома, деревья, лица прохожих, вывески, площади, запахи, пыль, цвет неба, наружность собак и кошек». И наконец происходит нечто невероятное – создается новый, не существовавший раньше город:

В эти минуты человек, подобно всемогущему богу, совершает новый мир, создает, строит в себе город со всеми площадями, улицами его, дворами, дворянками, воробьями, с его тысячелетней историей, с его продовольственным и промтоварным снабжением, с оперой, забегаловками. Этот город, что внезапно возникает из небытия, особый город – он отличается от того, что существует в реальности, – это город человека: в нем по-особому, неповторимо шуршит осенняя листва, в нем по-особому пахнет пыль, стреляют из рогаток мальчишки.

Есть в этом очерке, соответственно, и фрагмент, который философски противопоставлен процитированному выше. Это описание надвигающейся смерти.

Гроссман отправляется на пикник с Кочаром и его друзьями. Домой он возвращается поздним вечером, в подпитии, и сразу ложится спать. И вдруг среди ночи он просыпается. Его охватывают страх смерти и ощущение безысходного одиночества, равносильные, вероятно, арзамасскому ужасу Л.Н. Толстого.

Тихо. Сердце бьется сильно, тревожно, но не болит, вот только тело покрыто прохладной испариной. Кругом все тихо. Но именно потому, что пробуждение не вызвано болью, оно пугает, настораживает. Что-то случилось, но что же? Хочется вскочить, двигаться, зажечь свет, открыть окно, и почему-то страшно пошевелиться, страшно кашлянуть, поглядеть на лежащие на стуле, рядом с изголовьем, часы. Какая-то незримая беда заполнила ночную духоту. Чувство необычайного одиночества охватывает человека, слышится ли рядом дыхание спящей жены, либо человек один в комнате – он совершенно одинок и беспомощен.

Я проснулся среди ночи и понял, что умираю. Сердце, казалось, билось отдельно от меня, я дышал ровно, но воздуха в легких не было, словно я дышал одним лишь бесполезным азотом. Чувство предсмертной тоски охватило меня. Мне казалось, что тело покидало меня, бросало меня – меня покидали мои руки, ноги, мои легкие, сердце, моего «я» уже не было в них, я не ощущал своих пальцев изнутри, как привык их ощущать с первого мига своего рождения, – а извне; я становился

---

³⁵ Там же. С. 205.

сам по себе, а тело становится само, отдельно от меня. Я щупал свой пульс, я ощущал ладонями лоб в холодном поту, но меня, меня, моего «я» уже почти не было ни в этих пальцах, ни в этом пульсе, бившемся под нажимом пальцев, отказавших моему «я» в убежище; и в холодной ладони, и в холодном лбу под ладонью меня было все меньше, с каждой секундой мы все больше расставались³⁶.

Субъективность сочинения определила еще одну важную особенность – интимность. В «Добро вам» содержится множество сцен, как бы не свойственных гроссмановской прозе. Необычность эта, безусловно, коренится в истории возникновения очерка и логическим образом сформировавшихся формальных и содержательных его параметрах. Гроссман должен был стать создателем эпопеи о Сталинградском сражении, но был разжалован даже из кандидатов. Роман «За правое дело» был качественным произведением о войне. Однако, с точки зрения официальной, это всего лишь хорошая книга, не завершенная в силу неназванных причин. А потом писатель и вовсе стал переводчиком. Терять было нечего. Поэтому Гроссман часто смеется над собой. Он упоминает, что покупал лекарства, говорит о том, как пил спиртное, и признается, что у него болел живот. Глава, описывающая знакомство Гроссмана с Ереваном, и вовсе заканчивается конфузно. Гроссман намекает, что ему необходимо срочно найти туалет. И внимательный читатель может догадаться, что находит он его в нескольких метрах от конечной остановки трамвая³⁷.

Но даже такие сцены служили выражением публицистической идеи очерка. Перед читателем возникал образ не просто советского литератора, а пожилого, искреннего человека. Он не лишен слабостей и склонен к самоиронии. Но главное – ему доступна высшая мудрость жизни. И она – в ценности самой жизни и категорическом неприятии всего, что эту жизнь разрушает. Собственно, это и было акцентировано Н.С. Атаровым, написавшим предисловие к сборнику³⁸.

* * *

Ноябрьский номер журнала «Знамя» за 1988 г. поместил на первых страницах то, что редакция охарактеризовала как «рукопись» очерка «Добро вам». В предисловии давалась жанровая характери-

---

³⁶ Там же. С. 243–244.

³⁷ Там же. С. 208–209.

³⁸ См.: *Атаров Н.С.* Предисловие // Гроссман В.С. Добро вам! Рассказы.. С. 3–17.

стика («очерк-исповедь»), упоминалось об авторской самоиронии, а также приводилась краткая история публикации:

Записки «Добро вам!», предназначавшиеся для «Нового мира» Твардовского, не были тогда напечатаны и с той поры публиковались лишь со значительными купюрами в журнале «Литературная Армения» (1965, № 6–7) и в одном из сборников Вас. Гроссмана. Полностью приходят к широкому читателю впервые. Рукопись подготовлена к печати дочерью писателя. – Е.В. Короткова-Гроссман³⁹.

У Гончар-Ханджян есть отклик на это вступление. Она настаивала, что в «Литературной Армении» воспроизведен почти весь текст новомирской «верстки», одобренной самим Гроссманом:

Дабы не думалось, что «Литературная Армения», не больно церемонясь, черкала гроссмановские заметки, уточню еще раз, что печатался ею новомирский текст, сложившийся по «воле» самого автора в тех или иных сокращениях относительно рукописи, ныне представленной в «Знамени» дочерью писателя Е.В. Коротковой в качестве полного текста записок⁴⁰.

Впечатление такое, будто Гончар-Ханджян уязвлена. Ведь она не указывает патроним в фамилии Е.В. Коротковой. В подстраничной сноске дается пояснение:

Должна сказать, что по прочтении «Добро вам» в «Знамени» я подумала, что очень бы стоило сопоставить текст, представленный самим автором к напечатанию в «Новом мире», и рукопись, опубликованную ныне в «Знамени», выяснить, так сказать, природу и мотивы сокращений: что среди них отвечало его «воле», выявляло ее, а что состоялось «поневоле». Хотелось бы представить себе конкретно, а не обошлось ли в публикации «Знамени» где-то и в чем-то без должного учета авторской «воли» и решений в работе над текстом⁴¹.

Трудно судить о силе этого аргумента, поскольку в «Литературной Армении» машинопись тоже сокращали. Это и сама Гончар-Ханджян признала. И вроде бы Гроссман согласился опубликовать очерк в той редакции, которая находилась в «Новом мире»,

³⁹ [Короткова-Гроссман Е.В.] [Б. н.] // Знамя. 1988. № 11. С. 5.

⁴⁰ Гончар-Ханджян Н.А. К истории публикации «Добро вам!» и к истории журнала «Литературная Армения» // Литературная Армения. 1989. № 2. С. 83.

⁴¹ Там же.

если бы не требование снять последний абзац. Однако советские писатели работали с оглядкой на политические ограничения. Мысль о необходимом или возможном компромиссе сопутствовала творчеству (очевидно, крайне редко ему содействовала, если только под «творчеством» не подразумевалось «исполнение заказа»). Из романа «За правое дело» были удалены целые главы, «Жизнь и судьба» и вовсе была конфискована. Мало оснований думать, что в новомирской редакции «Добро вам!» Гроссман действительно сказал именно то, что сказать хотел.

Однако можно предположить, что протест Гончар-Ханджян против публикации рукописи имел не только профессиональное, но и субъективное происхождение. Дело в том, что в редакции «Знамени» о литературном сообществе Армении содержится много нелестных замечаний.

Так, в редакциях 1965 и 1967 гг. упоминается, что Гроссман не был встречен по приезду в Ереван. Но это сказано без упрекающей интонации. В редакции 1988 г. слышна обида: «...а я дал телеграмму о выезде писателю Мартиросяну, чью книгу приехал переводить. Я был уверен, что меня встретят, я даже думал, что встретит меня не только Мартиросян, но и другие писатели-армяне»⁴².

Затем Гроссман задается вопросом, почему же его не встречают. И наконец радуется, что его попутчики не видят, в каком нелепом положении он оказался: «Хорошо, что мои соседи по купе не видели меня на площади. Вчера я надменно отверг их попытки объяснить мне, какими автобусами должно добираться до гостиницы. Они поняли, что меня встретят на легковой».

В редакциях 1965 и 1967 гг. Гроссман огорчается, что оказался неинтересен местным литераторам, кому бы его ни представили. Один из них даже перепутал его с Л.П. Гроссманом и поинтересовался, не намеревается ли тот переиздавать «Записки д'Аршиака».

В редакции 1988 г. эта тема развивается, причем неблагоприятным для Гончар-Ханджян и ее товарищей образом. А именно – Гроссман описывает свою встречу с Боряном:

Редактор русского журнала «Литературная Армения» при нашем знакомстве не проявил даже микропризнаков интереса к моему прибытию в Армению – он не пригласил меня напечататься. Человеческого интереса редактор ко мне тоже не проявил – не задал одного-двух вопросов, которые задают из приличия, чтобы создать видимость человеческого общения⁴³.

⁴² Гроссман В. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 14.

⁴³ Там же. С. 18.

Заслуги Гроссмана перед армянским народом также не были учтены:

Подобным же образом встретились со мной и армянский поэт, и руководитель Союза писателей, и дама-поэтесса. Все это меня огорчило, – я слышал, что ереванская интеллигенция очень патриотична, очень чувствительна к тому, что пишут на иных языках об армянах. А случилось так, что я довольно много писал об армянах в своих военных статьях, в книгах «Народ бессмертен» и «За правое дело». И статьи мои, и «Народ бессмертен», и «За правое дело» были переведены на армянский язык, я получал от армян-читателей письма.

Оставалось утешаться предположением, что причиной непризнания был арест романа. Иначе бы среди армянских писателей нашлись те, кто свел бы с опальным писателем знакомство... На это же, видимо, намекала и Гончар-Ханджян, не преминув напомнить читателю, что столичные коллеги Гроссмана обходились с ним куда менее гостеприимно:

Но мне кажется, что неверно было бы сегодня судить о редакторе «Литературной Армении» Гургене Боряне по его безразличию в тот момент. В конце концов армянский поэт мог быть и мало знаком с творчеством Гроссмана, и далеко не вполне представлять себе значительность его как художника, зато до него наверняка дошло в свое время, с каким «небезразличием» обрушивались на Гроссмана куда более искушенные знатоки русской прозы, «сильные» и даже «все-сильные» литературного мира, ну, например, Мариэтта Шагинян или Александр Фадеев. Наверняка знал он что-то и о судьбе гроссмановского романа <...>⁴⁴.

Однако и такие аргументы не снимали всех претензий Гроссмана и не дезавуировали его замечаний относительно одаренности армянских товарищей по работе. Невольно складывается впечатление, что Гроссман их просто не считал писателями. Чиновниками – да, но не писателями:

Меня несколько утешило то, что некоторые мои собеседники отчетливо помнили приезды в Армению работников аппарата московского Союза писателей и даже приезды дамы, выдававшей в московском Литфонде путевки в дома отдыха и санатории. Меня утешил-

---

⁴⁴ Гончар-Ханджян Н.А. К истории публикации «Добро вам!» и к истории журнала «Литературная Армения». С. 81–82.

ло несколько и то, что совершенно сияющими были воспоминания об именитых московских гостях, чьи служебные заслуги, на мой взгляд, превосходили их заслуги перед литературой⁴⁵.

Словно Мастер, столкнувшийся с членами МАССОЛИТа.

Однако неприязненное отношение к армянским писателям могло также подпитываться чувством несоответствия, которое изводило Гроссмана. Большую часть времени он был подавлен и невольно возвращался к мысли, что он уже не писатель: «Причина (имеется в виду арест романа. – Ю. Б.-Ю.) горькая, ничего не скажешь. Но в подобном положении человек не склонен преувеличивать значение своей личности. И мне рисовалась причина еще более горькая – дело не в опале, дело в моем полном литературном и человеческом ничтожестве... Пигмей, пигмей, чего хочешь ты?»⁴⁶.

Кочару и составителю подстрочника – А.А. Таронян – Гроссман также дал характеристику, которая не вошла в редакции 1965 и 1967 гг.

Таронян представлена как грузная, но темпераментная женщина:

Переводчица Гортензия влезает в автобус боком, с грацией толстухи. Армянские юноши смотрят на нее глазами молодых волков. Ее успех здесь грандиозен, он пришел на смену московскому скептицизму, обращенному к ее титанической груди и легендарным бокам⁴⁷.

Кроме того, она не знает стеснения перед мужчинами: «Гортензия порывиста, добра, бесцеремонна, цинична. Она чистит друзьям-мужчинам ботинки, стирает им носки, подштанники, покупает для них на базаре яблоки и кислую капусту, снабжает их лекарствами, всегда готова поставить пожилому товарищу банки, а если нужно и мыльную клизму».

О Кочаре Гроссман пишет как о великом патриоте армянского народа, который «по выражению Анатоля Франса, любит хвалить господ в творениях его». Далее следует список «творений», которые Кочар ценит более всего: «А творения господа беспредельно разнообразны, к ним относятся не только внучки Евы, но и суп хаш, и суп спас, и шашлык из бараньих почек, и розовая форель, и сельский мацун, и вода джермук, и бильярд, и фаршированные синие баклажаны, и дом из розового туфа на берегу журчащего горного потока, и купе международного вагона, и беседа друзей, и кресло в президиуме...».

---

⁴⁵ Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 19.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 31–32.

Действительно, подобные характеристики могли оказаться обидными для товарищей Гроссмана, с которыми он провел несколько недель. И здесь уже, вероятно, становится правомерен аргумент о воле автора. Не исключено, что сам Гроссман не пожелал бы публикации этих фрагментов.

По этическим соображениям, очевидно, были сняты и некоторые ремарки, касающиеся церковной жизни Армении. В редакциях 1965 и 1967 гг. содержатся замечания Гроссмана о язычестве, так и не вытесненном христианством. Но только в редакции 1988 г. есть следующая ремарка: «Язычество живет и в самих храмах и церквях, оно в грубой материальности тех подношений, что делают заграничные миллионщики-армяне богу, – в массивном золоте, в огромных изумрудах, в алмазах, в пудовых серебряных купелях»⁴⁸.

Чуть ниже Гроссман признается, что его «особенно поразили неправдоподобно огромные изумруды и рубины, украшающие серебряные и золотые ризы, пудовые драгоценные переплеты евангелия, осыпанные крупными бриллиантами кресты», а затем восклицает: «Сколько очевидной любому ребенку неправды было в этом пышном переплете евангелия!».

Если описание Кочара, Таронян и организаторов поездки могли быть сняты – причем самим Гроссманом – как потенциально оскорбительные, то приведенные выше пассажи были бы расценены как вредоносные в политическом отношении. Публицистическая мысль Гроссмана сводима к тому, что церковь должна быть проста и скромна. Но эта мысль неизбежно задевала бы авторитет церкви, во-первых. А во-вторых, она привлекала бы в очередной раз внимание к самому факту существования религии как таковой в атеистическом Советском Союзе.

С другой же стороны, в официальной религиозности Армении было даже больше политики, чем культуры. Во время разговора с Вазгеном Первым Гроссман отчетливо ощутил сродство государственной и церковной жизни. Деликатно и осторожно об этом сказано еще в редакциях 1960-х гг. В полной же редакции эта мысль акцентирована:

Что-то внутренне объединяло их – коммуниста в отличном костюме, знатока армянской истории, владельца милой дачи, любителя вин и коллекционера, и патриарха церкви, европейски образованного филолога с телефонами на столе, воспитанного и светского человека.

Это «что-то», объединявшее их, было несходство Мартиросяна с тем, кто голодный, кашляющий, в рваной шинели горел пламенем

---

⁴⁸ Там же. С. 46–47.

революции, несходство Вазгена I с тем, кто, проповедуя слово божье, в счастливом озарении поднимался на костер.

Две великих идеи человечества: царства небесного и царства божия на земле – были представлены этими двумя людьми⁴⁹.

Неэтичными в 1960-х гг., очевидно, были сочтены и некоторые выражения, использованные автором для описания внешности армян, а также их нравов – поэтому ни в редакции 1965-го, ни в редакции 1967 г. мы их не найдем. В «Знамени» эти фрагменты приводятся.

Так, Гроссман объясняет себе обилие небритых мужчин тем, что «трудно брить железные бороды»⁵⁰. А наблюдая заклание овцы по дороге к Дилижану, Гроссман записывает: «Убийцы с добрыми, честными лицами разделяют окровавленное тело только что убитой ими овцы. Пошатываясь, идет упившийся пьянчуга. Вот она, грешная жизнь грешной долины»⁵¹. Действительно, характеристика, близкая к политнекорректной. Хотя публицистической установке Гроссмана это не противоречит: он описывает жизнь простого человека, а настоящая жизнь – именно такая.

Неэтичными показались и физиологические рассуждения и описания Гроссмана. Из редакции 1988 г. мы узнаем, что в тот день, когда он каялся перед овцой, он купил в сельмаге не «сердечные капли», а «пачечку пургена»⁵². На стариковских кальсонах, которые видел Гроссман во внутреннем дворе Еревана, в редакции 1988 г. проявляется особенность клинического характера – «обесцвеченные на ширинке [курсив мой. – Ю. Б.-Ю.] кальсоны армянских старцев»⁵³. Старик Андреас не просто усаживает свою мертвую супругу за стол – он хочет ее кормить⁵⁴. Этот образ, действительно, более пугающий.

Жалобы Гроссмана на здоровье становятся более конкретными и точными. Концовка третьей главы по редакции 1967 г. (четвертой – по редакции 1965 г., пятой – по редакции 1988 г.) перестает быть загадочной: становится понятно, что Гроссман ищет туалет⁵⁵.

---

⁴⁹ Там же. С. 49.

⁵⁰ Там же. С. 16

⁵¹ Там же. С. 39.

⁵² Ср.: Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 216; Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 22.

⁵³ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 207; Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 16.

⁵⁴ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 34; Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 8.

⁵⁵ См.: Гроссман В. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 17–18.

Эта же проблема упоминается и в последней главе очерка (армянская свадьба), однако исключительно в редакции 1988 г. Важно это описание, безусловно, не само по себе. Важен скорее вывод. Гроссман оказывается в крайне неудобном положении: он едет в автобусе с незнакомыми людьми, не говорящими по-русски. Кругом – каменная равнина. Но, на его удачу, водителю приходится заехать в автомастерскую. Рядом с ней – то, что нужно. Иронический рассказ Гроссмана о случившемся прерывается вдруг рассуждением об удаче:

Мне вспомнился один не любивший меня московский литератор; он говорил, что считает неудачников самой жалкой породой людей, а я, по его мнению, был типичным представителем вечных литературных неудачников. Прав ли он, думал я. Ведь поистине счастливое стечение обстоятельств спасло меня от позорной катастрофы. Все это так, конечно. Но если считать, что человеку отпущено определенное количество удачи и счастья, то не жалким ли образом я истратил их, ведь не на всемирную славу, не на блеск и богатство пошли сегодня мое счастье, моя удача⁵⁶.

Горестное заключение Гроссмана можно понять лишь с учетом его профессиональной биографии. В 1960 г. его роман был осужден. В следующем – конфискован. Сам Гроссман оказался бессилён вернуть рукопись. От неприкаянности приехал в Армению в качестве переводчика. И тут же выяснилось, что никому он неинтересен. Даже, в общем-то, Кочару, как следует из одного из писем к поэту и переводчику С.И. Липкину, с которым Гроссман дружил⁵⁷. Ко всему этому добавились проблемы со здоровьем... Но вот он, момент удачи: в роковую минуту до отхожего места Гроссман дотерпел.

А Кочар тем временем издает свою «Жизнь и судьбу».

В рукописи, опубликованной «Знаменем», содержались рассуждения не только о внешности, но и о национальном характере армян. Были они сняты при подготовке 1960-х гг. или же Гроссман представил сокращенный вариант, неизвестно. Однако эти рассуждения принципиально важны в публицистическом аспекте.

Композиционно эта часть очерка продолжает ту, в которой говорится о внешности армян – о том, насколько она бывает различна. Здесь Гроссман обращается к характеристикам внутренним. «Я встретил богатство человеческих характеров – в Ереване, в рав-

⁵⁶ Там же. С. 57–58.

⁵⁷ См.: *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М.: Книга, 1990. С. 88–89.

нинных и горных поселках, деревнях. Я встречал армян ученых, врачей, инженеров, строителей, старых революционеров, партийных деятелей, художников, журналистов. <...> видел убийц, стюга, спортсменов, леваков и ловкачей, видел беспомощных оболтусов, видел полковников и севанских рыбаков»⁵⁸, – среди армян есть представители всех профессий, есть герои высшей марки и грешники всех сортов. Однако больше всего Гроссмана впечатлили армянские старики:

Я видел деревенских стариков, перебирающих коричневыми пальцами янтарные четки, – огромный, почти столетний труд среди базальтовых камней не ожесточил и не огрубил их, в глазах их была мягкая улыбка, ум.

Опыт общения с простыми людьми рождает в сердце автора негодование на тех, кто видит не живых людей, а лишь стереотипы: «И тут мне приходят в голову ходячие представления об армянах, бытующие в жизни не только русского лабаза, армянские анекдоты – глупые и ошеломляюще сальные».

И плохо не только то, что подобные шутки оказались крайне живучи, но и то, что стереотипический образ создавался во многом при посредничестве русской литературы:

Горько, что самая великая литература Земли и величайшие представители этой литературы иногда прикладывали руку к недоброму делу создания ходячего образа армянина – торгаша, сластолюбца, хапуги. Как могло случиться, что великая литература работала на лабаз, на туполобое, шовинистическое человеконенавистничество?

То, что сначала кажется шуткой, может, по словам Гроссмана, привести к большой беде. Двадцатый век доказал это: «Только во времена Гитлера, после него во весь свой страшный рост встали вопросы национальной ненависти, национального презрения, национального превосходства».

Далее Гроссман рассуждает о таком понятии, как национальный характер. Существует ли он вообще – или же это химера:

Я говорил со многими десятками людей, у каждого, конечно, свои интересы, страсти, горести, надежды, своя судьба, свои друзья, свои враги... Что общего между жизнью, судьбой, горем, надеждой пожилого пастуха, живущего на склоне Арагаца, и молоденькой аспирантки,

---

⁵⁸ Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 10–13.

тоскующей о своем московском друге, пишущей работу о французской литературе XVIII века и жаждущей купить нейлоновую шубу.

И все же общее есть. Есть основа, которая объединяет миллионы человеческих жизней и судеб, подобно подземному источнику, который дал начало множеству «ручьев, бегущих среди лесов, горных камней, пустынных песков, молчаливых, задумчивых, ревущих, пенящихся, прозрачных и мутных».

Однако, вновь оговаривается Гроссман, любой национальный характер не может заменить характера индивидуального. Характер этнический – это не более, чем «окраска, цвет человеческого характера, кристаллическая форма человеческого характера».

При этом обязательным условием развития национального характера является развитие человеческого характера. А для этого необходима свобода:

Какое доброе, хорошее богатство приносит людям общение с людьми других наций в условиях свободы! Представьте себе наших русских умных, наблюдательных, веселых и добрых деревенских старух, стариков рабочих, парней, девчонок, попадающих в котел свободного человеческого общения с людьми Южной и Северной Америки, Китая, Франции, Индии, Англии, Конго.

Увидев и попробовав на вкус другую жизнь, рассуждает Гроссман, люди изменятся раз и навсегда. «И какой нищей покажется бесчеловечная слепота национальной ограниченности и государственной розни».

И далее – восклицание, также публицистическое в своей основе: «Поистине пора признать, что все люди братья».

Отсутствие свободы и, хуже того, репрессивная политика приводят, согласно Гроссману, к тому, что индивидуальный характер человека уничтожается, а национальный начинает использоваться как почва и одновременно инструмент спекуляции и эксплуатации. Более того, «реакция обоготворяет черты национального типа, и это обожествление национального и пренебрежение к человеческой сути так же нелепы, как уродливая и издевательская типизация образа армянина русским лабазом, – суть едина, лишь знак минус меняется на знак плюс».

Однако не только работники русского лабаза способствовали обесцениванию армянской культуры. Этим же занимались и пламенные армянские патриоты, с которыми встретился Гроссман, – просто характер мифостроения противоположный. Не в сторону минуса, а в сторону плюса:

Разговаривая с некоторыми интеллигентными армянами, я видел их большую национальную гордость – они гордились армянской историей, своими полководцами, своей древней архитектурой, поэзией и наукой. Что ж, прекрасно! <...> Но кое-кто из моих собеседников во всех областях человеческого творчества прежде всего особо выделял армянский национальный приоритет – в архитектуре, науке, поэзии.

Так, вспоминает автор, в подобных разговорах неизменно отмечалось «превосходство архитектурных достоинств древнего храма в Гарни над казавшейся им конфетной, примитивной архитектурой Акрополя». А некая «интеллигентная женщина» старательно объясняла Гроссману, что «гений Туманяна выше гения Пушкина».

Гроссман, прошедший войну и бывший свидетелем антисемитских кампаний в СССР, с печалью слушал о превосходстве армян над другими народами: «Мои собеседники, сами того не замечая, обедняли свои души и сердца тем, что переставали радоваться поэзии, совершенству архитектуры, величию науки, а видели в поэзии и науке лишь средство утвердить свое национальное превосходство. Это стремление бывает так фанатично, узко, что минутами кажется проявлением безумия».

В то же время он понимал, «что виновны в этом чрезвычайном утверждении национального армянского характера прежде всего те, кто на протяжении долгих веков попирали достоинство армян». Это и «турецкие убийцы, лившие невинную армянскую кровь», и «завоеватели-ассимиляторы», и «шутники-рассказчики армянских анекдотов...»

Таким образом, именно здесь публицистическая мысль Гроссмана получает композиционное и логическое завершение. Описание внешности, присутствующее в редакциях 1960-х гг., было лишь началом рассуждения о равенстве всех людей и необходимости этот факт признать. Мысли о национальном и индивидуальном характере должны были стать точкой в этом разговоре.

Существенному сокращению подверглась и политическая составляющая «Добро вам!». Из редакций 1960-х гг. исчезли то здесь, то там встречающиеся упоминания о советской лагерной системе. К примеру, присутствующая в редакциях 1965 и 1967 гг. фраза «К чему только люди не привыкают!» в редакции 1988 г. имеет продолжение: «К чему только люди не привыкают – к морю, к южному звездному небу, к любви, к тюремной койке и лагерной проволоке (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.)»⁵⁹. Одно из рассуждений

⁵⁹ Ср.: Гроссман, В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 226; Он же. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 32.

Гроссмана о жизни и смерти в редакции 1960-х гг. звучит так: «Вот я и думаю – мир противоречий, длиннот, опечаток, безводных пустынь, мудрых мыслей и дураков, мир страданий, нужды, труда, мир окрашенных вечерним солнцем горных вершин прекрасен. Не будь он так прекрасен, не было бы страшной, ни с чем не сравнимой смертной тоски умирающего человека». В редакции «Знамени» – иначе. Здесь публицистический диапазон шире: «Вот я и думаю: мир противоречий, длиннот, опечаток, безводных пустынь, *лагерных комендантов* (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.), дураков, мир окрашенных вечерним солнцем горных вершин прекрасен. Не будь он так прекрасен, не было бы страшной, ни с чем не сравнимой смертной тоски умирающего человека»⁶⁰.

Порой «вычищение» лагерной темы оказывалось неполным – и оттого производило цинический эффект. К примеру, в редакции 1965 и 1967 гг. о тете Гроссмана, Рахили Семеновне, сказано так:

Ей выпала нелегкая жизнь – она рано овдовела, ее сын Володя, химик-бактериолог, был репрессирован в 1937 году и умер в тюрьме, не хотел сознаться, что отравлял колодцы; ее дочь Нина, девушка удивительно милая и красивая, покончила самоубийством в день, когда ей вручили диплом с отличием об окончании химического института; ее младший сын Яша был убит на фронте во время кавалерийской атаки – он был бойцом-конником.

В редакции «Знамени» эта история звучит трагичнее:

Ей выпала нелегкая жизнь – *ее муж, экономист, был без вины репрессирован в 1937 году и умер на Колыме, ее сын Володя, читавший, несмотря на молодые годы, микробиологию в университете, был репрессирован и забит следователем в тюрьме*, не хотел сознаться, что отравлял колодцы; ее дочь Нина, девушка удивительно милая и красивая, покончила самоубийством в день, когда ей вручили диплом с отличием об окончании Химического института, ее младший сын Яша был убит на фронте во время кавалерийской атаки – он был бойцом-конником⁶¹.

Такие курьезы (если подобное слово в принципе применимо в подобном контексте) порой наталкивают на мысль, что советская цензура была селективной. И подчинялась, видимо, не столько

⁶⁰ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 245; Он же. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 44.

⁶¹ Там же. С. 235; Там же. С. 38.

качественным, сколько количественным параметрам. Из двух покойников сделали одного, понизив при этом градус жестокости. Все вроде бы логично: речь ведь о детях. К чему упоминать, что репрессирован был еще и муж?

Однако наиболее обширная правка коснулась образа Сталина. Даже не его образа, а образа возвышавшегося над Ереваном памятника Сталину.

Редакция 1967 г. не содержит этого описания вовсе. В редакции 1965 г. оно приведено в сокращенном виде (см. выше). В редакции «Знамени» это описание занимает особое место.

Гроссман рассказывает о том, как собирали этот памятник, как он был установлен в 1951 г., с каким неподдельным восторгом говорили о вожде на церемонии открытия и представители армянской интеллигенции, и школьники, и студенты, и партийные работники. «В характере Сталина выразился характер построенного им государства»⁶², – резюмирует Гроссман.

Еще подробнее рассказывает Гроссман о том, как он спорил с местными жителями, стоит ли сохранить памятник. В то время, как почти все они выступали за демонтаж, сам автор занял неожиданную, казалось бы, позицию. Он, раздраженный огульной критикой вождя, решил «замолвить словцо о причастности Сталина к созданию Советского государства». Но – безрезультатно. «Мои собеседники не хотели присвоить ему и кванта заслуг в строительстве тяжелых и сверхтяжелых заводов, в руководстве войной, в создании советского государственного устройства. Все совершилось вопреки ему, несмотря на него», – досадует Гроссман и обвиняет их в предвзятости: «Эта абсолютная необъективность могла быть сравнима лишь с той необъективностью, что, вероятно, проявляли эти же люди при жизни Сталина, в абсолютных формах обожествляя его ум, волю, предвидение, гений».

В очередную годовщину октябрьской революции в Ереване был салют. Гроссман и его товарищи находились в этот момент недалеко от памятника Сталину:

Светящийся, раскаленный дым клубился вокруг бронзовых ног хозяина. Казалось, генералиссимус в последний раз командовал своей артиллерией – мрак раскалывался грохотом и огнем <...> и вдруг из горной тьмы выступал грозный бронзовый бог в шинели.

Восхищенный эпической картиной Гроссман заключает:

---

⁶² Гроссман В.С. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 7–8.

Нет, нет, нельзя уже отнять от него того, что принадлежит ему, – он, он, совершивший множество бесчеловечных злодейств, безжалостный строитель, руководитель великого и грозного государства.

Эти замечания, конечно, субъективны. Однако Гроссман не говорил истины – он высказывал мнение. Важно, что в аспекте композиционном описание памятника служит своего рода фоном истории Андреаса. Этот фон позволяет рассмотреть несчастного безумца. И хотя эта связь прослеживается уже в редакции «Литературной Армении», в рукописи она видна отчетливо – и в первую очередь потому, что в рукописи проявляется связь между Андреасом... и самим Гроссманом, ассоциирующим себя со стариком, лишившимся рассудка.

По редакции 1965 г. мы угадываем, что Гроссман не испытывает антагонистического чувства к Сталину. В редакции же 1988 г. отношение к покойному вождю эксплицировано. Гроссман заявляет, что признает его заслуги. Именно страна, руководимая Сталиным, уничтожила фашизм. А фашизм отнял у Гроссмана мать. Поэтому Гроссман отдает политику Сталину дань уважения.

Андреас потерял всю свою семью. И остановить турок было некому. Поэтому его рассудок помутился. Но именно безумие и стало ему спасением. Оно принесло избавительную иллюзию, что его горе отмщено.

Об этом говорится в редакции, опубликованной «Знаменем». Полу жирным шрифтом выделены те фразы, которых нет в «Литературной Армении»:

Когда Андреас увидел исчезновение Сталина, он пришел в страшный гнев. Он потрясал посохом, он бросался на шоферов, на детей, на Карапета-агу, на студентов-лыжников, приехавших из Еревана.

Для него Сталин был победителем немцев. А немцы были союзниками турок. *Значит, памятник Сталину разрушили агенты турок. А ведь турки убивали армянских женщин и детей, казнили армянских стариков, бесчеловечно уничтожали мирных, ни в чем не повинных тружеников – крестьян, рабочих, ремесленников, убивали армянских писателей, ученых, певцов. Турки убили родных Андреаса, разрушили его дом, убили его брата. Турки убивали купцов-армян и армян-нищих, убивали армянский народ.* Против турок воевал великий Андроник-паша, русский генерал. *А главнокомандующим русской армии, разбившей могущественных союзников турок, был Сталин* (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.).

Весь поселок смеялся над гневом Андреаса – *он спутал две войны – в его безумном мозгу смешались 1914 и 1941 годы...* Сумасшедший старик требовал, чтобы гипсовый, покрытый золотой фольгой Сталин

вновь вернулся на площадь в Цахкадзоре – *ведь он разгромил немцев, победил Гитлера*. Люди смеялись над стариком – он был безумен, а люди вокруг не были безумны (курсив мой. – Ю. Б.-Ю.)⁶³.

Последний комментарий («а люди вокруг не были безумны») звучит иронично. Но ирония эта горькая. Горькая еще и потому, что некогда успешный московский литератор Гроссман соотносит свою судьбу с судьбой сумасшедшего армянского старика. Как и Андреас, Гроссман странен окружающим. Он одинок. И не слишком счастлив.

* * *

Таким образом, публицистическая мысль очерка оставалась неизменной во всех опубликованных в редакциях и могла бы быть заменена контекстным синонимом – гуманистическая мысль. По сути, выражена она в одном из последних абзацев «Добро вам!», сохранившихся в каждой опубликованной редакции: «Пусть обратятся в скелеты бессмертные горы, а человек пусть длится вечно»⁶⁴.

При этом следует отметить, что в редакции 1988 г. эта мысль выражалась наиболее полно, на большем количестве уровней. Автобиографические замечания, восстановленные при подготовке рукописи к публикации, включение более индивидуальных, интимных описаний и рассуждений, купированных в 1960-х гг., вербализовали публицистическую основу очерка и служили логическим завершением гуманистического высказывания.

Литература

- Аманжолова 2010 – Аманжолова Д.А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920–1930-е гг. М.: Собрание, 2010. 247 с.
- Билинкис Я.С., Билинкис М.Я. 1994 – Билинкис Я.С., Билинкис М.Я. «Горе от ума» на русской сцене // Проблемы творчества А.С. Грибоедова / РАН. Отд-ние лит. и яз., Пушкинская комиссия. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. С. 110–120.
- Бит-Юнан, Фельдман 2019 – Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. Василий Гроссман: биография писателя в политическом контексте советской эпохи. М.: РГГУ, 2019. 796 с.

⁶³ Ср.: Гроссман В.С. Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 34; Он же. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 9.

⁶⁴ Там же. № 7. С. 51; Гроссман В.С. Добро вам! // Добро вам! Рассказы. С. 271; Он же. Добро вам! // Знамя. 1988. № 11. С. 62.

- Бочаров 1970 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Критико-библиографический очерк. М.: Советский писатель, 1970. 303 с.
- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Бранденбергер 2017 – *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 405 с.
- Филиппов 1946 – *Филиппов В.А.* Ранние постановки «Горя от ума» // Литературное наследство. Т. 47–48. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 299–324.
- Ferrari 2011 – *Ferrari A.* Dobro vam! L'Armenia di Vasilij Grossman // L'Umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domani eterne / A cura di P. Tosco. Milano: Rubbettino, 2011. P. 429–446.
- Lazarev 2007 – *Lazarev L.* Una verità assoluta e sincera. Vasilij Grossman e la tradizione dei classici russi // Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo / A cura di G. Maddalena, P. Tosco. Milano: Rubbettino, 2007. P. 207–220.

References

- Amanzholova, D.A. (2010), *Formirovanie sovetskosti: natsionalnye menshinstva v etnopoliticheskom landshafte SSSR, 1920–1930-e gg.* [The formation of the “sovietness”. The national minorities in the USSR’s ethnic and political landscape, the 1920s – 1930s], Sobranie, Moscow, Russia.
- Bilinkis, Ya.S. and Bilinkis, M.Ya. (1994), “ ‘Woe from Wit’ on Russian theater stage”, in *Problemy tvorchestva A.S. Griboedova* [The issues of A.S. Griboedov’s legacy], TRAST-IMAKOM, Smolensk, Russia, pp. 110–120.
- Bit-Yunan, Yu.G. and Feldman, D.M. (2019), *Vasilii Grossman: biografiya pisatel'a v politicheskom kontekste sovetskoj epokhi* [Vasily Grossman. The writer’s biography in the political context of the Soviet era], RGGU, Moscow, Russia.
- Bocharov, A.G. (1970), *Vasilii Grossman. Kritiko-bibliograficheskii ocherk* [Vassily Grossman. Essays on his life and work], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasilii Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
- Brandenberger, D. (2017), *Stalinskii russotsentrizm: Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)* [Stalin’s Russia-centeredness. Soviet mass culture and the formation of Russian national self-consciousness (1931–1956)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Filippov, V.A. (1946), *Rannie postanovki “Gorya ot uma”* [The early staging of “Woe from Wit”], *Literaturnoe nasledstvo* [Literature legacy], Akademia Nauk SSSR, Moscow, USSR, vol. 47–48, pp. 299–324.
- Ferrari, A. (2011), “*Dobro vam! L'Armenia di Vasilij Grossman*”, in Tosco, P. (ed.), *L'Umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domani eterne*, Rubbettino, Milan, Italy, pp. 429–446.

Lazarev, L. (2007), “Una verità assoluta e sincera. Vasilij Grossman e la tradizione dei classici russi”, in Maddalena, G. and Tosco, P. (ed.), *Il romanzo della libertà. Vasilij Grossman tra i classici del XX secolo*, Rubbettino, Milan, Italy, pp. 207–220.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yury G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com

В обстановке взрыва:
конец XX века в публицистике Ю.М. Лотмана

Анастасия Г. Готовцева

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

(Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный

университет, Москва, Россия;

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН РАН), Москва, Россия,

brunhilda@yandex.ru

Дмитрий Э. Кузовкин

независимый исследователь, Таллинн, Эстония,

dkuzovkin@gmail.com

Аннотация. Проблемой данной статьи является применение теории взрыва к процессам конца 80-х – начала 90-х гг. в СССР в публицистических текстах Лотмана. В последние годы жизни, совпавшие с перестройкой и распадом СССР, Лотман нередко выступает в качестве публициста. Этому способствовали как внешние обстоятельства (научная слава и популярность телепередач «Беседы о русской культуре», обеспечившие ему беспрецедентно широкую для ученого-гуманитария аудиторию), так и внутренняя потребность, связанная со стремлением разобраться в быстроменяющихся обстоятельствах. Публицистика Лотмана тесно связана с его научным творчеством. Так, теория взрыва как культурного феномена, постепенно складывающаяся в его работах на протяжении 1980-х – начала 1990-х гг., нашла, возможно, неожиданно для самого автора, подтверждение в развале СССР. Реакция Лотмана на эти события была очень сложной. Как исследователь, он прекрасно осознавал природу и механизмы культурного взрыва, и в этом смысле действительность стимулировала его научные изыскания. Как «простой человек» (а именно так Лотман позиционировал себя), он был растерян и встревожен непредсказуемостью современного мира, что видно из его писем. Стремление соединить эти два полюса, занять некую гражданскую позицию, в которой трезвое понимание происходящих событий сливается с эмоциональной реакцией на них, заставило Лотмана обратиться к публицистике. Пафос своих публицистических выступлений ученый определял как «сдержанный оптимизм»,

балансирующий между надеждой и опасением. В этих текстах выделяются несколько пластов: автобиографический, исторический, теоретический. Объектом исследования являются публичные выступления позднего Лотмана, письма, автобиографический текст.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман, культура, взрыв, история, непредсказуемость

Для цитирования: Готовцева А.Г., Кузовкин Д.Э. В обстановке взрыва: конец XX века в публицистике Ю.М. Лотмана // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 134–152. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-134-152

In the setting of an explosion.
The end of the 20th century in journalism
of Yu.M. Lotman

Anastasiya G. Gotovtseva

*A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
brunhilda@yandex.ru*

Dmitry E. Kuzovkin

*independent researcher, Tallinn, Estonia,
dkuzovkin@gmail.com*

Abstract. The article is focusing on an application of the theory of explosion to the processes of the late 80s – early 90s in the USSR in the journalistic texts of Lotman. In the last years of his life, which coincided with perestroika and the collapse of the USSR, Lotman often acted as a publicist. That was facilitated both by external circumstances (scientific fame and the popularity of the TV shows “Conversations about Russian culture”, which provided him with an unprecedentedly wide audience for a humanities scholar), and an internal need associated with the desire to understand rapidly changing circumstances. Lotman’s journalism is closely related to his scientific work. Thus, the theory of the explosion as a cultural phenomenon, which gradually took shape in his works during the 1980s and early 1990s, found, perhaps unexpectedly for the author himself, confirmation in the collapse of the USSR. Lotman’s reaction to those events was very complex. As a researcher, he was well aware of the nature and mechanisms of the cultural explosion, and in that sense, reality stimulated his scientific research. As a “common person” (that is how Lotman positioned him-

self), he was confused and alarmed by the unpredictability of the modern world, as can be seen from his letters. The desire to connect these two poles, to take a certain civic position, in which a sober understanding of current events merges with an emotional reaction to them, forced Lotman to turn to journalism. The scientist defined the pathos of his publicistic speeches as “restrained optimism”, balancing between hope and anxiety. Several layers are distinguished in those texts: autobiographical, historical, theoretical. The object of the study is the public speeches of the late Lotman, letters, autobiographical text.

Keywords: Yu.M. Lotman, culture, explosion, history, unpredictability

For citation: Gotovtseva, A.G. and Kuzovkin, D.E. (2022), “In the setting of an explosion. The end of the 20th century in journalism of Yu.M. Lotman”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 134–152, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-134-152

Никогда предметом отдельного рассмотрения не становились публицистические статьи позднего Лотмана, которые следует рассматривать в контексте его научного творчества и эпистолярного наследия. Необходимо учесть исторический и биографический контекст создания этих текстов.

С 1986 г. Лотман получил доступ к огромной аудитории: с 1986 по 1991 г. было записано 35 телевизионных лекций «Беседы о русской культуре», которые затем транслировались по центральному телевидению, получив большое количество откликов, не только индивидуальных, но и коллективных. В этих лекциях граждане распадающегося СССР искали утешения и духовной поддержки. С другой стороны, они формировали самопозиционирование Лотмана как автора и актуализировали в его поздних текстах нравоучительные и проповеднические интенции и стиль. Для позднего Лотмана категория случайности связывается с вопросами личной ответственности. Лотман в ситуации исторического перелома сам ощущал ответственность перед историей. Его последние работы «переходили границу чисто академического нарратива, и в них звучала проповедь гуманистических идеалов». Таким образом, «взаимодействие с собственной аудиторией влияло на научную эволюцию Лотмана» [Кузовкина 2019, с. 131]. Г.И. Ревзин считал, что в «Беседах о русской культуре» «Лотман выступил в жанре телесериала» [Ревзин 1993, с. 213].

Цикл этих программ стал началом активной публицистической деятельности Лотмана. Его выступления в прессе становятся регулярными. В его библиографии – несколько десятков чисто публицистических статей, опубликованных как в центральной и местной

российской, так и в эстонской прессе. Идеи, высказанные в этих выступлениях, складываются в довольно стройную концепцию, о которой речь ниже.

Авторами были просмотрены 52 собранные в Лотмановском архиве русскоязычные печатные публикации профессора в так называемой перестроечной прессе 1987–1993 гг. Заметим на полях, что 9 из них не фигурируют в печатных и сетевых библиографиях ученого. Здесь не только интервью и публицистические заметки, но и публикации выступлений на научных конференциях. В этих текстах Лотман продолжал формулировать вопросы, которые занимали его и в научных культурологических студиях. Переживаемый им момент исторического процесса был для него и иллюстрацией к его текстам, и полевым материалом для дальнейших размышлений о механизмах истории, и – шире – о механизмах культуры. И в лекциях, и в статьях он подчеркивал, что нельзя исключать сознание из исторического процесса. Потому главная мотивация его откликов на предложения выступить в прессе – повлиять на выбор общества в обстановке происходящего перелома в стране. «Я не знаю, куда все будет направлено. Я знаю только то, что я должен делать. <...> Готовность к неожиданности означает отсутствие программы поведения, но предполагает наличие программы нравственности. Вы готовы не прозевать, готовы действовать в непредсказуемых условиях»¹, – говорил ученый в одном из интервью.

События перестройки и последовавшего за ней развала СССР – все то, что сам Лотман называл «точкой поворота» – стало для него внешним толчком для выступлений в прессе.

Название «В точке поворота» имел доклад, написанный для проводимой в Тартуском университете 22–24 марта 1991 г. конференции, посвященной 70-летию со дня смерти А.А. Блока. Суть этого доклада сохранили две публикации. Первая – это, собственно, тезисы конференции, сборник которых был подписан в печать еще 26 февраля [Лотман 1991], вторая – публикация доклада в «Литературной газете» 12 июня², которая очевидно, но неявно была приурочена редакцией к годовщине принятия декларации о государственном суверенитете РСФСР, а также ко дню выборов первого российского президента: уж слишком актуально смотрится она на фоне этих событий. Первый из этих текстов вовсе не

---

¹ *Лотман Ю.М.* Говоря о современности, я скажу вот что...: [Беседа с проф. Тарт. гос. ун-та Ю.М. Лотманом / Зап. Д. Ицкович] // Независимая газета. 1991. 16 июля. № 83. С. 7.

² *Лотман Ю.М.* В точке поворота // Литературная газета. 1991. 12 июня. № 23 (5349). С. 11.

является кратким содержанием второго, как могло бы показаться. Они разные и взаимодополняют друг друга.

Лотман прекрасно понимал, что сам находится в этой «точке поворота» или на линии «взрыва» («Взрыв – это линия между прошедшим и будущим»³), и его публицистические выступления той эпохи связаны, как кажется, с попытками осмысления происходящего (хотя он и сетовал, что его «эпоха взрыва» пришла слишком поздно и ему «хотелось бы быть лет на тридцать моложе»)⁴.

Возможно, эта «обстановка взрыва» и заставила Лотмана соглашаться на предложения дать интервью или опубликовать статью в СМИ – центральных или местных, выходявших в Эстонии, России, Швеции, Болгарии. Возможно, это была своего рода обоюдная необходимость.

Здесь оказались востребованы все размышления ученого и прежде всего, конечно, теория взрыва, которую он обдумывал с середины 1980-х гг. В рецензии Ревзина на «Культуру и взрыв» подчеркнуто, что автор в этой книге «спешит высказать очень важные для него (и ставшие потом столь же важными для всех) мысли, не успевая их развернуть» [Ревзин 1993, с. 212]. Последний вариант этой книги, над которой Лотман работал на протяжении нескольких лет, уже сдав в печать первый вариант, но постоянно дополняя текст, был подписан к печати в издательстве «Гнозис» в конце сентября 1992 г. О том, как все дописывалось, бесконечно правилось, можно судить по письмам к Ф.С. Сонкиной, в которых он называет этот труд «главной книгой», единственной настоящей и говорит, что чувствует себя как курица, снесшая яйцо⁵. Таким образом, этапы размышлений и череда выступлений в прессе совпали и, конечно, могли оказывать влияние друг на друга.

Но вернемся к докладу на конференции, посвященной Блоку. В публикации в «Литературной газете» изложена целая историософская концепция, для которой блоковский юбилей был хотя и важным, но все же лишь поводом. Лотману было важно говорить о современности, текст доклада очень публицистичен, недаром он был не в научном сборнике, а в центральной газете.

Подлинное понимание культурного значения эпохи Блока (шире – начала XX в.) вряд ли возможно в той относительно короткой

---

³ Лотман Ю.М. Все взрывные эпохи в истории описывают ретроспективно // Независимая газета. 1991. 4 дек. № 155. С. 7.

⁴ Лотман Ю.М. Говоря о современности, я скажу вот что...

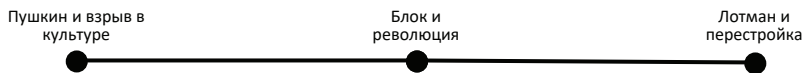
⁵ См.: Сонкина Ф.С. Юрий Лотман в моей жизни: Воспоминания, дневники, письма. М.: НЛО, 2016. С. 256, 288, 305, 308, 313.

перспективе, которая обычно в этой связи привлекается. Границы подлинного исторического периода, необходимого для понимания событий, пролегают значительно шире. Если один его край обозначить Пушкиным, а другой – переживаемым нами временем, то имя Блока окажется расположенным прямо в середине этого периода. Это хронологическая позиция глубоко символична. И из нее вытекает императивная необходимость взглянуть на Блока с позиции этих двух перспектив [Лотман 1991, с. 7],

– писал Лотман в тезисах. В докладе он нашел яркий образ:

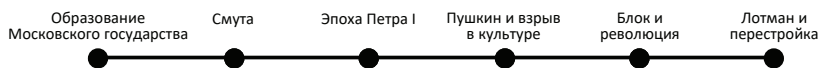
Если поместить острие воображаемого циркуля в эпоху Блока, то мы сможем очертить окружность, которая с одной стороны пройдет через время Пушкина, а с другой очертит границу нашего времени, которое кончилось менее, чем десятилетие назад, уступив место новому этапу, о котором пока еще рано говорить, как о предмете научно-исторического анализа⁶.

Таким образом, воспользовавшись циркулем, мы получаем следующую хронологическую прямую времени с расположением на ней «точек поворота»:

Конечно, данная схема вовсе не претендует на исчерпывающее отображение историософской концепции Лотмана. Да и сам ученый в данном случае, как кажется, такой цели перед собой не ставил. Это – некий каркас с реперными точками, позволяющими ориентироваться в историческом пространстве.

Используя исторические экскурсы научных и публицистических статей Лотмана, можно достроить эту схему более широко:

Обрисовывая эпоху от Пушкина до перестройки, Лотман выделяет как бы «свой» исторический период – «период от Пушкина до нас»⁷, который к нему наиболее близок и который,

⁶Лотман Ю.М. В точке поворота...

⁷Там же.

следовательно, легче всего попытаться осмыслить. И уже с этого своеобразного научно-публицистического пьедестала можно рассмотреть эпохи более далекие, например Московскую Русь, которую можно сравнить как раз с послеоктябрьским временем:

С конца XV до конца XVI и определенную часть XVII века охватывает период, в определенном смысле напоминающий время, которое мы не так давно пережили. Это эпоха складывания очень сильной государственности, это эпоха самоизоляции от Запада и представления, что западная культура порочна – греховна – и должна быть отстранена некоторой стеной. Все усилия должны быть направлены на сохранение исконной праведности⁸.

В тезисах Лотман сравнивал послеоктябрьскую и допетровскую эпоху с точки зрения развития культуры:

Мы можем отметить черты сходства между допетровской эпохой и искусством после Октябрьской революции <...> Речь идет не об определении «качества», а о структурной характеристике. Сопоставляемые нами эпохи роднятся тем, что эстетическая природа текста мыслится как средство, а не как цель <...> Искусству приписывается служебная роль пропагандиста истины, заложенные вне его пределы. Носителем же истины объявляется философия, идеология, теология, решения авторитетных органов – соборов или съездов. Причем хотя истина эта неизменно порождает споры и расколы, предполагается, что она едина и бесспорна, а все расхождения – результат наличия ортодоксов и еретиков [Лотман 1991, с. 10].

В этой «своей» эпохе от Пушкина до перестройки Лотман выделяет два периода – Петербургский с его открытостью и последовавший за ним «второй Московский» с идеей национальной замкнутости, отгораживая от врагов, идей, «которая противоречиво сочетается с концепцией мирового господства»⁹. В принципе, эти же периоды отделения можно увидеть и на более широких интервалах. От образования Московского государства до Петра – Московский период, от Петра до Блока – Петербургский, от Блока – снова Московский. Да и внутри одного периода каждый следующий его отрезок как бы отрицал предыдущий. Очевидно, это внутреннее свойство всех бинарных структур. Об этом, в частности, Лотман говорил на одной из лекций спецкурса

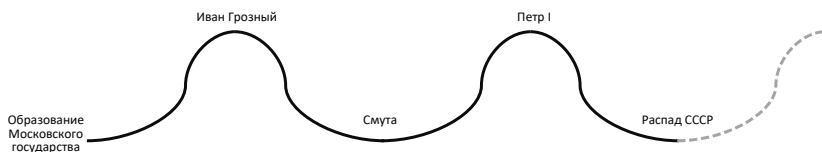
⁸Там же.

⁹Там же.

«Взрывные процессы в культуре», прочитанного осенью того же 1991 г.:

Государственная структура начинается с того, что вся предшествующая традиция должна быть уничтожена (Николай I молчит о своем брате, Александра как бы не было). При смене царствующих династий мы все время видим не продолжение, а отрицание (замена мундиров в армии, постоянное обновление)¹⁰.

Подобные построения условны, «реальность всегда бывает более размытой, а иногда неадекватной»¹¹. Но тем не менее интересно, что среди хронологических структур, выделяемых по разным параметрам в опубликованном «Литературкой» докладе, есть построение о двух волнах бытования Российского государства. Первая началась с момента возвышения Москвы и характеризовалась резким ростом централизации власти, который был бесконтрольным и характеризовался ее способностью подавить любое сопротивление. Она достигла своего пика в царствование Грозного, который был «вершиной бесконтрольной власти»¹², прошла через «топтанье на месте», связанное с царствованием Федора Иоанновича, Годунова и Самозванца, и, наконец, схлынула, придя к полному развалу вековой государственности. Затем при первых Романовых началось новое накопление сил и стала подниматься вторая волна, достигнув своего апогея при Петре I. «Завершением этой второй волны мы являемся свидетелями»¹³.

Подразумевалось, таким образом, что в точке распада СССР должен начаться новый подъем.

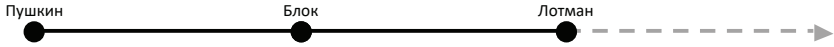
Этот же отрезок будущего, только начинающийся и неизвестный, можно достроить в первой схеме, если поставить иглу циркуля в точку «Лотман».

¹⁰ Лотман Ю.М. Основы культуры имперского мышления: [рукописная запись], октябрь 1991 г. // Личный архив В.С. Парсамова.

¹¹ Лотман Ю.М. В точке поворота ...

¹² Лотман Ю.М. Основы культуры имперского мышления...

¹³ Лотман Ю.М. В точке поворота...

Но каким он будет? Можно ли как-то повлиять на него? Какое влияние на него может оказать прошлое? Конечно, Лотман, исследуя прошлое, не мог не задаваться вопросами о будущем. Что же касается собственно структурируемого прошлого, то здесь мы имеем довольно известную лотмановскую концепцию, неоднократно проговоренную и в его публицистике: «Историк – это пророк, который предсказывает прошлое. И предсказывает его, естественно, безошибочно <...> Но если она (история) не содержит непредсказуемости, то она исчерпана в момент рождения первого человека»¹⁴.

Но история существует, потому что на самом деле все сложнее, и она предсказуема лишь «до той точки, в которой мы находимся. Ни одно из объяснений истории, ни одна концепция не объясняла человеку, что делать завтра»¹⁵. В то же время «историческое движение можно рассматривать как процесс потери неиспользованных путей и одновременно столь же неотвратимый процесс постоянного зарождения [бесконечного] числа альтернативных дорог» [Лотман 1991, с. 8].

Как только выбран один из путей, остальные «сгорают», но дальше «происходит следующий шаг: историк второй раз возвращается назад. И отсюда идет уже не как историк, а как художник. А художник, воссоздающий прошлое второй раз, вводит в него высокую свободу. Вот, пожалуй, основная функция искусства. Она позволяет проиграть те вероятности, которые жизнь не проиграла»¹⁶. Таким образом, «искусство и литература дают возможность проиграть нереализованные варианты. Искусство – опыт того, что не произошло»¹⁷. И опыт этот очень важен, потому что может и должен влиять на будущее. В то же время «предсказания будущего – занятие, лишенное смысла, ибо сущность будущего в его

¹⁴ Лотман Ю.М. К понятию «взрыва» в динамических процессах культурной деятельности человека: (конспект лекции) // Московский университет. 1992. № 5 (3752). С. 9.

¹⁵ Лотман Ю.М. Все взрывные эпохи в истории описывают ретроспективно...

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лотман Ю.М. История неслучившегося – великая и очень важная история: [Интервью] // Ступени: газета Московского совета и АО «Мост». 1992. № 5. Май. С. 1.

непредсказуемости, в его потенциальной возможности пойти по какой-то одной из множества дорог, и именно это придаёт поведению современника этическую ответственность и требует от него активности» [Лотман 1991, с. 11]. Невозможно быть пассивным, потому что «история имеет альтернативу – всегда. И поэтому пассивность – это действие <...> Пассивность – это поступок. И я считаю, что значительная наша беда состоит в том, что мы очень долго собирались. <...> Мы слишком долго ждали и поэтому не готовы. Напрасно думать, что чем больше ждешь, тем больше готов»¹⁸.

Ответственность же необходима потому, что в момент взрыва резко возрастает непредсказуемость и возникает свобода выбора – того, который определит будущий путь развития.

Чтобы этическая ответственность и активность были возможны в обществе, необходимо уделять время гуманитарному образованию, чтобы воспитать гуманистические ценности. Об этом Лотман много говорит в своих интервью практически с начала перестройки:

Если мы хотим выиграть генеральное сражение в познании мира, в борьбе за гуманистические ценности <...> необходимо наступление по всему культурному фронту <...>. Нельзя допустить, чтобы вымирали целые отрасли гуманистического знания, чтобы непоправимо бледнел культурный генофонд общества <...>. Одно из решающих обстоятельств – подготовка гуманитарных кадров <...> которая находится в крайне запущенном состоянии¹⁹.

Своеобразным мерилom культурного развития становится для Лотмана поздний Пушкин – «учитель жизни»²⁰, как он его называет:

В подлинной культуре ничего не умирает <...> Были ведь после смерти Пушкина эпохи, когда он, казалось, был отменен, его переставали читать – и почитать. Но потом он снова возвращался <...> Отчасти он наше историческое прошлое, отчасти – культурное будущее²¹. Усилия, направленные на возрождение пушкинской роли искусства в культуре, могут иметь поистине судьбоносный характер [Лотман 1991, с. 11].

---

¹⁸ Лотман Ю.М. Говоря о современности, я скажу вот что...

¹⁹ Лотман Ю.М. История культуры: движение в будущее: [Интервью записала Т. Меньшикова] // Советская культура. 1987. 7 мая. С. 3.

²⁰ Лотман Ю.М. Замыслы гения // Известия. 1986. 28 дек. С. 3.

²¹ Лотман Ю.М. История культуры: движение в будущее...

Б.Ф. Егоров утверждал, что «Лотман всегда в своем пути по жизни и науке, при постоянных нравственных коллизиях, вызванных сложностями нашего общества, при постоянной проблеме выбора оглядывался на Пушкина, делая его ориентиром и идеалом»²².

Пражский профессор Мирослав Дрозда в письме Лотману, написанном по поводу прочтения написанной им биографии Пушкина, также подмечал эту соотнесенность поэта и его биографа:

Читая о Пушкине, я постоянно думал о тебе, о твоей творческой, мужественной работе, о неиссякаемом источнике жизнерадостного внимания ко всему живому вокруг тебя, о твоей доброте и о твоём глубоком укоренении в родной русской культуре, которое ты сумел превратить в раскрытие общечеловеческого смысла национальной творческой памяти²³.

Ф.С. Сонкина вспоминала:

Нужно специально отметить, что все годы я чувствовала особую близость Ю.М. к личности Пушкина, всегда знала, еще до появления «Биографии», что для Ю.М. жизнь поэта была неким эталоном мужества, оптимизма и даже, не боюсь этого слова, некоторой дерзости. Не случайно, как я замечала, стихотворные строки Пушкина он повторял в разных своих работах, отнюдь не посвященных поэту. Юра хотел строить свою жизнь, как строил свою Пушкин²⁴.

Да и сам Лотман в одном из интервью 1982 г., отвечая на вопрос «что мнение вы цените превыше других?», признавался:

Кроме личной памяти есть общая, зовется она «культура». В памяти нет разницы между живыми и мертвыми: все живы, со всеми можно говорить, выслушивать их укоры или одобрения. Отсюда и ответ на последний вопрос: выше всего ценю мнение Пушкина и очень боюсь его осуждения²⁵.

²² Егоров Б.Ф. О Ю.М. Лотмане-пушкинисте // Русская литература. 1994. № 1. С. 227.

²³ Дрозда М. Письмо Ю.М. Лотману. 07.02.1982, Прага // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. [Вып.] 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт. Ч. 2. С. 560.

²⁴ Сонкина Ф.С. Юрий Лотман в моей жизни. С. 79.

²⁵ Лотман Ю.М. Жить только в Тарту: интервью // Воспитание души. СПб.: Искусство-СПБ., 2003. С. 80 (впервые на эстонском языке: Noorte Nääl. 1982. 28 veeb).

Актуализации пушкинской тематики, которой сам Лотман посвятил в своем творчестве ни одну сотню печатных страниц, в культурном пространстве в немалой степени способствовали юбилейные даты – 150-летие гибели поэта (1987) и приближающееся 200-летие со дня рождения, до которого Лотман не дождал, но специально посвятил ему одно из своих интервью. Пушкин – маркер культурного развития, и по отношению к нему можно судить об уровне культуры, а следовательно, и об уровне той самой ответственности перед будущим, которая была так важна для Лотмана: «К Пушкину складывается отношение трагической глухоты, свидетелями которого, к сожалению, мы будем и в дальнейшем». С этим связан кризис пушкиноведения, который ученый очень остро переживал, говоря об актуализации темы «Пушкин и дамы» как знаке этого кризиса, о том, что «нынешний этап пушкиноведения – этап распутья», о том, что нет настоящих профессионалов, а Пушкина начинают изучать все подряд, что само по себе, может быть, и неплохо, но «к сожалению, под флагом права на “своего Пушкина” часто “свой” остается, а Пушкин исчезает»²⁶.

Таким образом, Лотман переводил вопрос о том, что делать в обстановке взрыва, из области политики в область искусства и культуры: «Политика чем-то приближается к поэзии, она индивидуальна, она требует личности»²⁷; «Если мы думаем, что искусство – вещь не первостепенная, это в силу нашего ограниченного мышления»²⁸; «Искусство может быть названо фабрикой информации, и в этом смысле дает свободу и позволяет все время экспериментально проверять жизнь»²⁹, – утверждал он.

И Пушкин, являющийся для Лотмана точкой отсчета «своего» времени, которое разрезается на две части эпохой Блока – все это прошлое, которое можно лишь «проигрывать» средствами искусства, а вот то, что должно произойти в системе, центром которой является сам Лотман, находясь в «обстановке взрыва» – оказывается для ученого крайне важным. Ведь это только в исторической перспективе взрыв дает новый шанс, а в повседневной жизни переживать его очень тяжело:

---

²⁶ Лотман Ю.М. Пушкин 1999 года: каким он будет? // Таллинн. 1987. № 1. С. 61.

²⁷ Лотман Ю.М. Говоря о современности, я скажу вот что....

²⁸ Лотман Ю.М. Мы живем потому, что мы разные // Известия. 1990. № 55 (22958). 24 февр. С. 7.

²⁹ Лотман Ю.М. Все взрывные эпохи в истории описывают ретроспективно...

Переживаемый нами момент – еще один пункт поворота в культуре. И, как и все другие, он чреват непредсказуемостью. Непредсказуемость – универсальная черта бурного развития – в данном случае становится элементом самосознания. Обилие открывающихся дорог составляет потенциальную силу эпохи, но субъективно в сознании современников оно выражается чувством растерянности, особенно у людей, воспитанных эпохой «полной» ясности [Лотман 1991, с. 12].

И Лотман становится своего рода проповедником, который пытается помочь максимально сохраниться после взрыва, который в бинарных структурах уничтожает все или почти все, и людям придется противостоять обстоятельствам, как мог противостоять им Пушкин. «Пушкин – скульптор, торжествующий над материалом и подчиняющий его себе»³⁰, – писал он Б.Ф. Егорову.

Противодействуя обстоятельствам, необходимо внимательно относиться к окружающим, к их мнению, тем более если оно не совпадает с собственным: «общество человеческое держится на различии между людьми»; «надо ценить в каждом человеке другого и обеспечивать ему это право быть другим»; «общество – это не набор солдат, это оркестр, где каждый инструмент ведет свою, самостоятельную мелодию»³¹.

Сюда же примыкают рассуждения о том, как соотнести русский язык и русскую литературу с эстонской культурой в эстонской школе. И вообще – вопросам межнациональных отношений (последнее было связано, в частности, с выходом в Эстонии закона «О языке») [Лотман 1988; Лотман, Киселева 1988]³².

Сразу в нескольких публикациях возникает образ библейского ковчега, на котором можно спастись, если только не «раскачивать» его:

Мы на одном корабле плывем, все вместе <...> И нам или плыть или тонуть. И нам на этом корабле споры необходимы, дискуссии

³⁰ Лотман Ю.М. Письмо Б.Ф. Егорову. Октябрь 1986 г., Тарту // Лотман Ю.М., Минц З.Г. – Егоров Б.Ф. Переписка, 1954–1993. СПб.: Полиграф, 2018. С. 602.

³¹ Лотман Ю.М. Мы живем потому, что мы разные...

³² Ср. : Лотман Ю.М. В.И. Ленин: «Тут надо быть 100 раз осторожным»: [ответ на письмо в редакцию] // Вперед. Тарту. 1988. 2 июля. С. 2; *Он же*. Закон о языке нужен // Молодежь Эстонии. 1988. 1 нояб. С. 2; *Он же*. Кому нужен закон о языке? // Вперед. Тарту. 1989. 14 янв. С. 2; *Он же*. Ошибающимся друзьям // Советская Эстония. 1990. 21 нояб. С. 3.

нужны, нужна свобода дискуссий. Запрещено убийство. Запрещено пролитие крови, потому что потонем все³³;

Мы все плывем в одной лодке: или мы все вместе утонем, или все вместе спасемся. Спаситься же в одиночку не удастся никому. Единственный способ спастись – быть бодрым и помогать ближнему³⁴;

Передовые мероприятия, различные своевременные реформы срывались силами косности, привычки, бюрократии, наконец, и всем тем, что мы теперь называем «силами застоя», традиция которых в России очень сильна. Когда мы говорим о необходимости нового мышления, мы, сами того не понимая, решаем для себя гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Причем мы имеем вполне реальную перспективу «не быть» уже на уровне наших внуков, в том случае, если это новое мышление не обречет. Бюрократия может отказаться от него, опершись, как всегда, на незримо присутствующий во всех ее рассуждениях тезис: «Мне хорошо за счет того, что другому плохо», но в том-то и дело, что все мы сидим в одной лодке и, если потонем, то все вместе³⁵.

Призывы к улучшению будущего посредством искусства и – шире – культуры (которая определялась как единство науки и искусства)³⁶ на основе ответственности и активности – вот, как кажется, основной философский пафос поздней публицистики Лотмана.

Что можно изменить в процессе развития и какова цель этих изменений? В заключении своей книги «Культура и взрыв» Лотман писал о переживаемом им периоде: «Теоретически он осознается как победа реального, “естественного” развития над неудачным историческим экспериментом». Он говорил, что надо отказаться от «подстегивания истории», после взрыва перестройки и распада СССР вообще отказаться от развития с применением «техники взрыва», которая есть «суровый диктат бинарной исторической структуры» [Лотман 1992, с. 270].

В «блоковском» докладе эту структуру Лотман называл «традиционной моделью» отечественной цивилизации, которая «рисует» в тех чертах, которые ей придавали многочисленные

---

³³ Лотман Ю.М. Мы живем потому, что мы разные...

³⁴ Лотман Ю.М. Что я мог бы пожелать... // Вестник Тарту. 1992. 4 янв. С. 1.

³⁵ Лотман Ю.М. Беседы с профессором Лотманом // Ленинградский университет: дайджест. 1991. 12 апр. № 13–14 (3278–3279). С. 9.

³⁶ Лотман Ю.М. О природе искусства // Alma mater. 1990. № 2 (4), окт. С. 2–3.

антиутопии: культурная унификация, всемирная казарма, полное уничтожение индивидуальности»³⁷. Необходимо «перейти на общеевропейскую тернарную систему», а пропустить же предоставленную эпохой возможность равносильно исторической катастрофе. Фраза эта завершает «Культуру и взрыв» [Лотман 1992, с. 270].

В «блоковском» же докладе мы видим описание самой этой тернарной структуры – то есть того, как Лотман представлял себе государственность на пространстве страны, которая через два месяца после публикации доклада перестанет существовать не только де-факто, но и де-юре. Он называет ее «Большая Структура», которая должна строиться на основах «Большой Культуры»:

Подлинная жизнеспособная Большая Структура <...>, чтоб сохранить жизнеспособность, <...> должна не потерять структурного двуединства – способности быть одновременно единой и бинарной. Это означает, что будущая Большая Культура должна будет не только сохранить, но и культивировать структурное различие ее частей, разнообразие своих внутренних языков <...>. Только различно организованные части нужны друг другу, между тем как насильственно организуемые унифицированные структуры, которые распространились количественно, подавляют внутреннее разнообразие, лишь ускоряют тем самым момент развала.

Однако эта двойственность жизнеспособна, только если одновременно является единством. Последнее, однако, достигается не внешним насилием, а подключением структуры, при которой каждая минимально замкнутая частица подобна (изоморфна) целому, и в этом смысле является целым. Мы снова сталкиваемся с той функционально, наиболее эффективной системой, троичность которой достигается одновременным слиянием бинарной и унифицированной структур³⁸.

Но Большая Структура не состоялась. В переписке и мемуарных записях Лотмана 1993 г. звучит разочарование.

Может быть, мы преувеличиваем оглушительные внешние водороты событий, произошедшие перемены. Может быть, где-то в каком-то кабинете кто-то повернёт какой-то винтик, и вдруг под новыми именами всё окажется на тех же местах. Может быть, пережитая нами

³⁷ Лотман Ю.М. В точке поворота...

³⁸ Там же.

революция была революцией названий. Эти ночные страхи я стараюсь днем прогонять³⁹,

– надиктовал он в сентябре 1993 г.

Несколькими месяцами ранее в письме Б.А. Успенскому Лотман признавался, что ему более всего «не хватает» прошлого, настоящее скучно, о будущем он не думает. Возможно, причиной такого взгляда было то, что, по выражению самого ученого, он подходил «к своей последней черте». Но к этому чувству какой-то обреченности не могло не примешиваться и понимание того, что Большая Структура и Большая Культура не состоялись из-за слишком стремительного отказа от прошлого. Взрыв снова разрушил то, что надо было постараться сохранить: «Вообще, мы настолько стремительно отделились от прошлого, не имея при этом реального настоящего, что не только теоретически, а в каждодневном быту ощущаешь себя в состоянии невесомости и нереальности»⁴⁰.

* * *

В эпицентре экзистенциального и мировоззренческого кризиса размышления человека о будущем трагичны, ему кажется, что «Мир соскальзывает в безумие» – именно так называлась статья Лотмана от июня 1991 г. Написана она была по поводу армяно-азербайджанского конфликта, но некоторые ее цитаты универсальны и звучат как откровение в каждой «точке поворота»:

Я вынужден наблюдать то клиническое безумие ненависти, которое охватывает целые пространства нашей земли. <...> Я жалею тех <...> кто ослеплен ненавистью. Неужели же они не видят, что ими играют и что те, кто сейчас, из-за кулис, разжигает кровавый туман, завтра направят удар против них? То, что делают их руками, очень скоро сделают с ними чьими-нибудь третьими. А те, кто стоит за кулисами, выступают как миротворцы, когда сочтут, что обе стороны пролили достаточно крови;

Эпоха мелких конфликтов и частных столкновений кончилась. Мир един, и то, что происходит на одном конце, неизбежно отзывается на другом. Спрятаться не удастся никому. Колокол звонит по каждому из нас.

---

³⁹ Лотман Ю.М. [Неопубликованный мемуарный текст. 16.09.1993] // Библиотека Тартуского ун-та. Фонд 136. Ед. хр. 296. Л. 11.

⁴⁰ Лотман Ю.М. Письмо Б.А. Успенскому, 21.01.1993 // Ю.М. Лотман – Б.А. Успенский. Переписка 1964–1993. Таллин: Изд-во ТЛУ, 2016. С. 616.

Спасти мир от безумия должен, по мнению Лотмана, тот слой общества, к которому он принадлежал сам, то есть интеллигенция или та же Культура:

В момент, когда мир соскальзывает в безумие и национальная и религиозная вражда, кажется, рвется возвратить нас в эпоху средних веков, конечно, на интеллигентов всех народов ложится историческая миссия остановить эскалацию безумия;

Кто откроет нам глаза, нам – интеллигентам этой трещащей империи, кто откроет глаза русской интеллигенции?⁴¹

Однако чем дальше от линии взрыва, тем менее эмоциональными становятся размышления.

Спустя два с половиной года после распада СССР и связанных с этим событий Лотман дал оптимистичный прогноз, он верил в появление его Большой Структуры во вновь воссозданной стране, которая должна срastиться, как гоголевская свитка. В одном из последних интервью ученый сказал:

Сейчас, я думаю, мы будем присутствовать при очень интересном процессе – собирании России. Знаете, как у Гоголя свитка, которая срastалась, – она будет срastаться; сейчас ее разрежут, будет отдельно Украина и что-то еще. Но постепенно свитка будет срastаться, даже не понять, почему она будет срastаться, экономически это уже не обязательно. Но вот я умру, а вы скажете: а он-то все соврал, или скажете: нет, что-то такое есть. Я думаю, что будет срastаться. И восстановится приблизительно в старых границах. Конечно же, исключая Польшу. Польша никогда не была Россией, это совершенно другое. А вот Кавказ – очень может быть, на каких-то особых правах, на отдельных условиях...⁴²

Итак, в конце 1980-х – начале 1990-х Лотман в происходящих событиях увидел реализацию своей историософской модели. Это заставило его выступить в качестве публициста в многочисленных интервью и статьях для СМИ. Наука и публицистика таким образом оказались воплощением единого семиотического подхода, в центре которого стоит теория «взрыва».

---

⁴¹ Лотман Ю.М. Мир соскальзывает в безумие // Вперед. Тарту. 1991. 8 июня. № 65 (889). С. 1.

⁴² Город и время: беседа с проф. Ю.М. Лотманом / беседовал И. Евлампиев // Метафизика Петербурга. СПб.: Эйдос, 1993. С. 91.

Литература

- Кузовкина 2019 – *Кузовкина Т.Д.* «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана: текст и аудитория // Динамическая структура текста. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2019. С. 121–133.
- Лотман 1988 – *Лотман Ю.М.* Давайте подумаем...: (О проблемах преподавания русского языка в старших классах) // Русский язык в эстонской школе. 1988. № 5. С. 43–52.
- Лотман 1991 – *Лотман Ю.М.* В точке поворота // А. Блок и русский постсимволизм: тезисы докладов научной конференции, 22–24 марта 1991 г. Тарту, 1991. С. 7–13.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
- Лотман, Киселева 1988 – *Лотман Ю.М., Киселева Л.Н.* Винават ли Пушкин в том, что ученики эстонских школ плохо знают русский язык? // Русский язык в эстонской школе. 1988. № 2. С. 3–9.
- Ревзин 1993 – [Рец.]: *Г.И. Ю.М. Лотман «Культура и взрыв»*. М.: Гнозис, 1992 // Вопросы искусствознания. 1993. № 1. С. 212–216.

References

- Revzin G.I.* (1993), “Yu.M. Lotman Culture and explosion. M.: Gnosis, 1992”: [review]. *Voprosy iskusstvoznaniia* [Questions of art history], No 1, pp. 212–216.
- Kuzovkina, T.D. (2019), “ ‘Conversations about Russian culture’ by Yu.M. Lotman. Text and audience”, *Dinamicheskaiia struktura teksta* [Dynamic text structure], Izdatel'stvo Jagellonskogo universiteta, Krakov, Poland, pp. 121–133.
- Lotman, Yu.M. (1988), “Let's think...: (On the issues of teaching the Russian language in high school)”, *Russkii iazyk v estonskoi shkole* [Russian language in the Estonian school], no. 5, pp. 43–52.
- Lotman Yu.M. (1991), “At the turning point”, in *A. Blok i russkii postsimvolizm: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, 22–24 marta 1991 g.* [A. Blok and Russian post-symbolism. Proceedings of the scientific conference, March 22–24, 1991], Tartu, Estonia, pp. 7–13.
- Lotman, Yu.M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Gnosis, Moscow, Russia, 272 p.
- Lotman, Yu.M. and Kiseleva, L.N. (1988), “Is Pushkin to blame for the fact that pupils of Estonian schools do not know Russian well?”, *Russkii iazyk v estonskoi shkole* [Russian language in the Estonian school], no. 2, pp. 3–9.

Информация об авторах

Анастасия Г. Готовцева, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия; 115035, Россия, Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 51/21; brunhilda@yandex.ru

Дмитрий Э. Кузовкин, независимый исследователь, Таллинн, Эстония, dkuzovkin@gmail.com

Information about the authors

Anastasiya G. Gotovtseva, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 33, Sadovnicheskaya St., Moscow, Russia, 115035;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117418; brunhilda@yandex.ru

Dmitry E. Kuzovkin, independent researcher, Tallinn, Estonia, dkuzovkin@gmail.com

УДК 808.2

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-153-162

Медиатизация как фактор закрепления аналитических тенденций в грамматике: по материалам газетного подкорпуса НКРЯ

Елена П. Буторина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, butorinaelena@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена оформлению падежных окончаний топонимов с суффиксоидом – *поль* в медиатекстах на русском языке. Целью исследования является выявление и описание грамматических форм топонимов этой словообразовательной модели в косвенном падеже в сочетании с апеллятивом. В задачи исследования входило выявление предпочитаемых вариантов грамматического оформления и описание условий такого выбора. Используются материалы газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: медиадискурс, тег, топоним, аналитизм, грамматика

Для цитирования: Буторина Е.П. Медиатизация как фактор закрепления аналитических тенденций в грамматике: по материалам газетного подкорпуса НКРЯ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 153–162. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-153-162

Mediatization as a factor in the consolidation of analytical trends in grammar. Based on the materials of the newspaper subcorpus of the RNC

Elena P. Butorina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
butorinaelena@gmail.com*

Abstract. The article deals with the investigation in case endings of toponyms with the suffixoid – *поль* in mediatexts in Russian. The purpose of the study is to identify and describe the grammatical forms of toponyms of the

---

© Буторина Е.П., 2022

derivational model in the oblique case combined in with appellatives. The task of the study included identifying preferred grammatical options and describing the conditions for such a choice. The materials of the newspaper subcorpus of the Russian National Corpus were used.

Keywords: media discourse, teg, toponym, analytic abilities, grammar

For citation: Butorina, E.P. (2022), “Mediatization as a factor in the consolidation of analytical trends in grammar. Based on the materials of the newspaper subcorpus of the RNC”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 153–162, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-153-162

Исследование связи между системным представлением языковых явлений, их нормированием, кодификацией и актуальными дискурсивными практиками позволяет изучать язык как динамическую, постоянно изменяющуюся систему. Традиция обращения к взаимоотношениям системы, нормы и узуса для анализа и описания фактов и явлений языка является довольно давней.

Изменения узуса, со временем находящие отражения в норме, а затем рано или поздно затрагивающие и систему, наиболее наглядно проявляются в медиадискурсе. Вследствие своей особой роли в современных социальных коммуникациях, определяемой массовостью и скоростью распространения речевых произведений, а также контактом с разными сферами функционирования языка, дискурсивные практики медиа не только отражают черты речевого поведения, принятые в разных условиях взаимодействия членов того или иного языкового сообщества, но и заметно трансформируют выбор и оформление единиц и конструкций во всех областях коммуникации и формах реализации языка, определяя тенденции развития языковой системы и изменения регулирующих ее норм.

Природа языковой нормы предполагает, с одной стороны, тесную связь с системой языка на разных уровнях, но при этом в качестве ведущего механизма изменения языковых норм выступает появление вариантов и их конкуренция в массовом узусе. Изучение языковых фактов и явлений как средств организации социального опыта в процессе массовой речевой коммуникации предполагает не только выявление варьирующих единиц и конструкций в узуальных дискурсивных практиках медиа, но и описание условий и механизмов выбора и функционирования таких вариантов.

Исследователи причисляют вариативность к фундаментальным свойствам языковой системы, которое проявляется в ее функционировании – массовых узуальных практиках. Вариантность

определяется как «присущая языку способность к образованию изменений, модификаций одной и той же языковой единицы на разных уровнях языка»¹. Варианты при этом понимаются как «разные проявления одной и той же сущности, например, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой»².

Проблема вариативности сочетаний слов с наличием/отсутствием согласования топонима с аппеллятивом в русском языке давно привлекала внимание лингвистов. Публикации по этой теме содержат разные выводы и рекомендации. В частности М.В. Панов указывал на особенность устного общения, характеризуемую тем, что «сквозь все запреты пробивается стремление не склонять некоторые разряды собственных имен», приводя в пользу своего утверждения такие примеры, как: *жили около Кузьмино, недалеко от Дно, около Москва-товарная, у Москва-реки* и другие подобные случаи [Панов 1963, с. 10]. Тенденция к употреблению именительного падежа топонимов в контекстах, требующих форм косвенных падежей, которая, возможно, возникла как следствие недостаточного различения падежных форм в устной речи, затем поддерживалась практикой несклоняемости географических названий в официальных документах, поскольку исключала неоднозначность восстановления формы именительного падежа из форм косвенных падежей (например, в *Домодедове* – начальная форма *Домодедово* или *Домодедов?*). Нормы употребления склоняемых и несклоняемых топонимов, в первую очередь на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)*, с некоторых пор стали оцениваться как нестабильные, что послужило для отдельных исследователей основанием утверждать, что в грамматике русского языка наблюдается тенденция к аналитическим изменениям.

Аналитизм определяется как типологическое свойство языковой системы, «проявляющееся в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматического, словообразовательного) значений слова»³. Он проявляется в языке через аналитические конструкции, состоящие из сочетания основного (полнозначного) и вспомогательного (служебного) слов⁴. Необ-

---

¹Граудина Л.К. Вариантность // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 104.

²Солицев В.М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 80.

³Гак В.Г. Порядок слов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 31.

⁴Там же.

ходимо различать проявления аналитизма в грамматической системе языка и в узусе употребления тех или иных моделей синтаксической связи. Если на уровне морфологии топоним сохраняет падежные формы в системе, то можно говорить об аналитической конструкции только на уровне синтаксиса, в узусе. В сочетаниях «географический термин (апеллятив) + топоним» за именем собственным в именительном падеже закрепляется функция названия, а грамматическая связь с другими словами в предложении реализуется во флексиях существительного-апеллятива, то есть можно говорить о расщеплении в узусе форм, предназначенных для выражения грамматического значения, и номинативной функции. Такое расщепление действительно может расцениваться как шаг грамматической системы языка в направлении аналитизма при известной устойчивости подобной тенденции в узусе, приводящей к изменениям системы и нормы. Следовательно, для того чтобы оценивать узусальную выраженность тенденции к аналитизму в этой части русской грамматики, имеет смысл провести количественный и качественный анализ встречаемости вариантов употребления именительного падежа в функции косвенного и флективного выражения косвенных падежей в разных условиях коммуникации, соответствующих хотя бы нескольким дискурсивным практикам.

Важной особенностью современной коммуникации является ее неоднородность, что позволяет выделять зоны, которые наиболее ярко демонстрируют новации, связанные с динамикой современных речевых процессов. К таким зонам относят, в частности, язык медиа. Изменения в дискурсивных практиках медиа оказывают заметное воздействие на изменения языка в целом, в частности на изменение актуального узуса построения словосочетаний и предложений, что в дальнейшем может найти отражение в норме языка, а затем и в его грамматической системе. Этот процесс иногда называют медиатизацией грамматики. Важно, что в таких дискурсивных практиках используются средства разных функциональных стилей, что позволяет на основании исследования медиатекстов делать предположения о тенденциях изменений языка в целом.

Описание особенностей употребления и оформления грамматических конструкций в медиатекстах, представляющих наиболее широкий спектр современных узусальных практик, позволит сделать предположения, касающиеся оснований выбора тех или иных языковых средств. Особенности такого выбора могут быть связаны с различными условиями протекания дискурсивной практики, обнаруживать во всех случаях некие общие и устойчивые черты или вообще носить случайный характер.

При изучении оформления топонимов в сочетании с апеллятивами традиционно ставятся следующие вопросы: 1) каким вариантам фактически отдается предпочтение в текстах того или иного функционального стиля/дискурсивной практики? 2) есть ли различия в оформлении топонимов, связанные с той или иной формой реализации языка? 3) какие группы топонимов затрагивает эта тенденция?

Другими словами, при исследовании этой проблемы требуется установить, в какой степени формальное выражение связи топонимов с апеллятивами в русском языке при помощи грамматических средств обусловлено коммуникативной задачей, условиями протекания дискурса и особенностями словообразовательной модели топонима.

Современные медиа в этом отношении наиболее показательны, поскольку поликодовость, мультимедийность и гипертекстуальность большинства представленных в них речевых произведений действительно приводят к взаимовлиянию и взаимопроникновению механизмов и средств устной и письменной речи, к интеракции разных дискурсивных практик.

Usage-based model рассматривает грамматические явления языка в динамике их становления с учетом условий протекания дискурса. При таком подходе особое внимание уделяется «связи функциональных параметров языковых единиц с их частотностью и иными динамическими показателями, релевантными для процесса использования языка» [Шапошникова 2020, с. 207].

Приведенные выше соображения позволяют сформулировать гипотезу исследования: в современных массовых дискурсивных практиках употребление именительного падежа склоняемых топонимов иноязычного происхождения вместо требуемых контекстом косвенных падежей может возникнуть под влиянием особенностей разговорной речи и требований к оформлению документов, но усиливается и закрепляется употреблением тегов в новых медиа.

Цель исследования заключается в установлении соответствия современного узуса оформления топонимов в медиадискурсе (письменные тексты) зафиксированной традиционной норме⁵ и описанию актуального ее состояния⁶ для названий городов с суффиксом *-поль*.

---

⁵Розенталь Д.Э. Согласование приложений – географических названий // Практическая стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1977. С. 222–224.

⁶Бельчиков Ю.А. Согласование приложений – географических наименований (топонимов) // Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. С. 266–269.

Для достижения цели необходимо решение двух задач: 1) выявление предпочитаемых вариантов оформления и 2) описание условий такого выбора. В качестве материала исследования использован массив текстов газетного подкорпуса (СМИ 2000-х гг.) Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Материалом для анализа послужили примеры, отобранные методом лексико-грамматического поиска в газетном подкорпусе (СМИ 2000-х) Национального корпуса русского языка (НКРЯ), затем выявлены количественные, языковые и прагматические характеристики интересующих нас контекстов употребления топонимов с апеллятивами. Всего в текстах газетного подкорпуса НКРЯ было обнаружено 18 топонимов с суффиксоидом *-поль*: *Андреаполь*, *Ахтополь*, *Григориополь*, *Иераполь*, *Каргополь*, *Костополь*, *Мариуполь*, *Мелитополь*, *Неаполь*, *Никополь*, *Севастополь*, *Симферополь*, *Ставрополь*, *Тересполь*, *Тернополь*, *Тирасполь*, *Чистополь*, *Ямполь*.

Больше всего вхождений в документы выдачи установлено для топонима *Севастополь* – 142. Несколько топонимов встретились только по одному разу: *Андреаполь*, *Костополь*, *Тересполь*, *Ямполь*. В число наименований населенных пунктов, образованных по этой модели, вошли топонимы, называющие не только те города, которые расположены на территории России, но и те, которые находятся в других странах, но упоминаются в русскоязычных текстах. В проанализированных текстах массмедиа были представлены различные дискурсивные практики и жанры: новостные сообщения, цитаты из официальных документов, репортажи с места событий и др.

Анализировались контексты уровня предложения.

Пример контекста, в котором топоним согласуется с апеллятивом:

Правоохранительные органы начали расследование по факту захвата здания прокуратуры в *городе Мариуполе* Донецкой области Украины, сообщает пресс-служба областной прокуратуры. В субботу у здания прокуратуры *города Мариуполя* проходил митинг (Анна Иванова: Правоохранители расследуют захват здания прокуратуры в Мариуполе // РИА Новости, 2014.04.05).

Пример контекста с экспансией именительного падежа топонима:

По данным сайта *города Мариуполь*, на 15.00 проголосовали около 10% зарегистрированных избирателей (Жанна Ульянова, Михаил Рубин, Александр Артемьев, Иван Петров: Выход из кризиса, по мнению украинского избирателя, найдет центрист Петр Порошенко // РБК Дейли, 2014.05.26).

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что имеются заметные расхождения между описанной ранее нормой русского языка и современным узусом. В частности не удалось обнаружить корреляцию между низкой частотностью топонима, которая могла бы расцениваться как причина его недостаточной освоенности грамматической системой языка, и отсутствием согласования такого имени собственного с апеллятивом: для трех топонимов (*Ахтополь*, *Костополь*, *Ямполь*) это соблюдается, в то время как в пяти других случаях (*Андреаполь*, *Иераполь*, *Каргополь*, *Никополь*, *Тересполь*) топонимы с низкой частотой встречаемости склоняются во всех зафиксированных контекстах.

Полученные количественные результаты представлены в таблице.

Таблица 1

Варианты оформления грамматической связи
топонима с апеллятивом

№	Название	Именительный падеж топонима в функции косвенного	%	Флексия косвенного падежа	%	Всего
1	Севастополь	36	25	106	75	142
2	Мариуполь	4	30	9	70	13
3	Симферополь	5	15	29	85	34
4	Ставрополь	1	1	66	99	67
5	Ахтополь	2	100	0	0	2
6	Тирасполь	6	11	49	89	55
7	Григориополь	5	25	15	75	20
8	Чистополь	1	17	5	83	6
9	Никополь	0	0	3	100	3
10	Мелитополь	2	33	4	77	6
11	Тернополь	1	20	4	80	5
12	Неаполь	1	50	1	50	2
13	Ямполь	1	100	0	0	1
14	Андреаполь	0	0	1	100	1
15	Каргополь	0	0	3	100	3
16	Костополь	1	100	0	0	1
17	Тересполь	0	0	1	100	1
18	Иераполь	0	0	2	100	2

Таким образом, можно говорить о вариативности выражения грамматической связи с апеллятивом топонимов этой словообразовательной модели в целом, при этом для некоторых конкретных наименований наблюдаются те или иные предпочтения. В общем случае вероятность согласования топонимов этой модели с апеллятивом составляет для разных названий от 50 до 99%. Говорить о жанровых предпочтениях, а также о преобладании того или иного способа оформления в письменной форме реализации языка или в записанных устных высказываниях не представляется возможным: в цитатах из документов или выступлений, в официальных наименованиях структур и должностей, зафиксированных в проанализированной выдаче, достаточно частотны случаи флективно оформленной связи топонима этой модели с соответствующим апеллятивом.

Но если обратиться к такому фактору, как частотность употребления топонима в виде тега⁷ (например, #севастополь или #sevastopol) или сочетаемость этого тега в текстах новых медиа, то можно видеть, что тенденция отсутствия изменения наименования города по падежам становится заметно более выраженной: у всех топонимов с активной экспансией именительного падежа эти показатели заметно превышают средние характеристики для всего множества примеров. Топонимы, представленные одним или двумя вхождениями в массив анализируемых контекстов при этом не учитывались: о закономерности изменения падежной формы или отсутствия этого изменения судить по такому количеству случаев не представляется возможным.

Полученные предварительные выводы позволяют расценивать экспансию именительного падежа топонимов на *-поль* в контекстах, которые с точки зрения описанной нормы русского языка предполагают употребление косвенных падежей, повторяющих формы соответствующего апеллятива как возможное условие для последующего развития аналитизма синтаксического сочетания «географическое название (апеллятив) + топоним». При этом значимую роль для закрепления этой тенденции, во всяком случае для топонимов рассмотренной словообразовательной модели, играет частотность употребления их в качестве тегов, записанных как кириллицей, так и латиницей, и сочетаемость этих тегов. Конечно, фактор закрепления действует только в том случае, если соответствующий фрагмент грамматической системы уже обнаруживает нестабильность, возникающую по другим причинам.

---

⁷ Например, при помощи tagsfinder.com, seo-title.ru или подобных сервисов.

Влияние особенностей узуса новых медиа на усиление или закрепление некоторых общеязыковых тенденций не только в лексике, но и в грамматике подтверждает идею Н.В. Клушиной о сущности и масштабах процесса медиатизации:

...есть публицистический стиль в системе функциональных стилей русского языка, описываемый и воспринимаемый как один из равноправных стилей, наравне с научным, официально-деловым, разговорным. И тогда это только часть литературного языка, а есть медийный вариант всего литературного языка, который объединяет все стили в пространстве массмедиа, подчиняя их своим законам [Клушина 2018, с. 26].

Воздействие механизмов медиакommunikации на такие глубокие и консервативные структуры языка, как грамматика, конечно, осуществляется более медленно, и его последствия носят не столь очевидный характер, как изменения в лексике или стиле, но, по-видимому, медиатизация способна заметно активизировать и направлять процессы, возникающие как внутренние тенденции в языковой системе.

Источник материала для исследования

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 28.04.2020).

Программы для исследования

Проверка сочетаний тегов – URL: <https://www.tagsfinder.com> (дата обращения 30.04.2020).

Проверка частоты тегов – URL: <https://seo-title.ru> (дата обращения 30.04.2020).

Литература

Клушина 2018 – *Клушина Н.И.* Национальный стиль и медийный вариант языка // Вестник ТГПУ. 2018. № 4 (193). С. 26–31.

Панов 1963 – *Панов М.В.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в.: основные позиционные изменения в фонетике и морфологии // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 10–11.

Шапошникова 2020 – *Шапошникова И.В.* Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 199–215.

References

- Klushina, N. (2018) *Nacional'nyi stil' i mediyni variant yazyka* [National style and media version of the language], *Vestnik TGPU*, vol. 193, no. 4, pp. 26–31.
- Panov, M. (1963) “On some general trends in the development of the Russian literary language of the 20th century. Basic positional changes in phonetics and morphology”, *Voprosy yazykoznaviia*, no. 1, pp. 10–11.
- Shaposhnikova, I. (2020), “Hypostases of verbal culture. The universal in the specific”, *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 199–215.

Информация об авторе

Елена П. Буторина, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; butorinaelena@gmail.com

Information about the author

Elena P. Butorina, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; butorinaelena@gmail.com

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 16.12.2022.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,3.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1669

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru